

январь – февраль
1 (111) 2023 год
Научный журнал

Вестник

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА КУЛЬТУРЫ
И ИСКУССТВ

Содержание

- ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ
КУЛЬТУРЫ** **6** **ШВЕЦОВА А. В., МИКИТИНЕЦ А. Ю.,
МИКИТИНЕЦ О. И.**
ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ
КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕКТОР КУЛЬТУРОЛОГИИ:
ОТ ПОСТМОДЕРНИЗМА К СОВРЕМЕННОСТИ
- 18** **ПОНИЗОВКИНА И. Ф.**
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ИДЕАЛ
КАК РЕГУЛЯТИВНАЯ ИДЕЯ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ
- 26** **ИРХЕН И. И.**
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПАРАДИГМЫ
НАУЧНОГО ТВОРЧЕСТВА В. А. РЕМИЗОВА
- 34** **ВЛАСОВ А. А.**
КОНЕЦ ИСТОРИИ. КОНЕЦ УТОПИИ. КОНЕЦ БУДУЩЕГО?
- 41** **БЫЛЕВСКИЙ П. Г.**
КУЛЬТУРОЦЕНТРИЧНЫЙ ПОДХОД
К РАЗВИТИЮ СПОСОБНОСТЕЙ
КАК АЛЬТЕРНАТИВА «ТЕХНОЦЕНТРИЧНОМУ»
ТРАНСГУМАНИЗМУ
- 50** **ЕРЕМЕЕНКО М. С.**
МИФОЛОГИЗАЦИЯ МЕДИАСФЕРЫ
В СОВРЕМЕННОМ СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ
- 55** **КАТАНЧИЕВ З. М.**
СПЕЦИФИКА АДЫГСКОЙ ТРАДИЦИОННОЙ
ГЕНДЕРНОЙ МОДЕЛИ В КОНТЕКСТЕ
КЛАССИЧЕСКОЙ ГЕНДЕРНОЙ ТЕОРИИ
- 63** **ЛОНДАДЖИМ С. Н.**
ИНКУЛЬТУРАЦИЯ ЛИЧНОСТИ
В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

- ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ**
- 70 КАЛИНИНА Г. Н., ТИКУНОВА С. В., ОРЕШКИНА С. Э.**
РАЦИОНАЛЬНО И ЭСТЕТИЧЕСКИ ОРГАНИЗОВАННАЯ ГОРОДСКАЯ СРЕДА (АКСИОЛОГИЯ «МЕСТА» И НАВИГАЦИИ)
- 78 ВЕДЕРНИКОВА М. А.**
РУССКИЙ БАЛЕТ НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА «ТЕАТР И ЖИЗНЬ» (1928 –1936)
- СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ**
- 89 ЧИЖИКОВ В. В.**
ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ТРАНСЛЯТОРЫ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА В ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ
- 98 СЕРЕГИН Н. В.**
ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ В МУЗЫКАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
- 108 ИППОЛИТОВ С. С.**
ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ УСАДЬБЫ С. И. МАМОНТОВА КИРЕЕВО И МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ КУЛЬТУРЫ: ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ПЕРЕСЕЧЕНИЯ
- 122 БУТОРОВ С. А., БУТОРОВ А. С.**
ПОЛИТИЗАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ТУРИЗМА В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА ОТНОШЕНИЙ С ЗАПАДОМ
- 130 АНДРЕЕВА И.В.**
«СОБИРАНИЕ НАУЧНОЕ...»: ВЫСТАВКА КАК ФОРМА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЧАСТНОЙ КОЛЛЕКЦИИ
- БИБЛИОТЕЧНО-ИНФОРМАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**
- 142 СОКОЛОВ С. В.**
Е.И. КУЗЬМИН КАК ОСНОВОПОЛОЖНИК НАУЧНОЙ ШКОЛЫ ИССЛЕДОВАНИЙ ПО ГОСУДАРСТВЕННОЙ БИБЛИОТЕЧНОЙ ПОЛИТИКЕ
- 150 МАСЛАКОВА М. В. ТОЛСТОУХОВА И. В.**
ВОЗМОЖНОСТИ БИБЛИОТЕКИ В ФОРМИРОВАНИИ И РАЗВИТИИ SOFT SKILLS
- 165 КАПЫРИН П. А.**
ПЕРЕДВИЖНАЯ ЭКСПОЗИЦИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ В РОССИИ

January – February
1 (111) 2023
Scientific
Academic Journal

The Bulletin

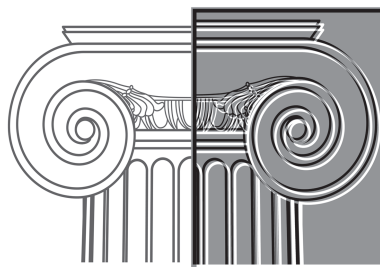
OF MOSCOW STATE UNIVERSITY
OF CULTURE AND ARTS

Content

- THEORY AND HISTORY OF CULTURE**
- 6 SHVETSOVA A. V., MIKITINETS A. Y., MIKITINETS O. I.**
THE TRANSDISCIPLINARITY
AS A METHODOLOGICAL VECTOR OF THE CULTUROLOGY:
FROM THE POSTMODERNISM TO THE MODERNITY
- 18 PONIZOVKINA I. F.**
THE EDUCATIONAL IDEAL
AS A REGULATORY IDEA OF THE EDUCATION SYSTEM
- 26 IRKHEN I. I.**
RESEARCH PARADIGMS IN V. REMISOV'S WORKS
- 34 VLASOV A. A.**
THE END OF HISTORY. THE END OF UTOPIA.
THE END OF FUTURE?
- 41 BYLEVSKIY P. G.**
A CULTURE-CENTRIC APPROACH
TO THE DEVELOPMENT OF ABILITIES
AS AN ALTERNATIVE TO «TECHNO-CENTRIC»
TRANSHUMANISM
- 50 EREMEENKO M. S.**
MYTHOLOGIZATION OF THE MEDIA SPHERE
IN THE MODERN SOCIO-CULTURAL SPACE
- 55 KATANCHIEV Z. M.**
THE SPECIFICITY OF THE ADYGHE
TRADITIONAL GENDER MODEL IN THE CONTEXT
OF CLASSICAL GENDER THEORY
- 63 LONDAJIM S. N.**
INCULTURATION OF PERSONALITY
IN MODERN CONDITIONS

- ARTISTIC CULTURE: HISTORY AND MODERNITY**
- 70 KALININA G. N., TIKUNOVA S. V., ORESHKINA S. E.**
RATIONALLY AND AESTHETICALLY ORGANIZED URBAN ENVIRONMENT (AXIOLOGY OF «PLACE» AND NAVIGATION)
- 78 VEDERNIKOVA M. A.**
RUSSIAN BALLET ON THE PAGES OF THE MAGAZINE «THEATER AND LIFE» (1928–1936)
- SOCIO-CULTURAL PRACTICES**
- 89 CHIZHIKOV V. V.**
INFORMATION TECHNOLOGIES AS TRANSLATORS OF CULTURE AND ART IN VIRTUAL REALITY
- 98 SEREGIN N. V.**
PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL COMMUNICATION IN MUSICAL ACTIVITY
- 108 IPPOLITOV S. S.**
THE HISTORICAL SIGNIFICANCE OF THE ESTATE OF S. I. MAMONTOV IN KIREEVO AND THE MOSCOW STATE INSTITUTE OF CULTURE: GEOGRAPHICAL AND CULTURAL INTERSECTIONS
- 122 BUTOROV S. A., BUTOROV A. S.**
POLITICIZATION OF INTERNATIONAL TOURISM IN THE CONTEXT OF THE CRISIS OF RELATIONS WITH THE WEST
- 130 ANDREEVA I. V.**
«SCIENTIFIC COLLECTING...»: EXHIBITION AS A FORM OF REPRESENTATION PRIVATE COLLECTION
- LIBRARY AND INFORMATION ACTIVITIES**
- 142 SOKOLOV S. V.**
E. I. KUZMIN AS THE FOUNDER OF THE SCIENTIFIC SCHOOL OF RESEARCH ON STATE LIBRARY POLICY
- 150 MASLAKOVA M. V., TOLSTOUKHOVA I. V.**
LIBRARY OPPORTUNITIES IN HEREDITY AND THE DEVELOPMENT OF SOFT SKILLS
- 165 KAPYRIN P. A.**
MOBILE EXPOSITION AS A TOOL OF CULTURAL AND HISTORICAL EDUCATION IN RUSSIA

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ
КУЛЬТУРЫ

ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕКТОР КУЛЬТУРОЛОГИИ: ОТ ПОСТМОДЕРНИЗМА К СОВРЕМЕННОСТИ

УДК 130.2 : 008

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-1111-6-17>

А. В. Швецова

Крымский университет культуры, искусств и туризма,
Симферополь, Республика Крым, Российская Федерация
e-mail: voljaton@rambler.ru

А. Ю. Микитинец

Крымский университет культуры, искусств и туризма,
Симферополь, Республика Крым, Российская Федерация
e-mail: mikitinets-a@yandex.ru

О. И. Микитинец

Крымский университет культуры, искусств и туризма,
Симферополь, Республика Крым, Российская Федерация
e-mail: olya_mikitinets@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена расширению предметной области культуры и основным методологическим аспектам её современных исследований (постмодернизм, Culture studies, экономика культуры), позволившим говорить о выходе культурологии на трансдисциплинарный уровень. Интегративность современной культурологии позволяет преодолеть узкодисциплинарный подход и избежать появления методологических конфликтов между близкими областями науки при исследовании одного и того же предмета – культуры. Становление прикладного уровня исследований и включение в семантическое поле культуры ее ресурсного аспекта позволяют нам определить современный вектор культурологических исследований как трансдисциплинарный. Трансдисциплинарность культурологии опирается, прежде всего, на трансгрессивность самой культуры, которая

ШВЕЦОВА АНТОНИНА ВИКТОРОВНА – доктор философских наук, профессор, Крымский университет культуры, искусств и туризма, декан факультета социокультурной деятельности

МИКИТИНЕЦ АЛЕКСАНДР ЮРЬЕВИЧ – кандидат философских наук, доцент, Крымский университет культуры, искусств и туризма, проректор по научной работе

МИКИТИНЕЦ ОЛЬГА ИВАНОВНА – кандидат философских наук, доцент, Крымский университет культуры, искусств и туризма, доцент кафедры философии, культурологии и гуманитарных дисциплин

SHVETSOVA ANTONINA VIKTOROVNA – DSc in Philosophy, Professor, Crimean University of Culture, Arts and Tourism, Dean of the Faculty of Social and Cultural Activities

MIKITINETS ALEXANDER YURIEVICH – CSc in Philosophy, Associate Professor, Crimean University of Culture, Arts and Tourism, Vice-Rector for Scientific Work

MIKITINETS OLGA IVANOVNA – CSc in Philosophy, Associate Professor, Crimean University of Culture, Arts and Tourism, Associate Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Humanities

© Швецова А. В., Микитинец А. Ю., Микитинец О. И., 2023

рассматривается авторами в контексте постмодернистской парадигмы как методологическая установка, характеризующая неприятие любых поставленных рамок, границ и предполагающая движение сквозь них. Культура интерпретируется как *завершающий штрих*, который позволяет эксплицитно и точно дать характеристику историческим, социальным, политическим и иным явлениям в рамках конкретного социума. Это способствует расширению познавательных стратегий культурологии и изменению их вектора, указывая на сквозной (*trans-дисциплинарный*) характер.

Ключевые слова: культура, постмодернизм, трансдисциплинарность культурологии, Cultural studies, транс-грессивность культуры.

Для цитирования: Швецова А. В., Микитинец А. Ю., Микитинец О. И. Трансдисциплинарность как методологический вектор культурологии: от постмодернизма к современности // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2023. № 1 (111). С. 6–17. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-1111-6-17>

THE TRANSDISCIPLINARITY AS A METHODOLOGICAL VECTOR OF THE CULTUROLOGY: FROM THE POSTMODERNISM TO THE MODERNITY

Antonina V. Shvetsova

Crimean University of Culture, Arts and Tourism,
Simferopol, Republic of Crimea, Russian Federation
e-mail: voljaton@rambler.ru

Alexander Y. Mikitinets

Crimean University of Culture, Arts and Tourism,
Simferopol, Republic of Crimea, Russian Federation
e-mail: mikitinets-a@yandex.ru

Olga I. Mikitinets

Crimean University of Culture, Arts and Tourism,
Simferopol, Republic of Crimea, Russian Federation
e-mail: olya_mikitinets@mail.ru

Abstract: The article is devoted to the expansion of the subject area of the culture and the main methodological aspects of its modern research (the postmodernism, the cultural studies, the economics of the culture), which made it possible to talk about the emergence of the cultural studies on the transdisciplinary level. The integrativity of the modern cultural studies makes it possible to overcome the narrowly disciplinary approach and avoid the emergence of the methodological conflicts between closely related fields of the science in the study of the same subject – the culture. The formation of the applied level of the research and the inclusion of its resource aspect in the semantic field of the culture allow us to define the modern vector of the cultural studies as the transdisciplinary. The transdisciplinarity of the cultural studies relies, first of all, on the transgressive of the culture itself, which is considered by the authors in the context of the postmodern paradigm as the methodological setting that characterizes the rejection of any set frames, boundaries and involves movement through them. The culture is interpreted as a finishing touch that allows you to explicitly and accurately characterize the historical, social, political and other phenomena within the particular society. This contributes to the expansion of the cognitive strategies of the cultural studies and changes in their vector, indicating the cross-cutting (trans-disciplinary) nature.

Keywords: the culture, the postmodernism, the transdisciplinarity of the cultural studies, the Cultural studies, the transgressive of the culture.

For citation: Shvetsova A. V., Mikitinets A. Y., Mikitinets O. I. The transdisciplinarity as a methodological vector of the culturology: from the postmodernism to the modernity. *Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2023, no.1 (111). Pp. 6–17. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-1111-6-17>

Проблема междисциплинарности современных исследований культуры не нова и на протяжении последних лет неизменно находится в фокусе научных дискуссий. Необходимость междисциплинарного подхода к решению исследовательских задач в социальных и гуманитарных областях вызвана, прежде всего, переосмыслением самого понятия культуры, расширением его семантического поля, а также размыванием границ и без того широкого понятия.

В настоящее время культура представляет собой предметную область как фундаментальных наук (философия, культурология, этнология, социальная и культурная антропология, социология, искусствоведение и т. п.), так и относительно новых направлений, затрагивающих те или иные аспекты исследования культуры (например, культурная политика или менеджмент культуры). Чем же вызвано такое многообразие? Прежде всего, невозможностью однозначного определения культуры как отдельной области, то есть того, «... что можно отграничить, обособить и выделить из общей структуры социального бытия; напротив – культура мыслится как некая сущность, которая пронизывает все сферы и аспекты социального бытия, по сути, поддерживая (обеспечивая) его целостность, соотнесенность с человеком» [23, с. 55].

Культура представляет собой, по сути, некий «транзитный механизм», позволяющий человеку адаптироваться в меняющемся мире. Каждое из определений, каждый подход к данному феномену транслирует определенный срез, выражает и отражает существенные признаки и необходимые в каждом конкретном случае функции культуры.

Одно из достаточно широких определений рассматриваемого понятия было дано М. С. Каганом, указавшим, что «культура

есть системная, исторически образованная и исторически изменяющаяся многосторонняя целостность специфических способов деятельности и её опредмеченных плодов: материальных, духовных и духовно-материальных, художественных» [7, с. 44]. Она предстает как «что-то сквозное», проходящее через все сферы бытия человека» [23, с. 59]. И чем больше становится таких сфер, тем сильнее, во-первых, размываются границы культуры, а во-вторых – расширяется поле её исследований, выводятся культурологию на междисциплинарный уровень.

Ещё один аспект, позволяющий говорить об усиливающемся междисциплинарном характере современных исследований культуры: ресурсный подход к данному феномену. А также – сближение сфер, казалось бы, не имеющих точек соприкосновения – экономики и культуры, в результате чего «больше невозможно отделить экономическую область или область производства от области идеологии или культуры, поскольку культурные артефакты, образы, репрезентации, даже чувства и психические структуры стали частью мира экономики» [22, с. 31].

Начавшийся вырисовываться в 60-е годы XX века прикладной вектор исследований культуры завершается формированием прикладной культурологии и окончанием основного процесса институционализации отечественной культурологии.

Именно развитие прикладного уровня культурологии позволило говорить о едином междисциплинарном пространстве, невзирая на существование достаточно разрозненных представлений о роли и функциях культуры в историческом, социально-политическом, художественном и экономическом контекстах.

И. М. Быховская, рассматривая прикладную культурологию, определяет её как

междисциплинарную область, включающую весь спектр социокультурных практик [3, с. 16]. Такое понимание прикладного уровня культурологии позволяет включать в него все исследования, так или иначе относящиеся к практике и связанные с социокультурной сферой. Это ещё больше стирает границы собственно культурологического знания и социально-гуманитарных наук, так или иначе имеющих дело с исследованиями определенных аспектов культуры.

Все эти изменения и стали своеобразным базисом для интеграции теоретических и прикладных исследований культуры и выходом культурологии на междисциплинарный и даже трансдисциплинарный уровень, несомненно, сближая её с таким западным феноменом, порожденным постмодернистскими тенденциями, как *Cultural studies*.

В нашей статье мы хотели бы остановиться именно на постмодернистских аспектах формирования интегративного и *трансдисциплинарного* характера современной культурологии.

Междисциплинарный дискурс и интегративность современной культурологии

Необходимость говорить о культурологических исследованиях с позиций междисциплинарности подчеркивается целым рядом отечественных ученых, указывающих на интегративный характер наук о культуре.

Э. С. Маркарян, одним из первых поднявший этот вопрос в отечественном научном пространстве, указывал на необходимость развития именно интегративных знаний о культуре и обществе и настаивал на междисциплинарном взаимодействии наук.

М. С. Каган, описывая специфику культурологии, отмечал, что понимание культуры как целостного явления возможно именно на междисциплинарном уровне, где различные направления, обращаясь «к изучению общего объекта, в процессе комплексного исследования обмениваются информацией,

находя возможность перевода языка каждой из них на язык других» [8, с. 28]. Тем не менее, в настоящее время такая исследовательская парадигма не является доминирующей и в отечественной, и в мировой науке, где «и по сей день <...> господствует дисциплинарная расчлененность и разобщенность всех отраслей знания» [16, с. 248].

Культурология представляет собой достаточно молодую область научного знания, относительно недавно обретшую прикладной (эмпирический) уровень и до сих пор находящуюся в процессе своего становления. О. Н. Астафьева и К. Э. Разлогов, говоря о предмете и структуре культурологии, определяют её как «интегративное научное направление, формирующееся с конца XIX – начала XX в. по мере накопления в различных науках о культуре и человеке теоретических представлений о динамике культурной реальности во времени/пространстве и обобщения эмпирических исследований и наблюдений за развитием культуры и её проявлениями во всей полноте функционального, ценностно-смыслового и символического содержания» [1, с. 1].

Междисциплинарность культурологии подразумевает под собой не только активную интеграцию социально-гуманитарных исследований, но и активное использование методологии смежных областей знания: «Чаще всего приемы сложившихся методов интегрируются в методологический комплекс и трансформируются, рождая новую инструментальную методологическую целостность» [29, с. 130]. Эта интеграция смежной методологии частично решает методологические проблемы культурологии, вызванные как сложностью культуры в качестве объекта исследования, так и изменением современной исследовательской парадигмы (в том числе и под влиянием постмодернизма). Любой метод, как подчеркивают С. Л. Гернер и Ю. В. Китов, подразумевает возможность всей адекватной полноты познания объекта с позиций целостности: «Культура подлежит изучению, потому что

она является данным в настоящем продуктом предельного воплощения человеком своих сущностных сил в его стремлении к идеалу, который человек транслирует во времени» [4, с. 66]. И такое познание культуры невозможно с позиций только одной из научных дисциплин: оно будет крайне узким и односторонним. Междисциплинарный дискурс в исследованиях культуры решает и проблемы методологических конфликтов между близкими областями науки (например, философии культуры и культурологии [13]), пресекая столкновение научных подходов и выводя культурологию на *трансдисциплинарный уровень*: «Трансдисциплинарность обеспечивает прохождение «сквозь» традиционные дисциплинарные границы и когнитивные уровни <...>, позволяет культурологам формировать целостное представление о сложных процессах и изменениях, происходящих в культуре, обществе и человеке» [1, с. 6].

В данном ключе современная культурология понимается как область интегративных, трансдисциплинарных исследований культуры, общества и человека, изучающих и дающих оценку основным аспектам развития и функционирования культуры в предельно широком смысле. Сложность современного понимания культуры, определенная культуроцентричность социально-гуманитарных наук определяют и прикладной вектор культурологических исследований, который, в свою очередь, способствует расширению познавательных стратегий культурологии и изменению их вектора: «Основная задача прикладного культурологического познания – научно-стратегическое обеспечение практики разрешения реальных социальных проблем» [3, с. 31]. Этот уровень использует весь спектр теоретических знаний о культуре, её механизмах и закономерностях, что отличает прикладные исследования от эмпирических. Следовательно, для его успешного функционирования культурология нуждается в активном приращении теоретических знаний, причем как за счёт собствен-

ных, так и за счёт результатов исследований смежных наук, чтобы удовлетворять специфику потребностей современного общества и человека.

Трансгрессивность культуры и её исследований

Рассмотрение постмодернистской парадигмы культуры происходит в отечественной гуманитарной традиции, как правило, с двух позиций: во-первых, с позиции оценок влияния постиндустриального общества, глобализационных процессов и сближения экономики и культуры; во-вторых, – в контексте текстуализации восприятия культурных, социальных, экономических и иных аспектов её существования.

Постмодернистской концепции культуры посвящено достаточно много работ, подробный анализ которых требует отдельного научного исследования, выходящего за рамки нашей статьи. Здесь мы остановимся только на основных аспектах, позволяющих лучше понять трансдисциплинарную суть современной культурологии.

По сути, постмодернизм не просто предлагает нам текстуализацию культуры, в нем доминирует подход к миру как к тексту – «ткани следов» человеческой жизнедеятельности. Текстом здесь выступает любое бытие, которое может быть «прочитанным» (как наделенное значениями), осмысленным, распознанным, дешифрованным.

Человек сегодня как бы находится в двух мирах («текстах»): *в реальности* физического бытия, где он просто занимает место и существует в определенном временном периоде, и *в культуре*, где он «раскинут» по разным «местам» и «временам» – событиям, делам, поступкам, творческой деятельности в своем неповторимо-уникальном существовании. А смыслы определяются мерой индивидуальной человеческой культуры и мерой «обжитости» мира людьми и т. п.

Культуре постмодерна и постмодернизму как философскому обоснованию этой

культуры посвящены, прежде всего, работы Ж. Ф. Лиотара, Р. Барта, Ж. Бодрийяра, У. Эко, Ж. Делеза, Ж. Деррида, Ю. Кристевой, М. Фуко и др. Именно с их идеями связано возникновение новой культурной парадигмы. Среди современных исследователей отметим А. Павлова, рассматривающего социальную и культурную парадигму в контексте постпостмодернизма [18]. Постмодернизм как способ описания и интерпретации социальной и культурной реальности описывается также А.Я. Флиером [27], Ф. Джеймисоном [5] и др. Формирование постмодернистской парадигмы культуры берёт своё начало от восприятия культуры как текста в работах Ю. Лотмана, У. Эко, Р. Барта.

Так, Ю. Лотман одним из первых стал описывать культуру как текст, начиная от художественной культуры и переходя в более поздних произведениях к широкому пониманию культуры в целом как текста, состоящего из чистых, самоценных смыслов, которые невозможно непосредственно свести к чувственно-воспринимаемым феноменам. То есть культура в таком понимании существует как опосредованная реальность, непредметная (в семантическом отношении) реальность. В определенном смысле культура у Ю. Лотмана представляет собой текст в тексте – сложноорганизованную структуру с множеством как внутритекстовых (т. е. внутрикультурных), так и междутекстовых (культуры и реальности) связей [15]. Именно эти связи позволяют культуре существовать как динамической, постоянно развивающейся системе, наполняющейся смыслами вследствие конституирования и развития смысловых пространств, порождаемых носителями культуры. Это функционирование культуры отражается в понятии семиосферы Ю. Лотмана, создающей возможность коммуникации и появления новых смыслов культуры.

Для описания процесса возникновения новых смыслов текстовой реальности и описания культуры в XX веке всё чаще исполь-

зуется понятие «интертекст». Так, М. Бахтин, которому Ю. Кристева приписывала понятие интертекстуальности, указывал на то, что помимо текстов в стандартном понимании к ним относится также и история, и социальная жизнь, куда включается любой текст, подчеркивал, что текст в полной мере не может существовать без контекста. Сама же Ю. Кристева довольно четко определяет интертекстуальность как взаимодействие в тексте между автором, читателем (потребителем) и культурными контекстами: «Всякое слово (текст) есть такое пересечение двух слов (текстов), где можно прочесть, по меньшей мере, еще одно слово (текст)» [11, с. 429]. Именно в такой интерпретации интертекстуальность лежит в основе постмодернистского восприятия культуры и искусства XX века.

Однако постмодернизм, который ни в какой мере не выступает как этически нейтральная программа [30], подвергнувший критике предшествовавшие концепции и парадигмы и легитимизировавший практически все отклонения от нормы, пошёл в текстуализации реальности и культуры значительно дальше. Начиная с деконструктивистского анализа текста Р. Барта (*analyse textuelle*) и «смерти автора», постмодернисты всю реальность свели к текстовой. Так, Ж. Деррида текстуализирует весь мир, сводя структуру последнего к текстовой; для него текст не имеет границ, он абсолютен, нет ничего кроме текста. Т. е. мир трактуется им как «бесконечный и безграничный текст» [24, с. 90], который нужно подвергнуть деконструкции. Разбирая, подвергая деконструкции знак, он выходит к *онтологическому основанию* зарождения смысла, к различению, пучку смысловых нитей, отличающихся от классической трактовки текста как упорядоченного переплетения нитей тем, что предсказать или предугадать «плетение текста» в запутанном, децентрализованном тексте как пучке *практически невозможно*. Текст становится независимым от контекста, т. е. от своей эпохи, от автора-творца,

заменяясь обезличенным письмом, которое везде оставляет свои следы, создавая интертекст, образуя непоследовательное и одновременное пересечение и даже столкновение смыслов в пространстве культуры и мира, превратившихся в текст. Такую смысловую игру письма можно назвать, по выражению Ж. Деррида, *игрой мира*.

И здесь появляется ещё один термин, наряду с интертекстом объясняющий специфику постмодернистского понимания реальности, – гипертекст. В работах Ж. Деррида, М. Кастельса, Ж. Бодрийера и других он понимается как сущностная характеристика действительности.

Соотнеся данные концепции с семиотическим взглядом на формирование личности как процесса пересечения «всех используемых ею кодов и текстов» [6, с. 154], мы обнаруживаем не только абсолютность влияния культуры на человека, но и стирающие границы между культурой и остальной социальной реальностью.

Опустив все возможные итоги такого *измененного постмодернистами восприятия мира и культуры* (в силу их многообразия и несоответствия направленности нашего исследования), обратим внимание на один крайне важный аспект для понимания современных (в том числе и постпостмодернистских) тенденций исследований культуры – её *трансгрессивность*. Постмодернистская парадигма, разрушая устоявшиеся семантические связи, подвергает сомнению всякие культурные границы вплоть до их откровенного отрицания и неприятия. Один из классиков постмодернизма (если можно так сказать) Ж. Ф. Лиотар подчеркивает это так: «...состояние постмодерна чуждо как разочарованности, так и слепой позитивности установления границ» [12, с. 12]. Другими словами, «понятие границы, в некотором смысле чужеродно, ибо “постмодернистская чувствительность” предполагает такое устройство познавательного пространства, где нет ни центра, ни периферии» [14, с. 32], а есть только ризоматичная структура.

Идея трансгрессии пронизывает буквально всё, чего касается постмодернистская философия, постнеклассическая наука и современное искусство, воплощая озвученный П. Фейерабендом принцип «эпистемологического анархизма» «*допустимо всё (anything goes)*» [25]: «Трансгрессивность предполагает идею неприятия любых поставленных рамок, границ или ценностных ориентаций. Это своеобразная методологическая установка, характеризующая определенную часть культуры. С необходимостью отметим, что в современной научной литературе для характеристики мышления и рассуждений подобного рода используется словосочетание «философствование по краям», которое по смыслу является очень близким и также, пусть и косвенно, но отражающим данную тенденцию» [14, с. 36].

Как писал М. Фуко, «трансгрессия – это жест, который обращен на предел» [28, с. 117]. Собственно, понятия трансгрессии и предела неразрывно связаны между собой: трансгрессия характеризуется тем, что «преступает запрет или закон, или что она является нарушением границы между дозволенным или недозволенным, или что она предполагает выход к пределу возможного и пределу конечного» [9, с. 38].

Человек так или иначе сталкивается с различными границами, пределами в своей жизни. Довольно ограниченный в своем физическом и социальном бытии, он, тем не менее, стремится выйти за пределы самого себя в поисках самости и смысла жизни. И здесь проблема трансгрессии очень близка антропологическим законам Х. Плеснера.

Находясь в рамках множества границ, человек стремится уйти от их ограниченности, вырваться из их влияния, подстроить под себя: «Совершать трансгрессию значит выходить по ту сторону границ или пределов, установленных заповедями, законами или обычаями, это значит нарушать и преступать их. Тем не менее, трансгрессия представляет собой нечто большее, чем только преступление, поскольку совершать трансгрессию зна-

чит также утверждать и даже восхвалять заповедь, закон или обычай. Трансгрессия является глубоко рефлексивным актом одновременно и отрицания, и утверждения» [9, с. 40]. Как отмечает С. М. Каштанова, трансгрессия, с одной стороны, иллюстрирует неприятие любых пределов, но, с другой, она сосредотачивает внимание на самой сути границы: «Трансгрессивное поведение <...> не столько отрицает пределы или границы, сколько превышает их и таким образом завершает их. Любое правило, предел, граница или рубеж несет в себе свое собственное разрушение, преступление или побуждение не подчиниться. Трансгрессия составляет часть правила» [9, с. 40].

Таким образом, говоря о трансгрессивности культуры, тем самым мы расширяем её поле, включая в нее всё, порожденное человеком, и подчеркивая, что граница культуры, единственная из всех возможных – это граница с природой, которая отсылает нас к самому широкому определению культуры как искусственной природы, созданной человеком. Не всё исчерпывается культурой, однако она выступает тем *завершающим штрихом*, который позволяет эксплицитно и точно дать характеристику историческим, социальным, политическим и иным явлениям в рамках конкретного социума. А это выводит культурологию даже из дискурса междисциплинарности, предполагающей взаимодействие между дисциплинами, указывая на сквозной (*trans-дисциплинарный*) характер её исследований.

Еще один аспект, подчеркивающий крайнюю *трансгрессивность культуры* – это её сближение, переплетение со сферой, казалось бы не имеющей к культуре никакого прямого отношения – экономикой. А. Павлов напрямую связывает постмодернистскую парадигму с новейшими формами капитализма [17]. Постмодернизм, выступающий, по сути, новым языком описания современного состояния культуры и общества, строится не только на сближении, но и на тесном переплетении культуры и экономи-

ки, что является его самым существенным отличием от модернистских теорий: «теперь всё есть культура, а культура, в свою очередь, растворена в экономике» [18, с. 26].

М. Коняев в своей рецензии на работу Ф. Джеймисона «Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма» также отмечает, что «культура постмодерна не просто производна от экономики (как надстройка от базиса), она от него неотделима. Культурные отношения в постмодерне – это отношения экономические» [10]. Постмодернистская парадигма строится на ризоматичности, отсутствии чётких границ и смешивании социальной, политической и экономической сфер, которые в конечном итоге производят, распространяют и потребляют культурный продукт.

Культура трансформировалась под влиянием технологий и идей постиндустриализации, и сегодня культурные продукты и даже произведения искусства невозможно окончательно отделить, дистанцировать от рынка, отделить от пространства его потребления [5].

Уникальная по своему содержанию книга У. Баумоля и У. Боуэна «Исполнительские искусства – экономическая дилемма» (1966 г.) стала своеобразным плацдармом для понимания точек соприкосновения этих, казалось бы, не пересекающихся сфер – экономики и высокого искусства. Появление креативных индустрий как отдельного сектора экономики, концепция «экономики впечатлений» (Дж. Пайн, Дж. Гилмор), активно использующая уникальность культуры как ресурса и т. п. упрочили существование новой экономики – экономики культуры. Как отмечает Д. Тросби, она в основном сосредоточена на «производстве и потреблении культуры (главным образом, искусства), характеризующейся как чисто экономические процессы» [22, с. 31].

В то же время экономическая ценность не в состоянии охватить, исчерпать ценность культурную, и эта проблема также становится частью как культурологических,

так и экономических исследований, выводя их в междисциплинарную область, расширяя, преодолевая границы отдельных наук.

Говоря о дисциплинарном дискурсе современных исследований культуры, можно отметить некую *размытость, полисемантическую и трансгрессивность* используемых понятий и, в частности, понятия культуры. Это приводит к размыванию границ её конкретных исследований, что не позволяет четко очерчивать и границы самой культурологии как отдельной науки в привычном смысле слова.

Таким образом, проблема выстраивания границ культурологического знания и основных аспектов её соприкосновения со смежными областями знания возникает в гуманитарной науке в момент изменения семантического поля её понятийного аппарата. И, в частности, с момента трансформации концепта культуры, когда она «стала рассматриваться не как «застывший» феномен, не как идеализированный мир человеческого существования, а как движущееся и движимое явление с открытыми границами для <...> взаимодействия» [21].

Всё это способствовало выходу культурологии за пределы истории культуры и искусства, позволило включить в исследования социально-политическую и экономическую составляющие, сформировав своеобразный базис для междисциплинарных исследований культуры.

Culture Studies: социально-политический вектор культурологии в пространстве постмодерна

Еще одним своеобразным шагом на пути к трансдисциплинарности исследований культуры стало появление в 60-х годах прошлого века такого западного направления, как Culture studies. В рамках постмодернистской парадигмы исследования культуры перестают быть замкнутыми на сути самого этого феномена, и культура из цели превращается в средство, инструмент

регулирования социальных, политических и даже экономических отношений. А. Я. Флиер, рассуждая о судьбах культурологии, отмечает, что в контексте постмодернистских настроений социальное регулирование осуществляется «как действия по обеспечению именно культурных интересов людей. Социальное всё больше и больше превращается в культурное. А это означает, что науки о культуре во всё большей мере становятся политическими науками, науками об управлении обществом» [26, с. 9]. Изначально появившись как исследование этносов, классов и гендерных отношений как продуктов культуры, Culture studies представляла собой фактически не столько научно-исследовательскую, сколько политическую программу, которая изучала культуру как регулирующий и стабилизирующий конфликты феномен: «Она препятствует развитию политических конфликтов в наиболее радикальных, разрушительных формах. Ей имманентна ориентация на согласие, которая снижает объективные социально-экономические противостояния» [2, с. 77]. Данное направление предложило несколько моделей понимания культуры, что, в совокупности с *постмодернистскими тенденциями* привело к расцвету такого исследовательского подхода, как *studies*, в котором стараются избегать «тотализаций и разговора о культуре как таковой и концентрирующегося скорее на микроисследованиях» [18, с. 13]. Всё это также способствовало уходу от понимания культуры как высокой сферы, ограничивающейся искусством, литературой, архитектурой и историей этнических и национальных культур. Однако главное, что подчеркнули Culture studies, – это междисциплинарность, что поспособствовало институционализации и упрочению положения наук о культуре в мировом исследовательском пространстве. Возможность выбора любых методов и стратегий, подходящих под поставленную научно-исследовательскую задачу, – это основной, на наш взгляд, вклад данного направления в становление современной культу-

рологии. Сосредоточенные на исследовании социальной и культурной реальности во всей её полноте и сложности, Culture studies непосредственно связаны с постмодернистской методологией и постмодернистским пониманием действительности.

Такое осмысление проблем позволило обнаружить скрытые смыслы и неявные конфликты в социальном пространстве. Именно с позиций постмодернизма культура начала осмысливаться как ресурс, инструмент, «... информационно-манипулятивная стратегия социального управления, практическая значимость которой в регулировании социальных процессов необычайно высока. <...> Постмодернизм был сосредоточен преимущественно на анализе культуры как текста и его неявных смыслов как информационного потока, обеспечивающего социально-регулятивные задачи управления» [27, с. 4].

Таким образом, и прикладной уровень культурологии появился под влиянием политики, экономики и менеджмента, в том числе, в рамках постмодернистской парадигмы и Cultural studies, вынудив отойти от привычной методологической традиции в исследованиях культуры. Достаточно явно на такое изменение указывает, например, обновленный паспорт специальности 5.10.1. Теория и история культуры, искусства, который включает, с одной стороны, как традиционные для теоретической культурологии и истории культуры направления: 3. Исторические аспекты теории культуры, мировоззренческие и ментальные аспекты теории культуры; 21. Миф в системе культуры; 60. Культура романтизма и т. д.), так, с другой стороны, тематику прикладных исследований, затрагивающих междисциплинарные области: 44. Культурная политика общества, национальные и региональные аспекты культурной политики. Государственная и негосударственная культурная политика. 50. Культура профессиональных сфер деятельности (правовая, политическая, экономическая, административная и др.).

51. Культура и хозяйственно-экономическая жизнь общества. 69. Культурная безопасность и безопасность культуры. 110. Наука – технология – культура: подходы к изучению их взаимовлияния [19].

Подведём некоторые итоги нашего исследования.

Во-первых, трансдисциплинарность современной культурологии обусловлена реакцией на постпостмодернистскую парадигму культуры и опирается на несколько ключевых факторов: ресурсность культуры и её сближение с экономикой, переход от культуры как цели к культуре как средству решения социальных, политических и экономических проблем и т. п.

Во-вторых, расширение семантического поля культуры, произошедшее не только под влиянием смежных с культурологией областей (таких как культурная антропология, этнография, искусствоведение), но и под влиянием постмодернистских и постструктуралистских концепций, посвященных текстуализации восприятия политических, социальных, экономических и иных аспектов существования культуры [18], способствовало выходу исследований культуры на трансдисциплинарный уровень.

В-третьих, трансгрессивность самой культуры, не позволяющая установить какие бы то ни было стационарные и чёткие границы данного понятия, способствовала расширению исследовательской парадигмы культуры и её методологической составляющей.

В-четвертых, прикладной уровень исследований культуры, значительно расширивший сегодня предметное поле культурологии и выведший исследования в междисциплинарную область, обозначил ряд теоретических и методологических проблем, преодолеть которые можно только при трансдисциплинарном подходе к исследованиям.

Современная культурология нуждается в расширении и уточнении понятийного аппарата, в разработке новых методологических стратегий, которые будут учитывать

неразрывность теоретического уровня и уровня прикладного. Именно это способствует выведению культурологии на трансдисциплинарный уровень, указывая на то, что гуманитарные науки есть не что иное, как науки о культуре.

В-пятых, на трансдисциплинарность указывает и новый паспорт специальности по культурологии. Помимо укрупнения

специальностей перечень возможных направлений исследования в истории и теории культуры значительно расширился, захватывая как смежные отрасли (философию, социологию, историю и искусствоведение), так и достаточно оторванные, на первый взгляд, направления (экономику, государственное управление, политологию, юриспруденцию и т. п.).

Список литературы

1. Астафьева О. Н., Разлогов К. Э. Культурология: предмет и структура // Культурологический журнал. 2010. №1. С. 1–13 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturologiya-predmet-i-struktura>
2. Беляев Д. А., Кондратьев И. М., Нелюбова И. В., Трубицын А. Г. Cultural studies как альтернативная грамматика дискурса о культуре: неомарксистские рецепции и социальнополитическая практика // Культура и цивилизация. 2020. Том 10. № 1А. С. 73–80.
3. Быховская И. М. Прикладной вектор культурологии: искомое и сущее // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2011. № 14. С. 21–40.
4. Гернер С. Л., Китов Ю. В. Проблема метода в науке о культуре // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2020. №6 (98). С. 50–68.
5. Джеймисон Ф. Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма / пер. с англ. Д. Кралечкина; под научной редакцией А. Олейникова. Москва : Издательство Института Гайдара, 2019. 808 с.
6. Иванов Вяч. Вс. Избранные труды по семиотике и истории культуры. Том 1. Москва : Школа «Языки русской культуры», 1998. 912 с.
7. Каган М. С. Введение в историю мировой культуры. В 2 кн. : Книга первая, 2-е издание. Санкт-Петербург : Петрополис, 2003. 368 с.
8. Каган М. С. Взаимоотношение наук, искусства и философии как историко-культурная проблема // Гуманитарий. Ежегодник №1. Санкт-Петербург : Петрополис, 1995. С. 14–28.
9. Каиштанова С. М. Трансгрессия как социально-философское понятие: дис... канд. филос. наук. Санкт-Петербург, 2016. 203 с.
10. Коняев М. Рецензия на книгу Фредерика Джеймисона «Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма» / пер. с англ. Д. Кралечкина; под научн. ред. А. Олейникова. Москва : Издательство Института Гайдара, 2019. 808 с. [Электронный ресурс]. URL: https://doxajournal.ru/texts/jameson_postmodernism
11. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму / пер. с франц. и вступ. ст. Г. К. Косикова. Москва : Прогресс, 2000. С. 427–457.
12. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / пер. с фр. Н. А. Шматко. Москва : АЛТЕИЯ, 1998 [Электронный ресурс]. URL: <https://yandex.ru/search/?text=http%3A%2F%2Fwww.gum%20ru.info%2Fbogoslov%20%20Buku%2Fphilos%2Flist%2Findex%20%20.php%20%20&lr=213&clid=2708947&promo=mail.ru&mstatid=99999999&msp=1>
13. Мареева Е. В. Культурология или философия культуры: истоки методологического конфликта // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2021. №1 (99). С. 52–61.

14. Микитинец А. Ю. Феномен трансгрессивности современной культуры (методологический аспект) // Таврические студии. Культурология. 2015. №7. С. 31–36.
15. Микитинец О. И. Концепция культуры как «текста в тексте» Ю. М. Лотмана // Культура народов Причерноморья. 2008. №134. С. 51–52.
16. Мосолова Л. М. Культурология в контексте междисциплинарных исследований // Ярославский педагогический вестник. 2017. № 5. С. 247–251.
17. Павлов А. В. Постмодернистский ген: является ли посткапитализм постпостмодернизмом? // Логос. 2019. Т. 29. № 2. С. 1–24 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/postmodernistskiy-gen-yavlyaetsya-li-postkapitalizm-postpostmodernizmom>
18. Павлов А. В. Постпостмодернизм: как социальная и культурная теории объясняют наше время. Издательский дом «Дело» РАНХиГС. 2021. 560 с.
19. Паспорт специальности Культурология // Высшая аттестационная комиссия при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации [Электронный ресурс] URL: <https://vak.minobrnauki.gov.ru/uploader/loader?type=1&name=91506173002&f=7892>
20. Пономаренко И. Н. Постмодернизм и гипертекст // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2005. № 7. С. 98–103.
21. Попов Е. А. Культура, общество и человек в объектно-предметном поле современной социальной культурологии и социологии культуры // Философская мысль. 2013. № 3. С. 170–204 [Электронный ресурс]. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=415
22. Тросби Д. Экономика и культура. Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. 256 с.
23. Хагапсове Х. Г., Астафьева О. Н., Докучаев И. И., Леонов И. В. Информационно-семиотическая теория культуры: введение: монография. Санкт-Петербург : Астерион, 2020. 208 с.
24. Тюленева Е. М. «Пустой знак» в постмодернизме: теория и русская литературная практика. Иваново, 2006. 295 с. [Электронный ресурс] URL: <http://ivanovo.ac.ru/upload/medialibrary/d6f/Tyuleneva.pdf>
25. Фейерабенд П. Против метода. Очерк анархистской теории познания / пер. с англ. А. Л. Никифорова. Москва : АСТ, Москва : Хранитель, 2007. 413 с.
26. Флиер А. Я. Культурология 2011. Авторский сборник эссе и статей. Москва : Согласие, 2011. 560 с.
27. Флиер А. Я. Науки о культуре после постмодернизма: постфутурология // Обсерватория культуры. 2012. № 2. С. 4–11.
28. Фуко М. О трансгрессии // Танатография Эроса: Жорж Батай и французская мысль середины XX века. Санкт-Петербург : Мифрил, 1994. С. 111–132.
29. Чебанюк Т. А. Методологические основания культурологии // Фундаментальные проблемы современной культурологии. Т. I. Теория культуры. Санкт-Петербург, 2007. С. 127–136.
30. Шиньев Е. П. Интертекстуальность как механизм культурного взаимодействия и социокультурный феномен // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2010. № 1. С. 81–88.

*

Поступила в редакцию 16.01.2023

О БРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ИДЕАЛ КАК РЕГУЛЯТИВНАЯ ИДЕЯ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 1(091)

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-1111-18-25>

И. Ф. Понизовкина

Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова,
Москва, Российская Федерация
e-mail: irina-ponizovkin@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается одно из центральных понятий теории и практики системы образования – образовательный идеал. Подчеркивается недостаточное внимание исследователей к всестороннему анализу этого феномена. Автор подробно останавливается на актуальности этого понятия, анализирует его сущность, структуру и концепт в сравнении с другими понятиями: идеал образования, идеал образованности, педагогический идеал. Особое внимание уделяется раскрытию функциональной значимости и роли образовательного идеала в образовательно-воспитательной деятельности и развитии социума. Автор аргументирует необходимость формирования национального образовательного идеала в РФ и анализирует первые шаги в этом направлении.

Ключевые слова: идеал, образовательный идеал, национальный образовательный идеал, образование, система образования, культурный суверенитет.

Для цитирования: Понизовкина И. Ф. Образовательный идеал как регулятивная идея системы образования // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2023. № 1 (111). С. 18–25. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-1111-18-25>

THE EDUCATIONAL IDEAL AS A REGULATORY IDEA OF THE EDUCATION SYSTEM

Irina F. Ponizovkina

Plekhanov Russian University of Economics,
Moscow, Russian Federation
e-mail: irina-ponizovkin@mail.ru

Abstract: The article discusses one of the central concepts of the theory and practice of the education system – the educational ideal. Insufficient attention of researchers to a comprehensive analysis of this phenomenon is emphasized. The author dwells in detail on the relevance of this concept, analyzes its essence, structure and concept in comparison with other concepts: the ideal of education, the ideal of education, the pedagogical

ПОНИЗОВКИНА ИРИНА ФЕДОРОВНА – кандидат философских наук, доцент кафедры истории и философии, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова

PONIZOVKINA IRINA FEDOROVNA – CSc in Philosophy, Associate Professor at the Department of History and Philosophy, Plekhanov Russian University of Economics

© Понизовкина И. Ф., 2023

ideal. Special attention is paid to the disclosure of the functional significance and role of the educational ideal in educational and educational activities and the development of society. The author argues for the need to form a national educational ideal in the Russian Federation and analyzes the first steps in this direction.

Keywords: ideal, educational ideal, national educational ideal, education, education system, cultural sovereignty.

For citation: Ponizovkina I. F. The educational ideal as a regulative idea of the education system. *Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2023, no.1 (111). Pp. 18–25. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-1111-18-25>

На сегодняшнем этапе развития российского общества – на этапе обострившихся внутренних и внешних противоречий, этапе постмодернистского ценностного релятивизма, усугубленного трансформациями формирующегося информационного общества, – очень важно определиться с национальной образовательной идеей, а точнее, образовательным идеалом, который стал бы маяком для сообщества преподавателей и учащихся, способным показать правильный путь не только педагогике и образованию, но через них решить многие проблемы общества в целом.

Однако для этого необходимо сначала конституировать национальную идею, способную объединить во имя прогресса творческие силы народа, всего российского социума, особенно – в его противостоянии идеологическому напору Запада. И события последних лет значительно ускорили результат таких духовных поисков. Этот результат должен быть закреплен и скорректирован через образовательную систему.

Задача эта непростая, ведь в последние десятилетия отсутствие у нашего государства определенной идеологии было закреплено даже в Конституции РФ 1993 года (Статья 13. п. 2). Именно в эти десятилетия перестройки и постперестроечной эпохи вопросы формирования идеала гражданина, совершенного человека – представителя российского социума, связанные с проблемой русской национальной идентичности, приобрели особую значимость. К сожалению, разрушение прежних советских ценностных ориентаций не привело к формированию

новых идеалов, способных консолидировать российское общество.

Процесс вестернизации усугубился стремлением западного сообщества к монополизации мирового образовательного пространства. Следствием этого явилась интеграция системы российского образования в Болонский процесс с последующей трансформацией концептов образования в сторону унификации, коммерциализации, прагматизации и оказания образовательных услуг, что вполне соответствует устремлениям общества потребления. Катализатором этих изменений стало то, что период конца XX – начала XXI века характеризуется мыслителями (З. Бауманом, Э. Гидденсом, Ф. Эмери и др.) в мировой практике постмодернистским релятивизмом и неустойчивой фрагментарностью, в том числе, в образовательной среде; отрицанием сложившихся общечеловеческих ценностей и смыслов, их иерархии; конструированием, навязыванием новых значений и переосмыслением, часто бесплодным, прежних, что привело во многих сферах к отрицанию духовных достижений человечества и постепенному расчеловечиванию Человека [8].

Сегодня человеческое сообщество стоит на этапе больших перемен: идет метафизическая (онтологическая) борьба за утверждение тех или иных ценностей человечества. Эти обстоятельства усложняют задачи, стоящие перед образованием в сфере формирования новых смыслов и идеалов, и делают их еще более острыми и актуальными.

Необходимо отметить сложность и неоднозначность понимания как сущности

феномена образовательного идеала, так и интерпретации актуального для современной социокультурной ситуации наполнения этого понятия. Многие исследователи (Ивашевский С. Л., Гудкова Н. Н., Зинченко В. П., Блинов В. И и др.) отмечают недостаточную изученность понятия образовательного идеала, несмотря на его центральное положение в категориальной системе философско-педагогических наук и образовательной деятельности. До настоящего времени философская и научно-педагогическая мысль не представила всестороннего, широкого осмысления данного феномена.

Преодоление трудностей социально-философской рефлексии в отношении образовательного идеала возможно благодаря осмыслению специфики этого понятия и его отличия или сходства с близкими по значению понятиями: идеал образования, идеал образованности, идеал образованного человека, педагогический идеал.

Обратимся к сущности понятия «образовательный идеал». Оно менее изучено и менее употребляемо, чем более широкое понятие «идеал», о котором спорят уже не одно столетие. Достаточно вспомнить строки из знаменитого романа в стихах А. С. Пушкина о «модном слове *идеал*». Суть этого понятия хорошо и образно передана римским мыслителем I в. Луцием Аннеем Сенекой: «Кто не знает, куда ему плыть, для того не бывает попутного ветра». Идеал – это и есть социальный маяк, указывающий путь «кораблю»-обществу. Древнему философу вторит современный профессор социологии Вайнцвайг П.: «Если у вас есть идеалы, вы чувствуете конкретную направленность вашей жизни и попутные ветры неминуемо несут вашу ладью к желанному берегу. Чем выше идеал, тем сильнее ветер...» [1]. Идеалы во всех сферах общественной жизни являются фокусировкой социальных интересов и ярким проявлением движущих сил развития.

Советский и российский философ Давидович В. Е. посвятил этой проблеме работу

«Теория идеала» (1983 г.), которая и сегодня во многих своих философских основаниях остается актуальной и заслуживающей внимания. Те или иные аспекты теории идеала разрабатывали отечественные мыслители Э. В. Ильенков, Е. И. Дубко, В. В. Ильин, А. Т. Калинин, А. В. Кезин, В. А. Титов и др.

Идеал является смыслообразующим фактором жизнетворчества человека и общества, определяющим стратегию деятельности и жизненную позицию. Он предполагает некоторую совокупность качеств и ценностей человеческой личности, получивших высокую всеобщую социальную оценку (Рис. 1) [7]. Советский философ Э. В. Ильенков [4] сравнивал идеал с зеркалом, в котором человек (общество) видит свой совершенный образ, высшее целеполагание. Этот образ призван не только вдохновить на прогрессивные и полезные свершения, но и позволяет разглядеть в себе реальном недостатки и потенциальные возможности.

Рисунок 1

Можно выделить в содержании идеала, в том числе образовательного, ряд его основных компонентов – эмоциональных, ценностных, поведенческих, когнитивных:

- эталонный эмоционально-чувственный образ;
- образ (образец) должного поведения;
- набор необходимых качеств личности;
- внутренняя цель-мотивация;

- высшая цель (конечные ориентиры стремлений);
- наглядно созерцаемый образ цели;
- система ценностей;
- инструментарий и средства для осуществления замыслов личности.

«Образовательная деятельность характеризуется особой формой целеустремленности. Это всегда процесс преодоления настоящего во имя будущего, направляемый представлениями об идеальном результате своего труда... Как форма опережающего отражения идеал исходит из динамики социальной действительности...» [3]. Таким образом, образовательный идеал выступает как заказ общества в виде вдохновляющего образа, устремленного в лучшее будущее. Поэтому многие характеристики этого образа выходят за пределы непосредственного актуального опыта.

Само понятие образования – неоднозначное, под которым подразумеваются различные концепты:

- *институциональный*, который подразумевает упорядоченную совокупность образовательных заведений и организаций с управленческой инфраструктурой;
- *социально-функциональный*, акцентирующий внимание на самом образовательном процессе сохранения, освоения, трансляции и воспроизводства лучших образцов культуры и социального опыта от поколения к поколению – через обучение и воспитание;
- *дидактико-педагогический* концепт подразумевает результат деятельности системы образования, который сконцентрирован в понятии *образованности*. Уровень образованности определяется через сертифицированные результаты обучения-воспитания, определенный, конкретно представленный уровень освоения социального опыта и социальной адаптации.

В плане рассмотрения понятия «*идеал образования*» предметом исследования выступают вышеизложенные концепты образования в своей совершенной форме, на-

илучшим образом выполняющей социальный заказ общества. Таким образом, идеал образования можно определить как «детерминированная культурными приоритетами ценность, определяющая дальнейшее совершенствование системы образования» [2].

Идеал образованности (образованного человека) опирается на представления о социально значимых, желательных и прогнозируемых результатах образования, то есть такой системе достижений обучающихся, наличие которых предопределяет появление у человека карьерных перспектив, становится ресурсом для приобретения им более высоких социальных статусов, восходящей позитивной мобильности. Понятие образованности носит чаще персонифицированный характер. Образованность – важнейшая характеристика и ценный социальный атрибут гражданина практически любой страны. И эти результаты, как правило, конкретно документально выражены.

В каждой стране разрабатывается свой идеал образованности (образованного человека). Сформировать его через совокупность компетенций (ранее – ЗУНов: знаний, умений и навыков) и есть главная цель современного образования. В необходимый набор компетенций входят следующие основные виды: общекультурные, учебно-познавательные, профессиональные, коммуникативные, информационные и другие. Этот набор определяется социальными потребностями и предстает в виде вполне конкретных целевых ориентиров образования, закрепленных в государственных образовательных стандартах и играющих моделирующую роль. На их основе создается модель компетентности – рабочая модель, направленная на достижение идеала образованности.

В отличие от идеала образованности, который состоит из отдельных показателей, норм и критериев компетентности, понятие *образовательного идеала*, хотя внешне выглядит синонимичным по значению, имеет свой концепт, менее прикладной, менее технологичный, обобщенный. Это некий иде-

альный целостный образ выпускника, который соответствует состоянию общества, способствует его положительной динамике и направлен в будущее, на прогресс социума. Этот образ представлен в единстве всех необходимых существенных качеств идеального выпускника. Особую значимость в нем приобретает способность человека к освоению прежнего и нового культурного опыта в условиях высокодинамичной социальной реальности, а не сумма усвоенных знаний и информированность. Образовательный идеал – это конечная идеальная цель и смысл педагогического образования, один из критериев проявления качества образования и воспитания, целенаправляющий и одухотворяющий их.

Самым двусмысленным в теоретическом плане, но и самым употребляемым, является понятие «педагогический идеал». В нем заключено двоякое, а точнее, тройное значение: и идеал педагога, который выступает как выразитель нравственных идеалов своего времени и своего народа, и образ идеального педагогического процесса, и, с другой стороны, идеал результата этого педагогического процесса, часто взятый в конкретно-прикладном выражении.

Существует три уровня целевых установок образовательно-воспитательного процесса:

- 1) *социальные образовательные идеалы*, выражающие высшие ценностно-смысловые устремления всей системы образования и общества в целом;
- 2) *цели деятельности педагога* в процессе обучения-воспитания;
- 3) *цели самих учащихся*, связанные со стремлением к самосовершенствованию и социальной адаптации.

Понятия первого уровня непосредственно отражают и формируют образовательный идеал своего времени, а затем конкретизируются, моделируются в целевых установках 2 и 3 уровней, представляя собой в идеале стройную систему обучения-воспитания.

Следует также отметить существование в любом обществе двух аспектов образовательного идеала личности. Первый аспект представлен в виде возвышенного идеально-абстрактного образа, заведомо недостижимого, но идеологически пропагандируемого и эмоционально воспринимаемого обществом. Его предназначение – быть путеводной звездой, ориентиром-мотиватором, высшим образцом, к которому следует подвести обучаемо-воспитуемого как можно ближе.

Другой аспект идеала выглядит более приземленным и наглядно-чувственным. Он, как правило, имеет реальное воплощение в обществе. Это «герой нашего времени», тот, которым мы восхищаемся, на которого хотели бы быть похожими, чьи качества желали бы иметь себе и своим детям.

Первый идеал в большей степени предназначен для системы образования в целом, используется как центральный элемент педагогической теории. Второй более индивидуализирован и практикоориентирован, он является конкретным ориентиром в обществе, вектором деятельности для педагога и учащегося. И эти два образовательных идеала должны иметь определенное слияние, но в реальности далеко не всегда совпадают и даже могут противоречить друг другу. Стратегическая цель общества и системы образования – добиться их тождества.

Еще одна проблема выражается в несформированности или отсутствии образовательного идеала – и в обществе, и в системе образования, и, соответственно, у самого индивида. Отсутствие четких идеалов приводит к ложным путям социального развития, заблуждениям в достижении прогресса образовательной системы, дидактическим «разброду и шатаниям» и создает практические трудности в процессе обучения. Ведь сегодня все чаще утилитарно настроенное общество призывает во всех сферах деятельности жить сегодняшним днем, добиваться быстрых результатов, действовать ситуативно в «зоне доступности». У молодых людей в образовательной деятельности происхо-

дит деформация ценностных установок в направлении личностно-ориентированных, сиюминутных задач [7].

Современная философия образования и педагогика нуждаются в осмыслении, переосмыслении и эффективном воплощении в жизнь предназначения образовательного идеала. Можно выделить следующие основные функции образовательного идеала.

Во-первых, *смыслообразующая и целеполагающая* функция, которая призвана воодушевить, наполнить высоким смыслом каждодневный процесс получения образования, акцентировать внимание на образовательной миссии, без воплощения которой невозможно достичь желаемого качества обучения.

Во-вторых, образовательный идеал осуществляет *организационно-регулирующую* функцию. Сформированность идеала и осуществление его рефлексии позволяют разработать развернутую систему актуальной образовательной деятельности, то есть правильно сконструировать парадигму образования, сформулировать совокупность образовательных задач в рамках этой парадигмы, выбрать верный вектор развития и определить поэтапную последовательность достижения целей, а также оценить условия и степень достижения результатов. Весь учебно-методический комплекс, обеспечивающий учебный процесс (учебные планы, программы, правовое обеспечение, образовательные технологии и т. д.), формируется в соответствии с социально заданными конечными ориентирами, определяемыми образовательным идеалом.

В-третьих, *эвристическая* роль идеала образования проявляется при поиске и разработке новых педагогических технологий, методов, приемов и содержания обучения, соответствующих конечным ориентирам. Например, идеал гуманизации системы образования может стать причиной для пересмотра содержания дисциплин как социально-гуманитарного цикла, так и естественно-научного.

Важной функцией образовательного идеала является *социализирующая*. Образование считает своей миссией подготовку человека к полноценной будущей жизни в обществе, вовлечение его в активный процесс социальной жизнедеятельности и жизнетворчества, профессиональной самореализации и саморазвития. Динамизм общественных процессов и изменение социальных доминант непременно сказываются на пересмотре образовательного идеала, который имеет огромный адаптивный потенциал и задает вектор успешной социализации. Эталонный образ идеала хотя и существует только в воображении, но является мерилем реального поведения педагогов и учащихся, позволяя им сбросить оковы отживших неактуальных отношений и ценностей.

Мотивационная функция образовательного идеала опирается на такую его черту, как привлекательность и позитивность для всех участников процесса обучения и воспитания. Только тогда он превратится в активную силу социального процесса созидания. Такой идеал помогает подняться над суетной повседневностью и вырваться из цепей привычной обыденности и внешних обстоятельств.

Прогностическая функция образовательного идеала опирается на его направленность в будущее. Идеал в образовании должен идти всегда на шаг впереди динамичного процесса развития общества, отражая при этом и учитывая тенденции общественного развития, возможности и условия для трансформации социально-образовательной системы.

Таким образом, образовательный идеал – это результат, продукт социальной жизни и её «своеобразный зародыш» (по выражению Дюркгейма) – зародыш новой жизни, к которой стремится общество и который зарождается в стенах образовательных учреждений.

Поскольку образовательный идеал – это объективное отражение тенденций общественного развития, его невозможно сконструировать без предварительного глубокого

анализа реальных социальных процессов и их прогнозирования. Отжившие, чуждые обществу идеалы, насаждаемые извне, будут рано или поздно отторгнуты социумом. Примером может служить навязанная российскому образованию извне идея обучения как услуги, которая не выдержала проверку временем на соответствие традиционным ценностям российского общества. При этом необходимо помнить, что образовательный идеал является предвосхищением будущего и выходит в определенной мере за рамки потребностей наличного социального бытия.

Кардинальные трансформации экономической и духовной жизни российского общества в постсоветский период негативно повлияли на идейно-ценностные ориентации в сфере образования. Прежние идеалы утратили свою актуальность, а новые духовные ориентиры не сформировались. Навязывалось мнение, что воспитательно-образовательный процесс не должен быть заложником какой-либо идеологии, конъюнктурных устремлений и даже властных предпочтений. Поэтому в принятой в РФ в 2000 году Национальной доктрине образования, действующей до 2025 г., не было даже раздела и упоминания о столь важном понятии, как национальный образовательный идеал [5].

Постперестроечная Россия стремилась интегрироваться в мировое сообщество, включиться в Болонский образовательный процесс, который продвигал идею, что национальное образование должно базироваться на общих западных принципах, приравненных к общечеловеческим ценностям. Однако многие традиционные смыслы в образовательном пространстве были утрачены и не получили достойной замены, что сказалось отрицательно на всей системе российского образования и его результатах.

В качестве идейной основы западной системы образования провозглашались выработанный и, казалось бы, проверенный многовековой практикой принцип гуманизма, впоследствии переросший в идеи толерантности и плюрализма, а также «идеоло-

гически нейтральная» идея образования как услуги. Но оказалось, что даже «общие ценности» цивилизации в разных культурных сообществах и внутри сообществ интерпретируются и конкретизируются по-разному.

Сегодня назрела необходимость в разработке новой Национальной доктрины образования в Российской Федерации. В 2022 году был создан проект новой образовательной доктрины, ознаменовавший переход к национально ориентированному образованию. Эта доктрина была приведена в полное соответствие со Стратегией национальной безопасности Российской Федерации; она также учитывает сегодняшнюю непростую ситуацию в международных отношениях: «Доктрина задаёт ориентиры качественного и подлинно общенародного образования, необходимые для обеспечения суверенного развития России, её многонационального и многоконфессионального народа» [6]. Проект Национальной доктрины образования в Российской Федерации предлагает в основу новой модели системы образования России заложить следующие черты «национального образовательного идеала человека, способного строить и развивать общество и государство на отечественных культурно-исторических и духовно-нравственных основах» [6]:

- «самостоятельный, творческий, грамотный и умелый;
- стремящийся познавать истину, созидать красоту и творить добро;
- устремлённый к духовному, умственному, нравственному и физическому совершенствованию;
- укоренённый в духовных и культурно-исторических традициях многонационального народа России и заботящийся о его сохранении и воспроизводстве;
- заботливый семьянин, любящий родителей, супругу/супруга, детей и внуков, живущий интересами близких, хранящий, приумножающий и передающий потомкам наследие своих предков;

- гражданин, осознающий себя сыном/дочерью своего Отечества и принимающий ответственность за его судьбу как свою личную» [6].

Предложенный проект образовательной доктрины впервые носит ярко выраженный преемственный характер и рассматривает восхождение к национальному образовательному идеалу как «целенаправленный процесс становления и развития сущностных сил и способностей человека, раскрытия в нём подлинно человеческого потенциала», сверхзадачей которого является служение человеку, народу и стране в целом [6].

Таким образом, сегодняшние противоречия и трудности формирования национального образовательного идеала в системе образования РФ обусловлены как внешними, так и внутренними процессами. Во-первых, вся мировая система образования подверглась мощной трансформации в

сторону замены прежней образовательной парадигмы новыми концепциями на основе плюрализма, технологизма, «экономики знаний» и альтернативного обучения. Во-вторых, наблюдается стремление Запада к монополизации мирового образовательного пространства – стремление навязать системе российского образования критерии и нормы западной образовательной практики. В-третьих, в России проявляется явное движение к установлению национальной идентичности, выраженное в интересе к духовному прошлому России, образовательным национальным традициям, русской педагогике. В этой ситуации отечественному образованию необходимо выработать свой национальный образовательный идеал и соответствующие конечным ориентирам технологии образовательно-воспитательной деятельности, способные сплотить российское общество и мобилизовать его на преодоление вызовов XXI века.

Список литературы

1. *Вайнцивайг П.* Десять заповедей творческой личности: Пер. с англ. Москва : Прогресс, 1990. 192 с.
2. *Гудкова Н. Н.* Идеал образованного человека как культурно-исторический феномен: автореф. дис... канд. филос. наук. Тюмень, 2006. 24 с.
3. *Ивашевский С. Л.* Идеалы и правовые нормы образовательной культуры России: история и теория развития: автореф. дис...доктора филос. наук. Нижний Новгород, 2008. 60 с.
4. *Ильенков Э. В.* Об идолах и идеалах. Киев : Час-Крок, 2006. 312 с.
5. Национальная доктрина образования в Российской Федерации (Постановление от 4 октября 2000 г. №751) [Электронный ресурс]. URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=40758>
6. Национальная доктрина образования в Российской Федерации. Проект / Под ред. чл.-корр. РАО В. И. Слободчикова. Изд. 4-е, исправленное и дополненное. Москва, 2022. 32 с.
7. *Понизовкина И. Ф.* «Блажен, кто выбрал цель и путь ...»: мифы и реалии обретения утраченного смысла жизни // Вестник РЭУ им. Г. В. Плеханова. 2012. №7 (49). С. 25–31.
8. *Понизовкина И. Ф.* Общество постмодернити и философско-гуманитарное образование // Социально-гуманитарные знания. 2019. № 9. С. 52–57.
9. Стратегические документы современного образования. [Электронный ресурс]. URL: https://new.beliru.ru/wp-content/uploads/2018/04/4.nacionalnaja-doktrina-do2025_g.pdf

*

Поступила в редакцию 26.01.2023

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПАРАДИГМЫ НАУЧНОГО ТВОРЧЕСТВА В. А. РЕМИЗОВА

УДК 008

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-1111-26-33>

И. И. Ирхен

Академия Русского балета имени А. Я. Вагановой
Санкт-Петербург, Российская Федерация
e-mail: irkhen67@gmail.com

Аннотация: 2 февраля 2023 года в Смоленске состоялись первые Международные Ремизовские чтения «Культурная модернизация: современные проекции». Уникальность и новизну Чтений определили, с одной стороны, представление персоналии видного московского ученого, доктора культурологии, профессора, академика Международной Академии информатизации Вячеслава Александровича Ремизова, с другой – постановка проблематики культурной модернизации с позиции междисциплинарного подхода. Статья является итогом теоретического осмысления научного творчества Ремизова. Выделяются три исследовательские парадигмы, посвященные культуре личности, анализу цивилизационных процессов и самой теории культуры. Обозначенные с позиций парадигмальности структурные составляющие в виде ценностных ориентиров, мировоззренческих (ментальных) установок, исследовательского инструментария, научного сообщества прослеживаются в каждой парадигме. Автор приходит к выводу, что генерализация исследовательских парадигм показывает многогранность научных интересов Ремизова в разных ракурсах культурологической мысли.

Ключевые слова: Вячеслав Ремизов, исследовательские парадигмы, культура, культура личности, теория культуры, культурно-цивилизационные процессы.

Для цитирования: Ирхен И. И. Исследовательские парадигмы научного творчества В. А. Ремизова // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2023. № 1 (111). С. 26–33. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-1111-26-33>

RESEARCH PARADIGMS IN V. REMISOV'S WORKS

Irina I. Irkhen

Vaganova Ballet Academy
Saint Petersburg, Russian Federation
e-mail: irkhen67@gmail.com

Abstract: On Feb 2, 2023 in Smolensk there was held the First International «Cultural Modernization: Modern Perspectives» Forum. Its unique and innovative character was determined, on the one hand, by referring to the personality of the distinguished scientist, Dr. Habil in Cultural Studies, Professor, Member of the In-

ИРХЕН ИРИНА ИГОРЕВНА – доктор культурологии, профессор кафедры общей педагогики, заведующая аспирантурой Академии Русского балета имени А. Я. Вагановой

IRKHEN IRINA IGOREVNA – DSc in Cultural Studies, Professor at the Department of General Pedagogy, Head of the Post-Graduate course at the Vaganova Ballet Academy

© Ирхен И. И., 2023

ternational Forum Informatization Academy Viacheslav Remizov, on the other – by outlining the problems of cultural informatization from the perspective of the interdisciplinary approach. The article is a result of theoretical reflection on Remizov's works, in which one can clearly see three research paradigms, dealing with personality and culture, analysis of civilizing process and the theory of culture. Each paradigm has its structural components, described with regard to their paradigmality as values, research instruments, research community. The author comes to the conclusion that research paradigm generalization shows multifacetedness of Remizov's scientific interests in different aspects of culture studies.

Keywords: Viacheslav Remizov, research paradigms, culture, personal culture, cultural theory, cultural and civilisation processes.

For citation: Irkhen I. I. Research paradigms in V. Remisov's works. *Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2023, no.1 (111). Pp. 26–33. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-1111-26-33>

Происходящая в культурологическом дискурсе «перезагрузка» основных направлений позволяет выделить две доминанты. Одна отражает обилие культурологических работ общей направленности, другая фиксирует разработку культурологического пространства «вглубь». Среди авторов второго направления можно назвать О. Н. Астафьеву, А. В. Костину, В. А. Ремизова, А. Я. Флиера и др.

В условиях культурной модернизации российского общества необходимость осмысления этих процессов, в виду многомерности социокультурного пространства, обретает особую значимость. Это определяется, с одной стороны, поиском концептуальных линий, связанных с переходом России к новой парадигме развития, с другой стороны – мотивацией ученых обнаружить лакуны, осмыслить слабо изученные предметные аспекты современности.

Для представления содержательных характеристик исследовательских парадигм профессора В. А. Ремизова вначале обозначим структурные составляющие. Согласно позиции Т. Куна, «под парадигмами понимаются признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решений» [4, с. 11]. Это набор идей, убеждений или представлений, т. е. некое ментальное окно для воспри-

ятия мира. Структурными составляющими исследовательской парадигмы выступают: ценностные ориентиры, мировоззренческие (ментальные) установки, исследовательский инструментарий, научное сообщество. Следуя данной логике, в научном творчестве В. А. Ремизова, как представляется, можно выделить три исследовательские парадигмы.

Первая исследовательская парадигма охватывает достаточно обширное количество работ ученого и связана с его докторской диссертацией, посвященной культуре личности. Будучи учеником Б. М. Сапунова, известного в научном сообществе в качестве специалиста по эстетике и культурологии, находясь под личностным влиянием таких видных военных исследователей, как Б. В. Сафронов, А. С. Миловидов, Н. А. Чалдымов и др., Ремизов впервые обратился к этим проблемам, осмысливая проявления художественно-эстетической активности личности. Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук «Эстетическое восприятие и проблемы его формирования и развития у советских воинов» защищена в Военно-политической академии в 1977 г. Следует отметить, что в дальнейшем эта тема найдет свое воплощение в работе «Армия в культуре и искусстве» (2014).

Развитие темы на общеметодологическом уровне с начала 1980-х годов вылилось в защиту докторской диссертации (2000) и

публикацию трех основополагающих монографий 2000-х годов: «Культура личности», «Культура личности: ценностно-мировозренческий анализ», «Социальная экология культуры личности». Основная идея ученого: культура личности есть то надприродное образование в человеке, которое делает его создателем «второй природы» – культуры [10].

Как показывает анализ, в рамках этой исследовательской парадигмы ценностным ориентиром для В. А. Ремизова стала личность в системе социокультурных связей и отношений. Исходя из этого посыла, под культурой личности ученый понимает целостность ее природных, психологических и социокультурных характеристик, где стержнем выступает мера включенности в творчески созидательную деятельность, уровень гуманистичности и нравственно-регулирующей рефлексии, степень социализированности, образованности, воспитанности [8].

Ментальные установки исследовательской парадигмы можно обозначить следующим образом. Основной производительной силой общества, обеспечивающей его развитие, неизменно был и остается «человек культурный», способный к самоопределению в мире культуры. В свою очередь, он оказывается главным средством и целью социального бытия. Духовное определяет созидательную человеческую деятельность. Это побуждает ученого исследовать проблему типологии культуры личности в аспекте ценностно-мировоззренческого анализа, что явилось новым для культурологической мысли. Выделенные им типы – быто-ориентированная личность, социо-ориентированная личность и индивидуально-ориентированная личность – разнятся эксплицитностью ценностных ориентаций того или иного культурно-исторического периода. Если первый тип во временном отношении детерминирован тоталитарными, диктаторскими режимами с разной степенью их выраженности, второй – демократическими системами, то третий проявляет себя в переходные

периоды истории, в так называемые «нулевые» точки общественного развития [8].

Здесь важнейшей составляющей культуры личности и общества выступает духовность, которая оказывается в эпицентре исследовательских интересов В. А. Ремизова. В системе элементов культуры личности духовность выступает цементирующей силой. Несмотря на активное вовлечение понятия в культурфилософский дискурс и наличие свыше 240 дефиниций духовности (по данным ИНИОН РАН), проблема духовности на сегодняшний день продолжает оставаться в числе неотложных, ключевых. Исходя из постулата о том, что «духовное не равно сознанию, а как бы выше» [8, с. 116], ученый предлагает авторское определение: «Духовность личности – это сущностное, специфическое качество человека, имеющее светское и религиозное выражение, гуманистическое или антигуманистическое содержание. Она характеризует мотивацию, цели поведения и систему отношений личности как свободный и углубленный поиск смысла жизни, ценностей и идеалов, который проявляется в созидательном творчестве, составляя внутреннюю реальность ее культурного бытия» [8, с. 200]. В своих работах ученый характеризует структуру духовности и ее функциональные признаки; динамику как движение к целостности личности, единству в нем истины, добра и красоты, связанных с овладением исторически значимой художественной культурой; вводит понятие псевдодуховности, сопряженной с деструктивным смыслокоординационным началом. Концепция духовности В. А. Ремизова, признанная в гуманитарных вузах и включенная в учебник «Основы духовной культуры» [7, с. 39–40], является определенной вехой в осмыслении данного феномена.

Исследовательский инструментарий Ремизова достаточно обширен. Опираясь на диалектический и системный методы исследования культуры личности в ее общих и специфических детерминантах, ученый активно привлекает метод контент-анализа

периодической печати, собственных наблюдений и опросов, что обеспечивает суммарный теоретический и практико-ориентированный взгляд на насущные проблемы в оптике культурологии.

Характеризуя первую исследовательскую парадигму, следует отметить, что спектр интересов профессора Ремизова постепенно сдвигается от широких теоретических обобщений к основным проблемам культуры, возникающим «здесь и сейчас». Поднимаемые им вопросы (теряем ли мы культуру? куда идет наша культура? язык мой – враг мой?) доказывают беспокойство ученого состоянием современного культурного процесса страны, где просматриваются риски падения нравов, утраты традиционных ценностей, деградации внутренней жизни семьи, снижения культуры речи. Он приходит к выводу о неустойчивости духовно-ориентированных процессов в российском обществе, действии объективного закона отставания «духовного» от динамики материальной жизни, которая тоже переживает свою «эпоху перемен».

Красной нитью в его работах проходит мысль о том, что «личность является прямым культурогенным субъектом, воплощающим себя в культуре» [8]. Это ставит на повестку дня необходимость последовательных инвестиций в человека (которые пока недостаточны), актуализирует формирование востребованной обществом личности через систему гуманитарного образования, в том числе в сфере культуры и искусства. Все эти проблемы так или иначе сопряжены с духовно-нравственным здоровьем нации.

Артикулируемые В. А. Ремизовым идеи несколько позже нашли свое отражение в целом ряде законодательных инициатив. В частности, в «Основах государственной культурной политики», утвержденных Указом Президента России в 2023 г., на уровне целеполагания обозначено: «Формирование гармонично развитой личности, разделяющей традиционные российские духовно-нравственные ценности, и укрепление

единства и сплоченности российского общества посредством культурного и гуманитарного развития» [11]. Это позволяет говорить о глубинном мышлении ученого, его видении современных культурных процессов «изнутри».

Научное сообщество в рамках первой исследовательской парадигмы представлено коллегами и учениками В. А. Ремизова. Это его супруга и соавтор профессор В. С. Садовская, в тандеме с которой подготовлены работы «Основы коммуникативной культуры» (2009), которая переведена на казахский язык, «Культура научного творчества» (2012), «Эдагогика» (2014), «Культурная антропология» (2017), «Психология общения» (2023, 2-е изд.). Заслуженное общественное признание ученого вылилось в его неоднократном лауреатстве на Всероссийском конкурсе «Лучшая научная книга года», организованном Фондом развития отечественного образования.

Следует отметить последователей ученого в лице возвращенной им плеяды четырех докторов и семи кандидатов наук, а также – группы аспирантов, находящихся пока еще в стадии завершения своих научных работ под руководством В. А. Ремизова. Все они развили и развивают идеи своего учителя о социокультурной обусловленности деятельности человека в различных сферах общественной жизни. Назовем лишь некоторые из этих идей: идея о чести офицера как особой форме социальной престижности в России в ее социокультурном становлении и развитии [2]; идея о проявлении многоуровневых глобализационных трансформаций в общественно-культурных процессах, в том числе в образовании, что расширяет имеющиеся представления о видовых проявлениях региональных образовательных процессов в сфере культуры и искусства, а также позволяет выработать основные направления их оптимизации [1]; идея развития культурного ресурса Вьетнама, направленного на обеспечение устойчивого развития и совершенствования туризма страны [6]; идея диалектики

праздничности и повседневности как основы устойчивой культурно-ориентационной модели общества [5].

Таким образом, рефлексия первой исследовательской парадигмы профессора В. А. Ремизова актуализирует работы по осмыслению различных парадигмальных подходов к культурным феноменам, позволяющие представить неразрывную связь областей культуры с ее ценностно-смысловым содержанием, с культурно-историческими процессами эпохи. Все это дает основание говорить о формировании его научной школы с условным названием «Духовная культура и ее функциональность в обществе».

Вторая исследовательская парадигма В. А. Ремизова охватывает работы, посвященные анализу цивилизационных процессов. Здесь можно проследить вектор: от постановки общих проблем социокультурной динамики до анализа цивилизационных столкновений в постглобальном мире. Масштабным обобщением в рамках данной парадигмы явилась публикация серии статей в рецензируемых научных журналах и монографии «Культурно-цивилизационные процессы» (2020).

Ценностным ориентиром для ученого стала система «культура – цивилизация – общество – человек». Основная идея: вступление человечества в новую фазу «осевого времени истории» актуализирует вопрос выбора новой цивилизационной модели развития, в которой в значительно большей мере «человек выступает и средством, и главной целью цивилизационного процесса» [10]. Проблема цивилизационного выбора погрузила мир в атмосферу военных конфликтов, санкций, взаимной нетерпимости. Вся противоречивость мировых культурно-цивилизационных процессов, проявляемая в новом перемещении народов, свертывании форм глобализации и возрастании «глокализации», культивировании личной свободы вне морали, стремлении к этнокультурной идентичности и укреплению традиционных духовно-нрав-

ственных ценностей российской цивилизации стала предметом культурфилософского дискурса ученого.

Ментальные установки ученого определяются его общегражданской позицией. Как полковник Вооруженных Сил России (в отставке) В. А. Ремизов не приемлет наблюдаемое в медийном пространстве представление российской цивилизации в уничижительном свете, умаление неоспоримых достижений ее истории и культуры. Он отмечает, что в гибридном противоборстве культуры и цивилизации определяющим началом оказываются цивилизационные формы, а культурные процессы выступают как ситуационные «корреляты», «демпферы», «культурные креативы». Кроме того, им обсуждается вопрос о «зигзагах» и относительности ясперского «исторического архетипа» в современных условиях.

В своем анализе цивилизационных кодов Запада и России ученый приходит к выводу о поливариативной природе диалоговых процессов, которые, находясь под диктатом политики или идеологии, способны выступать в виде деструктивных, реакционно-деятельностных моделей («культура отмены», ментальный карантин, фейки, культурный сепаратизм и др.). А могут реализовываться и в творчески созидательных формах (культурные форумы, семинары, фестивали, творческие встречи и т. д.).

Исследовательский инструментарий ученого включает синхронный/диахронный анализ развития цивилизаций, типологизацию изучаемого феномена, систематизацию собственного антропологического подхода к анализу мировых цивилизаций. А также он использует формы знания, фиксирующие ранее достигнутые результаты исследований – теорию локальных цивилизаций, принципы анализа масштабных культурных систем Г. А. Аванесовой, сравнительный анализ исторически устойчивых и актуальных характеристик российско-евразийского сотрудничества, выполненный Г. А. Аванесовой и О. Н. Астафьевой и др.

Научное сообщество представлено ведущими аналитиками и единомышленниками ученого, в числе которых А. Г. Ахиезер, И. В. Малыгина, М. Я. Сараф, В. А. Тихонова, Н. А. Чалдымов и др.

Третья исследовательская парадигма охватывает работы, посвященные самой теории культуры. Ряд статей о понятии культуры, опубликованных в «Вестнике МГУ-КИ» и других рецензируемых изданиях, отражают трансформацию взглядов ученого на культурные процессы. Сквозной линией проходит идея от начального истолкования культуры как внебиологической деятельности человека до ее системного рассмотрения.

Основным ценностным ориентиром этой парадигмы выступает культура и ее включение в общественный дискурс.

Ментальные установки ученого определяются трактовкой культуры как глобального феномена, вбирающего все сотворенное и производимое человеком, в отличие от природной первообразности. В таком прочтении статус культуры получают основные модусы человеческого бытия: созидательная деятельность и ее результативность, безупречность и завершенность, степень реализации творческого потенциала. Первостепенной здесь оказывается культура как императив духовной жизнеспособности социума. Соответственно в исследовательское поле включается изучение процесса взаимодействия культуры и цивилизации, соотношения культуры и науки, культуры и природы, прояснение смысла понятия «духовность» и сугубо антропологический подход.

Суммирование естественно-научного взгляда и гуманитарного знания приводит ученого к истолкованию культуры как многогранной, генно-определяющей деятельности, со своими ценностно-смысловыми основаниями и внутренними противоречиями. Это коренным образом меняет взгляды на модель мироустройства, нормы и представления о должном.

Ценностные ориентиры и ментальные установки В. А. Ремизова фиксируются че-

рез осмысление методологии наук о культуре. Здесь он предстает как талантливый методолог, поднимающий дискуссионную проблему исходных позиций культурологического исследования [9]. По его мнению, структурный ряд основных элементов модели методологического подхода в научном исследовании формируют законы или закономерности, принципы, способы познания. Неслучайно А. В. Костина утверждает, что «фактически культурология стала наукой, которая смогла выработать принципиально новую методологию познания, обладающую одновременно и необходимой строгостью, и допускающей в качестве доказательной базы специфическое, то, что не может быть охвачено законами “больших чисел”» [3, с. 61].

Обозначенные А. Я. Флиером методологии исследования культурных процессов – эволюционизм, цивилизационизм, диффузионизм, функционализм, структурализм, постмодернизм, структурный функционализм [12, с. 153], по мнению В. А. Ремизова, сопряжены с аналитико-познавательными школами, научными парадигмами, отражающими способы проникновения в самую суть культуры. В конечном счете, владение методологией в функциональном плане ученый увязывает с пониманием системных взаимосвязей, а шире – с методологической культурой исследователя, сопоставляя методологию с целевой задачей познания.

Исследовательский инструментарий в рамках третьей парадигмы непрерывно обогащается. Культурологии как науке не свойственна дескриптивность. Специфичным и имманентным здесь оказывается метод культурного моделирования, обеспечивающий систематизацию форм, способов функционирования культуры. В работах В. А. Ремизова применение этого метода позволяет провести «мониторинг эстафетной ситуации» российской культуры; наметить тупики и выходы в обыденной культуре; обозначить духовные риски

и спрогнозировать чрезвычайные ситуации в общественной жизни.

Научное сообщество в рамках этой исследовательской парадигмы представлено видными культурологами страны. Это О. Н. Астафьева, А. В. Костина, И. В. Кондаков, С. Б. Синецкий, А. Я. Флиер, А. Н. Хренов и др. Несмотря на приверженность разным культурологическим школам, их объединяет идея возрастания роли культуры в обществе, ее значимости во всех сферах человеческой деятельности.

Генерализация исследовательских парадигм В. А. Ремизова показывает многогранность его научных интересов в разных ракурсах культурологической мысли, которые ждут присоединения учеников и последователей. Во-первых, изучение пределов «культурного роста» в силу противоречивости самого феномена культуры и обнаружение бифуркационных точек, когда культура переходит меру природы и общества. Во-вторых, существование «синергетической нормы» в разных сферах общественной жизни, за пределами которых нарушаются ценностно-смысловые параметры порядка в социуме, также требуют дальнейшего осмысления и «регулирования» социокультурных изменений. Несмотря на приня-

тую Стратегию национальной безопасности России (2021), в научном дискурсе еще слабо отражены чрезвычайные ситуации в духовной сфере общества и личности. В-третьих, дальнейшего осмысления требует антропологическая модель культурного развития. Наличие у человека собственных генетических программ, соответствующих (или не соответствующих) культурным параметрам общества, ставит на повестку дня вопрос о культуре личности и результатах ее взаимодействия с Другим. Наконец, законы и закономерности культурно-цивилизационных процессов в рамках волновой теории образуют еще одну исследовательскую лакуну.

Обобщающая рефлексия научного творчества профессора В. А. Ремизова свидетельствует о его пребывании на передовых позициях культурологической мысли, константном погружении в культурно-цивилизационные процессы «изнутри». Это позволяет ученому продуцировать новации исследовательского ракурса, фактурно насыщать результаты своих изысканий, задействовать междисциплинарный потенциал культурологии для постановки и осмысления сложных социокультурных проблем современности.

Список литературы

1. *Ирхен И. И.* Российское образование в сфере культуры и искусства: глобальные и региональные измерения: дис. ... доктора культурологии / Московский государственный университет культуры и искусств. Москва, 2012. 435 с.
2. *Кердан А. Б.* Социальная престижность государственной службы в России: культурологический анализ: на примере становления офицерской чести: дис. ... доктора культурологии / Московский государственный университет культуры и искусств. Москва, 2007. 351 с.
3. *Костина А. В.* Культурология: специфика становления и поиски методологии // Знание. Понимание. Умение. 2022. № 1. С. 58–74.
4. *Кун Т.* Структура научных революций [пер. с англ. И. З. Налетов и др.]. Москва: АСТ, 2001. 605 [1] с.
5. *Мостицкая Н. Д.* Праздничное и повседневное в коммуникативном пространстве культуры: сущность, содержание, функциональность: дис. ... доктора культурологии / Государственный институт искусствознания. Москва, 2019. 358 с.
6. *Нгуен Куок Хынг.* Культура как ресурс развития туризма во Вьетнаме: дис. ... доктора культурологии / Московский государственный институт культуры. Москва, 2014. 253 с.

7. Основы духовной культуры / Положенкова Е. Ю., Руденко А. М., Самыгин С. И., Пономарев П. А., Бурменская Д. Н. Ростов-на-Дону : Феникс, 2016. 285 с.
8. Ремизов В. А. Культура личности: ценностно-мировоззренческий анализ: монография. Москва : Московский государственный университет культуры и искусств, 2000. 214 с.
9. Ремизов В. А. Методология культурологического анализа: от узкого к широкому подходу. // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2021. № 1 (99). С. 69–76.
10. Ремизов В. А. Культура личности как ресурс развития общества: к постановке проблемы // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2011. № 5 (43). С. 13–18.
11. Указ Президента РФ от 25.01.2023 г. № 35. О внесении изменений в Основы государственной культурной политики, утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 24.12.2014 г. № 808 [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202301250004>
12. Флиер А. Я. Культурология для культурологов / 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Согласие, 2010. 671 с.

*

Поступила в редакцию 06.02.2023

КОНЕЦ ИСТОРИИ. КОНЕЦ УТОПИИ. КОНЕЦ БУДУЩЕГО?

УДК 123.1

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-1111-34-40>

А. А. Власов

Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Российская Федерация
e-mail: mioxin@gmail.com

Аннотация: Утопия как «место, которого нет», неизбежно сопутствует истории человеческого сообщества, открывая для себя все большее количество дискурсов и выступая в качестве неотъемлемого конструирующего элемента будущего. При этом особое внимание обращают на себя те противоречия, которые обнаруживаются в рамках трактовки самого термина утопия, что приводит в результате к выявлению многоуровневой асимметрии, заключенной внутри утопии. И это обстоятельство, в свою очередь, позволяет поставить вопросы о том, каким образом утопия, как исторический феномен, обнаруживает для себя место в условиях конца истории, конца будущего и, возможно, конца самой себя. В этом отношении в статье проводится анализ и сопоставление двух возможных векторов утопического нарратива с тем, чтобы указать на вероятные сценарии будущего, которое они предполагают.

Ключевые слова: утопия, будущее, конец истории, революционное движение, конструктивизм.

Для цитирования: Власов А. А. Конец истории. Конец утопии. Конец будущего? // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2023. № 1 (111). С. 34–40. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-1111-34-40>

THE END OF HISTORY. THE END OF UTOPIA. THE END OF FUTURE?

Aleksandr. A. Vlasov

Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russian Federation
e-mail: mioxin@gmail.com

Abstract: Utopia as “a place that does not exist” inevitably accompanies the history of the human community, discovering an increasing number of discourses and acting as an integral constructive element of the future. At the same time, special attention is drawn to those contradictions that are found within the framework of the interpretation of the term utopia itself, which results in the identification of a multi-level asym-

ВЛАСОВ АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ – старший преподаватель кафедры иностранных языков факультета международных отношений, политологии и зарубежного регионоведения Российского государственного гуманитарного университета

VLASOV ALEKSANDR ALEKSANDROVICH – Senior lecturer, Foreign language department, Faculty of international relations, political science, and area studies. Russian State University for the Humanities

© Власов А. А., 2023

metry contained within utopia. And this circumstance, in turn, allows us to raise questions about how utopia, as a historical phenomenon, finds a place for itself in the conditions of the end of history, the end of the future, and, perhaps, the end of itself. In this regard, the article analyzes and compares two possible vectors of the utopian narrative in order to indicate the likely scenarios for the future that they suggest.

Keywords: utopia, future, the end of history, revolutionary movement, constructivism.

For citation: Vlasov A. A. The end of history. The end of utopia. The end of future? *Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2023, no.1 (111). Pp. 34–40. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-1111-34-40>

У-топос, буквально «который нигде не встречается», – это понятие, которым мы обязаны английскому философу Томасу Морю. Именно в его «Утопии», опубликованной в 1516 г., впервые использовано это понятие, а, в свою очередь, успех самого произведения сделал этот термин популярным.

Утопия Мора – это остров с лучшей формой правления в мире. Однако к настоящему моменту понятие *утопия* отмечено весьма широким семантическим разнообразием. Из чего можно заключить, что само определение утопии становится проблематичным по нескольким причинам. Во-первых, исследования утопии затронули целый ряд дисциплин: достаточно указать ее воздействие на историю, литературу, культурную антропологию, на изучение политических теорий, а также – на психологию и философию. Следовательно, каждая из этих дисциплин вошла в область утопии со своим собственным методом, со своими понятиями, что способствовало не только расширению перспектив утопии, но и усложнению ее определения. При этом, такое междисциплинарное распространение утопии также привело и к дальнейшей радикализации разделения в определениях утопии между обычным использованием этого термина и его использованием специалистами отдельных научных дисциплин. Ко всему этому добавляется еще и *идеологическая проблема* в подходе к утопии между теми, кто рассматривает утопию положительно, и теми, кто рассматривает ее отрицательно; между теми, кто видит в утопии идеал со-

вершенства, и теми, кто уничтожительно видит в утопии отображение нежелательной реальности [12, с. 12].

Таким образом, поставить проблему определения утопии – значит также поставить проблему ее ограничения по отношению к различным способам мышления, а также попытаться прояснить разветвления и расширения, которые этот термин приобрел с момента его образования Томасом Мором. В этом ключе, ссылаясь на проведенный анализ И. В. Желтиковой и Д. В. Гусева, можно говорить о (порядка) четырнадцати значениях этого термина, функционирующих в современных научных и научно-популярных русскоязычных текстах, среди которых в рамках настоящей статьи следует выделить рассмотрение утопии в качестве образа желаемого будущего [2, с. 43].

Распространившись за пределы литературного жанра и войдя в рамки политического дискурса, утопия стала обозначать любой проект совершенного общества, которое при этом может быть как химерическое (и поэтому названное так уничтожительно) или, напротив, общество, которое, содержит в себе принцип реального прогресса, основание и стимул для лучшего будущего. Тем не менее такого рода двоякое прочтение утопии как социального проекта выступает всего лишь началом диалектической игры противоречий, сопутствующих этому понятию, что приобретает особый смысл в контексте «трех концов» (конец истории, конец утопии и конец будущего), вынесенных в заглавие этой статьи.

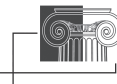

В первую очередь, имеет смысл обратиться к вопросу о том, считать ли утопию законченным, идеальным и статичным проектом или, напротив, – динамичным и подвижным. Традиционно утопия представляет собой рационализированное общество в замкнутом пространстве. Это государство, закрытое от внешнего воздействия и, таким образом, не подвергающееся каким-либо изменениям [15]. Аргументы в поддержку тезиса о закрытости и статичности утопии можно обнаружить у Э. Я. Баталова, который считал, что последователи утопий в своем целеполагании всеобщего счастья опираются на незыблемые догмы: «Что такое утопия в пределе? – Это совершенный, а потому мертвый мир, которому просто некуда развиваться» [1, с. 270]. Похожая точка зрения обнаруживается и у других авторов. Так, например, А. В. Петрухин и Л. Я. Курочкина утверждают, что «идеал как качественное состояние всегда статичен. Утопия, являясь неким постулатом, – это всегда конечный результат, некая завершенная, логически замкнутая система, развитие в которой не имеет места» [8, с. 252]. И в этом отношении утопия выступает как тот самый химерический антипод гуманизма, тогда как последний понимается как подвижный конструктивный подход, допускающий плюралистические и неидеальные модели дальнейшего развития общества. Однако можно обнаружить и противоположную точку зрения. Так, например, французский исследователь Ж. Лабрика рассматривает утопизм как живой образ будущего и не признает в нем догматизма. Лабрика указывает на критичность утопического подхода по отношению к существующему обществу, а также – на создание утопистами альтернативных вариантов будущего [6, с. 290]. Подобную точку зрения разделяет К. Н. Захарова, которая указывает, что для утопии нашего времени характерен новый взгляд на саму себя, «взгляд множественный, полифоничный, плюралистичный» [3, с. 121]. Утопии свойственна открытость и динамичность, подтверждением чему слу-

жит прогноз, который еще в 1905 г. предложил Г. Уэллс: современная утопия не может быть статичной, она должна стать динамичной; из застывшей формулы она должна превратиться в переходную фазу, за которой, непрерывно сменяясь, последуют другие [9].

Таким образом, статичное или динамичное понимание утопии приводит к различным моделям конструирования будущего, которое выстраивается в том или ином социальном проекте утопии. То есть, речь идет либо об археологии будущего (в случае понимания утопии как идеального и законченного проекта), когда из картины *прекрасного будущего* берутся образы для несовершенного настоящего. Либо (в случае интерпретации утопии как динамического и многогранного проекта) образ будущего создается на основе критики *плохого настоящего*. Следовательно, будущее может быть рассмотрено как линейно (когда утопия представляет собой его пассивное ожидание), так и вариативно и творимо (в случае, если утопия предполагает принцип его конструирования). В этой связи интересно обратить внимание на сохраняющийся революционный характер утопии, который при этом радикально меняет свой вектор в зависимости от трактовки исходного понятия.

Будучи критикой относительно существующей реальности, утопия обнаруживает две модели революционного действия. Первая связана с коренными преобразованиями несовершенного общества в настоящем с целью создания лучшего места (и в этом случае *у-топия* – «место, которого нет» – приобретает характеристики *эу-топии* – «благое место»). Вторая модель, напротив, демонстрирует *возвратное движение* (*revolutio* в своем изначальном, астрономическом значении), когда идеальной моделью общества становится некогда утраченная форма социальной организации (*идея потеряннорая*). И, несмотря на то, что традиционно подобный подход скорее характерен для *тутотипии* [4, с. 180], именно на эту тенденцию постмодернистской утопии указыва-

ет французский исследователь Э. Морин: «Реальность настоящего отмечена невидимым падением – невидимым, потому что ушло много времени на то, чтобы это осознать – огромного метеорита. Как и в случае с упавшим в конце вторичной эры большим метеоритом, которому приписывают вымирание динозавров, это падение надолго покрыло всю землю облаками. Этот новый метеорит не нацелен на динозавров, чтобы их уничтожить. Его цель – наше будущее: гарантированное развитие, этот «никелевый» прогресс, непрерывное *улучшение*, которое руководило нами и вселяло в нас надежду. Итак, идея детерминированного, механического, фатального, необходимого, чудесного, лучезарного прогресса уничтожена. В этих условиях мы прекрасно понимаем, что существует бурное возвращение в прошлое или прошлые» [16, с. 155; перевод автора].

В этой связи мы сталкиваемся не только с концом будущего, но и с концом самой утопии как исторического понятия по причине конца самой истории. Как показывает Ж. Монтено, автор работы «Возможно ли общество без утопической мысли?» (*Une société sans pensée utopique est-elle concevable?*), пространственная замкнутость утопии по отношению к внешним влияниям приводит к ее замыканию по отношению к истории и становлению. Утопический нарратив, безусловно, в состоянии рассказать о том, как устроено утопическое общество, но он никогда не предвидит его будущую эволюцию. Следовательно в своей основе он является внеисторическим продуктом [15]. Таким образом, если мы сопряжем эту идею с известной мыслью Ф. Фукуямы о конце истории ввиду достижения человечеством своей высшей точки развития в форме капиталистического общества либеральной демократии (которую некоторые исследователи считают также одной из форм утопии [10]), становится понятной точка зрения сторонников конца утопии.

Так, Г. Маркузе в своей работе [7] указывает на тот факт, что утопия относится к

проектам социальных изменений, которые считаются невозможными по причине незрелости социальной ситуации. Однако, согласно его убеждению, в настоящее время проект социального преобразования может считаться неосуществимым только при условии, что он противоречит определенным научно установленным законам, биологическим законам, физическим законам (например, идея вечной молодости или возвращение к *Золотому веку*) [7, с. 19]. Кроме того, сторонники «конца утопии» делают акцент на современных технологиях как на инструменте, конструирующем будущее. А также они указывают на невозможность появления утопического сознания (изначально являющимся выражением коренных социальных потребностей [5]) в рамках современного постмодернистского общества. Ведь «соединение стабильности и статичности общественной жизни с замкнутостью индивидуумов на самих себя, одиночеством и индивидуализмом, агностицизмом, пессимизмом и нигилизмом приводит к отрицанию утопической направленности сознания» [3, с. 120], которое тем более противоречит стабильности и конечности постиндустриального общества, поскольку несет в себе риски установления тоталитарных режимов.

С другой стороны и в противовес сторонникам конца утопии, Ф. Джеймисон, автор работы «Археология будущего: желание, названное утопией, и другая научная фантастика» (*Archaeologies of the Future: The Desire Called Utopia and other Science Fictions*) следующим образом диагностирует специфические недуги современного общества, для лечения которых может использоваться утопия: «Наносит вред не присутствие врага, а скорее всеобщая вера в то, что не только эта тенденция [*неолиберализм – А. В.*] необратима, но и что исторические альтернативы капитализму оказались нежизнеспособными и невозможными, и что никакая другая социально-экономическая система немислима, не говоря уже о практической возможности ее осуществления» [14, с. xii; перевод автора].

Именно в подобном контексте утопия обретает новую силу и предлагает альтернативу, в рамках которой она, если мы вновь обратимся к словам Джеймисона, становится формой, которая «сама по себе является репрезентативной медитацией о радикальном различии, радикальной инаковости» [там же]. Согласно его позиции, не существует такой силы, которая могла бы что-то противопоставить подобной форме, обозначающей себя в оппозиции к подавляющей и стандартизирующей власти настоящего; власти, которая превращает каждую попытку, направленную в сторону гетерогенности любой из сфер социальной жизни – от более конкретного политического действия к более абстрактному культурному производству, – в увеличение количества одного и того же гомогенного продукта неолиберализма.

Кроме того в диалектическом изложении Джеймисона можно обнаружить неразрывно сопряженную с утопией мысль о *другом*, которая также является способом построения точки зрения, с помощью которой можно различать давление и ограничения текущей ситуации, то есть конкретного настоящего. В одном из своих ранних эссе Джеймисон переворачивает общепринятое представление о специфической природе инаковости, построенной на базе утопии как формы противопоставления настоящему: «Самая глубокая тема утопии и источник всего того, что в ней наиболее ярко выражено политически, это именно наша неспособность постичь ее, наша неспособность произвести ее как видение, наша неспособность спроецировать *Другого* из того, что подобно фейерверку, растворяющемуся в ночном небе, должно снова оставить нас наедине с этой историей» [13, с. 101; перевод автора].

В этом случае оказывается, что утопия – это размышление об ином и одновременно размышление о том, что есть. Именно это противоречие демонстрирует, что каждая утопия стремится представить себе *систему*,

радикально отличную от данной. Тем самым она открывает доступ к системной природе общества, к тому самому, что идеология старается стереть. Специфическая политическая полезность находки Джеймисона состоит при этом в том, что она идет вразрез с фрагментарным зерном современных ей модусов мышления: демонстрируя системную природу общества, она открывает возможность того, что можно назвать мыслью о тотальности настоящего.

Продолжая, таким образом, практическое приложение утопической мысли, следует также указать на тот факт, что бывшие политические утопии – проекты поиска лучшей формы правления и политической организации – сами перестают быть утопическими в современном понимании этого слова. Как подмечает К. Сайяр, на протяжении всей истории были созданы тысячи утопических общин. Их целью было организовать лучший образ жизни, который в конечном итоге станет образцом для остального общества. Здесь важно подчеркнуть тот факт, что не все воплощения утопических теорий в жизнь были неудачными, утопия жила не только в книгах [18]. Кроме того, другая исследовательница утопии Йона Фридман, говоря о генезисе утопии, разделяет его на три элемента: коллективное недовольство, обнаруживаемое средство, способное положить конец этому недовольству, и коллективное согласие. Согласно Фридман, коллективная неудовлетворенность обычно приходит после открытия средства, которое может положить конец этой неудовлетворенности: мы не удовлетворены, потому что знаем, что могли бы иметь что-то другое вместо того, что имеем. Следовательно, утопия, когда она рождается (то есть когда выполняются указанные выше условия), необходимо прагматична, даже сверх того – в этом случае она является единственным прагматическим решением. Иначе говоря, единственным решением, которое не является «утопическим» [11]. И, таким образом,

мы вновь видим, как деутопизированная утопия возвращается к конструированию будущего, в очередной раз сопрягая его с критикой настоящего. Более того, к этой негативной герменевтике, основанной на способности утопии заставить нас смотреть в лицо ограниченности нашего мира, следует добавить тот самый утопический импульс, который скрыт во всем, ориентированном в будущее и имеющем отношение к жизни и культуре.

В этом аспекте даже важно не то, что утопия составляет чертежи будущего или того, как может выглядеть другая система социальной организации. Она политически сильна именно в той мере, в какой она отражает нашу неспособность вообразить что-то за рамками детерминированного единобразия нашего времени. Но тем самым она также производит в самой основе своего проекта то, что отрицает наличествующая система, то есть желание перемен. Именно утопия дает этому желанию «местно обитания и имя», тем самым делая возможным его восприятие. И чтобы в своих ограничениях как последователей протоколов, а не проводников возможностей, общество все еще искало рецепты того, как выглядит утопия, Джеймисон указывает на то, что утопический текст не должен производить синтез того, как утопия может выглядеть в будущем сама по себе, или даже представлять ее, – это дело человеческой истории и коллективной практики. Идея утопии должна лишь произвести потребность в

синтезе, открыть пространство, в котором он должен быть представлен [14].

В заключение хочется обратиться к позиции Жаклин Русс, которая добавляет к определению Аристотелем человека как «политического животного» то, что он также является и «утопическим животным» [17]. Именно в этом смысле утопия может быть определена как мысленный эксперимент, пытающийся решить проблему настоящего с помощью силы воображения. Такого рода проверка используется, чтобы попытаться понять практическое через аналогию: утопия создает прецедент для мысленного исследования, в котором она предлагает экспериментальную вариацию по отношению к нашей эмпирической вселенной. Таким образом, согласно позиции Русс, необходимо прекратить апологию реальности как единственно возможного источника рациональности, поскольку «человеку нужна утопия, как ему нужен кислород» [там же]. И утопическое мышление должно иметь свое место в жизнеутверждающих соображениях, потому что сама утопия не так уж утопична. Именно в этом ключе следует рассматривать утопию как инструмент диагностики ограничений настоящего и как видение нереализованного – и, возможно, неосуществимого – будущего. В этом смысле ценность утопии заключается в том, что каждая из этих двух противоположностей определяет другую и оставляет открытой возможность для эффективного изменения, которое невозможно представить в рамках настоящего.

Список литературы

1. Баталов Э. Я. В мире утопии: Пять диалогов об утопии, утопическом сознании и утопических экспериментах. Москва : Политиздат, 1989. 320 с.
2. Желтикова И. В., Гусев Д. В. Ожидание будущего: утопия, эсхатология, танатология. Орел : Издательство ОГУ, 2011. 172 с.
3. Захарова К. Н. Социальная утопия современного общества // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия Социальные науки. 2012. №2 (26). С. 119–124.
4. Ковтун Н. В. Роман В. Ф. Одоевского «4338 год» и традиции интеллектуальной утопии в России // Известия Томского политехнического университета. 2004. Т. 307. №5. С. 179–183.

5. *Кярова М. А.* Функциональность утопии как феномена социальной жизни // Научный интернет-журнал «Мир Науки». 2014. Выпуск 2.
6. *Лабрика Ж.* Марксизм между наукой и утопией // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2004. № 5. С. 268–293.
7. *Маркузе Г.* Конец утопии /Пер. с англ. Артема Смирнова // ЛОГОС. 2004. № 6 (45). С. 18–23.
8. *Петрухин А. В., Курочкина Л. Я.* Плюрализм трактовок феномена «Утопия» в контексте единой европейской утопической традиции // Вестник Воронежского государственного технического университета. 2009. Т 5. № 11. С. 251–254.
9. *Уэллс Г.* Современная утопия // Завтра: Фантаст. альманах. 1991. Вып. I. С. 120–130.
10. *Bret B., Didier S. and Dufaux F.* Utopias as a tentative horizon for spatial justice [Электронный ресурс] // Justice Spatiale | Spatial Justice. 2012. [вэб-сайт]. URL: <http://www.jssj.org/wp-content/uploads/2013/09/JSSJ5-1-en1.pdf>
11. *Friedman Y.* Utopies réalisables. Les Coiffards: Editions de l'éclat, 2015. 240 p.
12. *Guertin M.* La contestation dystopique (étude sur les rapports entre l'utopie, l'idéologie et la dystopie). Trois-Rivières: Presse de la Université de Québec, 2000. 400 p.
13. *Jameson F.* Of Islands and Trenches: Neutralization and the Production of Utopian Discourse // Ideologies of Theory: Essays 1971–1986, vol. 2. 1988. Pp. 75–101.
14. *Jameson F.* Archaeologies of the Future: The Desire Called Utopia and other Science Fictions. London : Verso, 2005. 431 p.
15. *Montenot J.* Une société sans pensée utopique est-elle concevable? [Электронный ресурс] // Docplayer. 2018. [Electronic resource]. URL: <https://docplayer.fr/210562456-Une-societe-sans-pensee-utopique-est-elle-concevable.html>
16. *Morin E.* Réalisme et utopie // Diogène, 2005/1. №209, Pp. 154–164.
17. *Russ J.* Le socialisme utopique français. Paris : Bordas, 1988. 217 p.
18. *Sayar K.* L'utopie est-elle utopique ? Paris : LeS dOiGtS bLeUs, 2013. 23 p.

*

Поступила в редакцию 26.12.2022

К

УЛЬТУРОЦЕНТРИЧНЫЙ ПОДХОД К РАЗВИТИЮ СПОСОБНОСТЕЙ КАК АЛЬТЕРНАТИВА «ТЕХНОЦЕНТРИЧНОМУ» ТРАНСГУМАНИЗМУ

УДК 101.1

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-1111-41-49>

П. Г. Былевский

Московский государственный лингвистический университет,
Москва, Российская Федерация
e-mail: pr-911@yandex.ru

Аннотация: Цель статьи – исследование соотношения «техноцентричного» и культурно-ориентированного подходов к совершенствованию человека: методологических принципов, средств и результатов. Контекстом переоценки служат фрагментация однополярного глобализма и перспективы перехода к новым моделям международного научного сотрудничества. Применены методы сравнительного анализа и диалектической логики. Выявлена частичность, ограниченность результатов высокотехнологических средств совершенствования человека (human enhancement), а также – риски побочных эффектов и негативных социально-культурных последствий. Сделаны выводы о таких преимуществах культурно-ориентированных средств саморазвития личности, как всесторонность, гармоничность и целостность развития способностей личности, её социальных связей и общества в целом.

Ключевые слова: совершенствование человека, культурная антропология, субъектность, саморазвитие, трансгуманизм, биотехнологии, техноцентризм, культурно-ориентированный подход.

Для цитирования: Былевский П. Г. Культуроцентричный подход к развитию способностей как альтернатива «техноцентричному» трансгуманизму // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2023. №1 (111). С. 41–49. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-1111-41-49>

A CULTURE-CENTRIC APPROACH TO THE DEVELOPMENT OF ABILITIES AS AN ALTERNATIVE TO «TECHNO-CENTRIC» TRANSHUMANISM

Pavel G. Bylevskiy

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation
e-mail: pr-911@yandex.ru

БЫЛЕВСКИЙ ПАВЕЛ ГЕННАДИЕВИЧ – кандидат философских наук, доцент кафедры международной информационной безопасности Института информационных наук, Московский государственный лингвистический университет; доцент Департамента информационной безопасности, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

BYLEVSKY PAVEL GENNADIEVICH – CSc in Philosophy, Associate Professor at the Department of International Information Security of the Institute of Information Sciences, Moscow State Linguistic University; Associate Professor at the Department of Information Security, Financial University under the Government of the Russian Federation

© Былевский П.Г., 2023

Abstract: The purpose of the article is to study the relationship between “technocentric” and culture-oriented approaches to human development: methodological principles, means and results. The context of the reassessment is the fragmentation of unipolar globalism and the prospects for a transition to new models of international scientific cooperation. Methods of comparative analysis and dialectical logic are applied. The partiality, limited results of high-tech means of human enhancement, as well as the risks of side effects and negative socio-cultural consequences, are revealed. Conclusions are drawn about such advantages of culturally-oriented means of self-development of the individual as comprehensiveness, harmony and integrity of the development of the abilities of the individual, his social ties and society as a whole.

Keywords: human improvement, cultural anthropology, subjectness, self-development, transhumanism, biotechnologies, technocentrism, culturally oriented approach.

For citation: Bylevsky P. G. A culture-centric approach to the development of abilities as an alternative to “techno-centric” transhumanism. *Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2023, no.1 (111), Pp. 41–49. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-1111-41-49>

В научной проблематике развития человека, его способностей обозначился серьезный кризис, анализ причин и динамики противоречий которого способен помочь сформулировать альтернативные пути более эффективных подходов и решений. В последние десятилетия в рамках «однополярной» модели научного глобализма доминировал «технологический» подход, получивший формулировку «улучшения человека» (human enhancement), наиболее ярко выраженный в концепции NBIC[S]-конвергенции и трансгуманизма [13]. Приоритет удерживался биотехнологиями, фармацевтикой и компьютерно-робототехническими решениями («протезированием» и «киборгизацией»), а социально-культурные факторы рассматривались как производные автоматически, третьестепенные по значению. Критический анализ результатов, достигнутых в высокотехнологичных «улучшениях» человека, позволяет предположить искусственный характер доминирования этого подхода.

Трансгуманизм как гипертрофия «техноцентризма»

Проблему развития, расширения и усиления способностей человека можно характеризовать как вечную в целом для человечества, различных обществ и для каждой

личности. Понимание «природы человека», «человеческой сущности», возможностей и средств её совершенствования является мировоззренческим вопросом, ответ на который во многом определяет деятельность государства, общества и отдельных граждан. Оценка перспектив и деятельности по решению этой задачи зависит от мировоззрения в целом, понимания устройства мира и эволюции жизни, истории человечества и собственной судьбы каждого человека.

Вопрос совершенствования каждой личности, общества, человечества является извечным, который в наши дни формулируется в виде перспектив продолжения культурного антропогенеза. Что грядёт: «последний человек», «постчеловек», «сверхчеловек» или «новый человек», и каким именно он может быть [17]? Каков должен быть «человек будущего», какие его качества должны быть развиты, какие новые способности должны быть обретены? Каковы параметры расширения человеческих качеств и способностей? Какими средствами, чьими усилиями можно осуществить эти преобразования? Какова «цена вопроса», каковы социально-культурные последствия? Какие угрозы и риски следует учитывать, каким негативным тенденциям противодействовать? Что для этого необходимо делать государству, бизнесу, лично каждому человеку?

Значительные государственные и частные затраты, инвестиции в высокотехнологичные разработки средств совершенствования человека (в том числе в формате его «улучшения»), большое количество научных публикаций по этой тематике несопоставимы со скромными масштабами и неоднозначными последствиями внедрения результатов. Многообещающие прогнозы исследователей и разработчиков многократно не сбывались, достижения оказывались узкоспециализированными, локальными, краткосрочными, действующими лишь в лабораторных условиях. Частичные достижения оказывались обременёнными не только существенными негативными последствиями для личности, но и значительными социально-культурными рисками. Массовые применения предлагаемых высоких технологий совершенствования человека увязывались с ограничением и сокращением численности человечества («золотым миллиардом»), усилением поляризации увеличения привилегий меньшинства, ростом ограничений прав и ухудшения положения большинства [18].

Перечисленные негативные результаты применения «техноцентричного» подхода к совершенствованию («улучшению») человека позволяют критически оценить роль недооценки или даже игнорирования культурно-исторического характера его «природы». Анализ различных аспектов непродуктивности гипертрофированной роли высокотехнологичных инструментов помогает устранить этот дисбаланс, определить принципы культурно-ориентированного подхода к совершенствованию человека. Заслуживают исследования условия развивающего, творческого воздействия культуры на значимые качества, характеристики и параметры человека, которые прежде было принято относить исключительно или преимущественно к сфере технологий (медицинских, биологических, компьютерно-робототехнических и т. п.).

Учёт значения культуры и социально-исторических факторов в формировании

характеристик, «свойств» и способностей человека дает возможность эффективно использовать их потенциал для продолжения «культурного антропогенеза». Для достижения этой цели культурно-ориентированный подход позволяет выявить ресурсы, разработать и результативно использовать методики из областей педагогики, воспитания, обучения, искусства, права, морали и нравственности, средств массовой информации и межличностного общения.

Сведение в глобальной науке (особенно в трансгуманизме) проблематики совершенствования («улучшения») человека преимущественно к технологиям, к наукоёмким разработкам в области медицины, биологии, к компьютерно-робототехническим решениям не универсально для мировой науки. Подобная редукция носит временный и локально ограниченный характер, принадлежит сравнительно недавнему времени, последним десятилетиям. Вопрос расширения и усиления человеческих способностей суживается, редуцируется к сравнительно небольшому перечню его «биологических» телесных и психических характеристик, в свою очередь трактуемых механистически, упрощённо [4].

Так, например, критерием терапевтического «улучшения» при сахарном диабете служит восстановление норматива глюкозы в крови, а «изменения наследуемых признаков» – результаты редактирования генома, частичного изменения химической структуры и состава фрагмента молекулы ДНК. За рамками подобных высокотехнологичных исследований и разработок остаются системные, долговременные результаты таких узколокальных изменений для организма в целом, тем более вне лабораторных условий, в многообразных жизненных коллизиях, сложных и динамически изменчивых.

«Техноцентричный» подход к совершенствованию человека предполагает редукцию, сведение «целевых» показателей человека к немногим упрощённым биологическим, антропометрическим параметрам, а средств

улучшения – к технологиям. «Техноцентризм», заострённый и доведённый до предела трансгуманизмом, характеризуется механистическим мировоззрением, пониманием человека как неодушевлённого предмета, механизма, пусть и очень сложного, машины. Культурно-историческая природа игнорируется, сущность человека сводится к «биологии», которая также трактуется преимущественно упрощённо-механистически [5]. В недостаточной мере учитываются специфика живого организма, его взаимосвязь с условиями жизни – собственной жизнедеятельностью и окружающей средой, в первую очередь с биосферой. Предельно минимизируется и даже исключается понимание развития человека как результата его самосовершенствования, творческого труда над собой.

Противоположность «техноцентричного» и культурно-ориентированного подходов к человеку проявляется в определениях сущности человека, и, следовательно, субъект-объектности, параметров и средств его самосовершенствования. Техноцентричный трансгуманизм исходит из «атомарного» человека, изолированного индивида, преимущественно «биологического»; его социально-культурные качества, социальные отношения и связи автоматически производны, играют далеко не первостепенное значение. Главными характеристиками человека признаются его немногочисленные «телесные» характеристики, антропометрические и формализованные психические, часть которых подлежат в первую очередь количественному «улучшению».

Соотношение технологий и субъектности в развитии человека

Методология «технологического» «улучшения» человека исходит из современной «синтетической теории эволюции», которая дополняет случайные генетические мутации (как источник изменений видовых признаков) процедурой «отбора», естественного или искусственного. «Улучшающее воздей-

ствие» извне осуществляется на основании соответствующих представлений о причинах и механизмах биологической эволюции, то есть инструментально направлено на «точные мишени»: геном, органы, ткани, отдельные биохимические параметры [8]. Субъектами «улучшения» выступают специалисты – по биотехнологиям, медики, конструкторы, программисты и т. п., а средствами – устройства, программное обеспечение, технологии и другие продукты исследований и разработок.

Вопрос управления дальнейшей эволюцией человека в рамках «техноцентризма» решается так же, как и применительно к улучшению экологии, селекции микроорганизмов, сельскохозяйственных и домашних пород растений, животных. Существенной разницы между улучшением чисто биологических объектов и развитием, совершенствованием человека не прослеживается. «Атомарный» индивид – не субъект самосовершенствования, но исключительно пассивный объект улучшения, от которого в лучшем случае требуется согласие и исполнение предписаний специалистов.

«Техноцентричный» подход к совершенствованию человека, основанный на механистическом мировоззрении и «синтетической теории эволюции», преобладает в «однополярной» глобальной науке. В рамках «научного неокOLONиализма» такая методология воспроизводилась в «локальных версиях» в ряде стран, находящихся на периферии глобализма, включая Россию. Критический анализ издержек «техноцентризма» и развитие альтернативного подхода к совершенствованию человека могут совершаться на основе культурно-ориентированных традиций как отечественной, так и зарубежной, мировой научной мысли.

Среди главных отличий культурно-ориентированного подхода от «техноцентричного» – признание человека не пассивным объектом, но активным субъектом своего усовершенствования. Целостное развитие человека, гармоничное расширение и уси-

ление его способностей невозможно только извне, внешним воздействием или же как «реакция на него»: с точки зрения культуры, это, в первую очередь, самосовершенствование человека. Человек выступает культурным, социально-историческим субъектом самосовершенствования, не «робинзоном» и не атомарным «биологическим» индивидом, но совокупностью общественных связей, членом разнообразных сообществ [2]. Значение норм, правил и методик, технических средств культуры велико, но они лишь используются как инструменты саморазвития, которыми овладевает человек.

Велика роль специалистов по совершенствованию людей средствами культуры – педагогов, воспитателей, тренеров, создателей произведений искусства и нравственных авторитетов, но они выступают лишь соучастниками личностного самосовершенствования, своего рода «консультантами». С позиций культурно-ориентированного подхода, в отличие от техноцентричного, совершенствование личности невозможно без её собственного труда как главного субъекта [15]. Этот личный труд, в свою очередь, является частью «совместно-разделённой» деятельности, выполняемой вместе с другими людьми, направленной на самосовершенствование каждого и человеческих отношений в целом.

При самосовершенствовании личности как грани коллективного взаимодействия осуществляется развитие и «расширенное воспроизводство» социальных отношений, в рамках которых оно осуществляется. Социально-культурные отношения групп, в которых действует личность, например, обучающихся, являются подсистемой более крупной системы общественных отношений. Индивидуальное развитие собственных способностей является периферийным фактором совершенствования других людей, локальных социальных отношений в группе и, опосредованно, в обществе в целом.

Важным фактором целостности, комплексности совершенствования человека

средствами культуры является распространение не только на культурные качества и общественные отношения личности, но также и на её «телесность», параметры, относимые к «биологическим» – антропометрию, анатомию и физиологию. Развитие человека, увеличение и усиление его способностей средствами культуры не сводится к отдельным «бестелесным» характеристикам и параметрам, «инструментально неизмеримым» и «точно не градуируемым» [1]. «Техноцентричный» подход к человеку концентрируется на улучшении «телесных» параметров и характеристик личности, однако для этого во многих случаях более эффективны социально-культурные средства, которые действуют целостно, не вызывают вредных «побочных эффектов», имеют устойчивый долговременный результат.

Обширный ряд исследований и разработок посвящён классификации, градациям, средствам инструментального измерения, статистической обработке и анализу телесных аспектов психических качеств, состояний и действий. Однако эти исследования, начиная с усовершенствования «детектора лжи», включают автоматизированное дистанционное распознавание мимики и жестов, признаков поведения злоумышленников, усталости водителей транспортных средств, вовлечённости и эмоций аудитории и т.п. Тем самым «техноцентричный» подход к человеку косвенно признаёт зависимость и даже – производность телесных характеристик от психических состояний и культурных действий, творческой активности [16]. Изменения телесных параметров, сопровождающие совершенствование человека, его личности средствами культуры, носят сложный распределённый характер и требуют целевых точных измерений.

Наиболее наглядно, выпукло и доступно для инструментального измерения телесные результаты совершенствования человека социально-культурными средствами проявляются далеко не только в косметической, пластической хирургии. Эти

итоги не сводятся к улучшению внешнего вида, но способствуют намного более глубоким, разносторонним и существенным телесным усовершенствованиям. Подобные результаты приносит долговременная творческая трудовая деятельность, занятия обычной и лечебно-профилактической физической культурой и кинезитерапией, ведение здорового образа жизни (соблюдение правильного режима питания, чередование активности и отдыха, владение культурой эмоций) [3].

Существенным является вопрос о типах и границах телесного совершенствования человека, достигаемых при помощи, с одной стороны, высокотехнологичных инструментов, с другой – социально-культурных средств. Выбор средств культуры или технологий для совершенствования человека, их сочетаний, зависит от представлений об их сравнительных возможностях, во многом определяемых концепцией эволюции жизни и непосредственно человека. Если «техноцентричный» подход к «улучшению человека» исходит из современной синтетической теории эволюции, то культурно-ориентированной методологии соответствует иная концепция эволюции, близкая культурной антропологии, представленная и в мировой, западноевропейской, и в отечественной науке.

Культурный антропогенез и управление эволюцией телесности

Центральное положение «альтернативной», культурно-ориентированной, концепции эволюции – усовершенствование жизни, организмов благодаря их собственным движениям, усилиям, основанное на самодвижении и саморазвитии материи в целом, начиная с неорганического этапа. Это эволюционное мировоззрение деятельную, творческую первопричину, двигатель и средство самосовершенствования видит в самой материи. Саморазвитие совершенствуется, усложняется, усиливаются детали-

зация и разнообразие, осуществляется внешняя «экспансия» всё более высокоорганизованных форм, видов движения. Поэтапная эволюция неорганического мира приводит к возникновению жизни, затем – и к появлению социально-исторического уровня движения человека с его способностью культурного творчества.

Культурно-ориентированная концепция эволюции предполагает главным фактором возникновения, исторического и грядущего развития человека его собственную творческую деятельность. Философская, культурная антропология в широком смысле не сводится к социально-исторической эволюции собственно культуры в узком смысле, как деятельности и её продуктов. Культурный антропогенез включает также влияние усложняющейся культурной деятельности на формирование биологического вида *Homo Sapiens*, на историческое совершенствование человеческой телесности и современную проблематику формирования «человека будущего».

Культурно-ориентированная концепция эволюции соотносится с трудовой теорией антропогенеза, наиболее кратко и концентрированно изложенной Ф. Энгельсом в очерке «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека» [12]. Труд как социально-культурная, исторически совершенствуемая созидательная деятельность оценивается как главный фактор преобразования не только внешних предметов, но и самого человека. Овладение новыми, всё более сложными, видами социально-культурной деятельности сопровождается соответствующим усложнением, расширением и усилением не только навыков и умений, но характеристик и возможностей самой человеческой телесности.

«Предыстория» культурно-ориентированной концепции эволюции жизни формируется в конце XVIII – начале XIX века в философии зоологии Ж.-Б. Ламарка [6] и трудовой теории стоимости А. Смита [11] и Д. Рикардо [9], создателей английской клас-

сической политэкономии. Причиной эволюции в ламаркизме считаются «тренировки», долговременные многократные повторения многими организмами успешных усилий, направленных на самосовершенствование. Такая деятельность организмов выглядит как прообраз труда, развивающего личность и общественные связи. Формирование вида *Homo Sapiens* по трудовой теории антропогенеза Ф. Энгельса достаточно точно соответствует классическому ламаркизму.

Культурно-ориентированное понимание антропогенеза распространяется и на продолжение эволюции человека в истории общества. Можно констатировать её соотношение с трудовой теорией стоимости, признающей труд единственной субстанцией, создающей все богатства, как вещные, так и человеческие достоинства. Трудовая теория стоимости не может быть ограничена узкими рамками товарного производства и прибыльности, но способна распространяться и на другие типы общества и экономики. Основание признания или непризнания различных видов деятельности, её различных видов и отраслей, производительным или непроизводительным трудом зависит от уровня развития производительных сил (наиболее распространённых технологий) и господствующих общественных отношений.

Трудовая теория стоимости признаёт, что предметом труда могут быть не только сырьё и полуфабрикаты, детали неорганического происхождения, растения и животные, но также сам человек, его телесность и сознание, индивидуальное и общественное, а также – общественные отношения. Помимо «вещного» существует и «духовное» производство; также производство не сводится к товарно-денежным отношениям и росту прибыльности. Кроме того, индивидуальное и семейное потребление, рождение детей, воспитание и обучение в любом возрасте, которые выступают элементами «воспроизводства человека», включают расширение и совершенствование трудовых и других способностей.

Совершенствование человека является результатом таких видов деятельности, в том числе профессиональной, как обучение, воспитание, нормативно-регулятивное воздействие религии, искусства, права и морали и т.п. Лучше всего телесные результаты подобной деятельности наблюдаемы при «косметических» изменениях, но более значительны, глубоки и лучше измеримы в сфере спорта, физкультуры, здорового образа жизни. Эти улучшения – как результат собственных созидательных усилий, творческого компонента труда – выступают главным фактором продолжения исторического и грядущего культурного антропогенеза [10].

В рамках культурно-ориентированной концепции эволюции и антропогенеза в отечественной науке проводились исследования, результаты практического применения которых продемонстрировали высокую эффективность. Задача совершенствования человека в СССР принадлежала к ключевым направлениям государственной политики, увязывалась с двойственным характером творческого совместного общественно-полезного труда, преобразующего не только «внешнюю среду», природную и общественную, а также социальные отношения и самого труженика. Признавалась и использовалась важнейшая роль социальной среды, «побуждающей» к саморазвитию (мотиваций, дозированных трудностей и условий их преодоления), правильных методик и воспитательной деятельности, долговременных собственных усилий. Отдельные направления совершенствования человека реализовывались как часть общего направления в формировании «нового человека» – гармоничной, всесторонне развитой, богатой социальными связями личности, высшей ценностью для которой является творческий труд на благо других людей, общества в целом. Этот отечественный опыт культурно-ориентированного самосовершенствования личности, включая телесность, может быть использован для пересмотра гипертрофиро-

ванного «техноцентризма» в проблематике «улучшения человека» [7], доминировавшей последние десятилетия в рамках модели «однополярного глобализма» в международном научном сотрудничестве.

Заключение

Задача критического анализа гипертрофированного преувеличения значения наукоёмких технологий, исправления недооценки возможностей средств культуры для совершенствования человека облегчается начавшимся переформатированием международного научного сотрудничества. Близкое к монополии доминирование в науке «техноцентричного» подхода к «улучшению человека» [14] во многом объясняется прежней моделью глобальной науки в рамках однополярного доминирования единственной сверхдержавы.

Доминирование в глобальной науке техноцентричного подхода к совершенствованию человека во многом определяется ведущей ролью корпоративных интересов транснациональных высокотехнологических монополий, базирующихся в основном в США. В компьютерно-телекоммуникационных технологиях такой «глобальный картель» обозначается аббревиатурой FAGMA (Facebook, Apple, Google, Microsoft, Amazon); аналогичные структуры сформировались и в других направлениях наукоёмких разработок, соотносимых с задачами совершенствования человека. Отвечающий их корпоративным интересам «техноцентричный» подход к этой проблематике превалировал в глобальной

науке, решающим образом влиял на финансирование исследований в национальных научных школах и публикаций результатов в международных научных журналах.

Низкая продуктивность подобных «технологий», неоднозначность и спорность результатов, негативные побочные эффекты и высокие социально-культурные риски долгое время накапливались, оставаясь под спудом, не подвергаясь критике. Нарастание кризиса крупнейших национальных социально-экономических систем и культур, выразившееся, в том числе, в локальных и региональных вооружённых конфликтах, создало предпосылки для критического пересмотра однополярного глобализма как неэффективной модели международного сотрудничества.

Важным аспектом процесса системной фрагментации глобализма стала возможность критики прежде почти безраздельно господствовавших в глобальной науке подходов, выдвижения и развития альтернативных методологий. Применительно к проблематике совершенствования человека, развития его возможностей и способностей, это критический анализ гипертрофии техноцентризма, исследования и разработки культурно-ориентированных подходов. Непростой процесс фрагментации уходящего однополярного глобализма является промежуточным этапом и будет сопровождаться развитием самобытных национальных научных школ, ведя к синтезу новой модели и содержательному обогащению международного, регионального и глобального сотрудничества в области науки.

Список литературы

1. Баранов В. А. Тело и телесность в социальном измерении // Таврический научный обозреватель. 2016. № 10-1 (15). С. 24–29.
2. Зобова М. Р. Техногенные вызовы и социогуманитарные ответы: социально-синергетический анализ // Новые идеи в философии. 2016. № 3. (24). С. 247–252.
3. Именнова Л. С. Культурологические аспекты физической культуры и культуры здоровья // Туризм: наука и образование. Материалы V Международного форума. Москва : ООО «Литературное агентство “Университетская книга”», 2019. С. 238–248.

4. *Кожевникова М.* Этические проблемы биотехнологического улучшения человека – humanenhancement // Социальные нормы в условиях современных рисков. Материалы Международной научно-практической конференции. Челябинск : ООО НИЦ «АНТРОВИТА» (Западный), 2017. С. 155–157.
5. *Кузин И. А.* Биологизаторство с точки зрения эволюционной биологии // Первые Степинские чтения. Современный этап развития науки и кризис техногенной цивилизации. Москва, 05–06 ноября 2019 года. Материалы конференции с международным участием. Курск : ЗАО «Университетская книга», 2019. С. 204–206.
6. *Ламарк Ж. Б.* Философия зоологии / Ж. Б. Ламарк. Избранные произведения в 2-х тт. Т. I. Москва : Издательство Академии наук СССР, 1955. 968 с.
7. *Марков Б. В.* Культурные «технологии» антропогенеза (качественный подход) // Международный журнал исследований культуры. 2014. №2 (15). С. 21–33.
8. *Рахматуллин Ш. Р.* Биологический подход к проблеме человека // Динамика взаимоотношений различных областей науки в современных условиях. Сборник статей Международной научно-практической конференции. Уфа : Аэтерна, 2017. С. 134–136.
9. *Рикардо Д.* Начала политической экономии и налогового обложения. Т. I. Москва : Государственное издательство политической литературы, 1955. 360 с.
10. *Розов Н. С.* Системные основы и социобиологические драйверы антропогенеза // Сибирский философский журнал. 2021. Т. 19. № 1. С. 5–16.
11. *Смит А.* Исследование и природе и причина богатств народов. В 2-х тт. Москва–Ленинград : Государственное социально-экономическое издательство, 1936. 372 с.
12. *Энгельс Ф.* Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Москва : Государственное издательство политической литературы, 1961. Т. 20. С. 486–499.
13. *Юдин Б. Г.* Технонаука и «улучшение» человека // Эпистемология и философия науки. Т. 48. 2016. №2. С. 18–27.
14. *Derian M.* 8-Body and Technology through the Concepts of the Cyborg and the Enhanced Human // Cognitive Prosthetics, 2018, Pp. 241–254.
15. *Grinschgl S., Tawakol Z., Neubauer A. C.* Human enhancement and personality: A new approach towards investigating their relationship // Heliyon. V.8. 2022. №5, Pp. 1–7.
16. *Khan W, Crockett K, Khan B.* Deception in the eyes of deceiver: A computer vision and machine learning based automated deception detection // Expert Systems with Applications. 2021. №169. Pp. 1–15.
17. *McDonald J.* Transhumanism and Posthumanism // Encyclopedia of the Anthropocene. 2018. №4. Pp. 67–74.
18. *Roth S.* The Great Reset. Restratification for lives, livelihoods, and the planet // Technological Forecasting and Social Change. 2021. №166. Pp. 1–8.

*

Поступила в редакцию 21.12.2022

Мифологизация медиасферы в современном социокультурном пространстве

УДК 008

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-1111-50-54>

М. С. Еремеевко

Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация
e-mail: akkuullaa@ya.ru

Аннотация: Актуальность статьи обусловлена ролью мифологизации массового сознания в современном обществе, а также – широким распространением медиакommunikаций, которые создают множество удобных и популярных площадок для мифологизации тех или иных аспектов жизни. В сфере современных медиакommunikаций – с новыми открывшимися возможностями для творчества и самовыражения – средства массовой информации приобретают характер одного из важных факторов построения определенной картины мира, моделей социального поведения и формирования жизненных ценностей. Критическое восприятие мифов в медиасфере усложняется тем, что старые мифы исчезают из информационного пространства, но из их элементов создаются новые мифы, которые задействуют не столько логику, сколько софистику и поддельные факты, играют на чувствах пользователей текущей медиасферы. Формируется новый тотемизм в качестве принятия индивидуума в обществе посредством тех предметов, которыми он владеет. Будь то брендовая одежда, средства коммуникации или транспорт, каждый элемент наделяется дополнительным статусом, получаемым посредством рекламы или посредством простого использования средств медиакommunikации, общения и получения информации друг от друга. Современная массовая культура становится индустрией по производству мифов.

Ключевые слова: миф, мифотворчество, медиакommunikации, общество, реклама.

Для цитирования: Еремеевко М. С. Мифологизация медиасферы в современном социокультурном пространстве // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2023. № 1 (111). С. 50–54. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-1111-50-54>

MYTHOLOGIZATION OF THE MEDIA SPHERE IN THE MODERN SOCIO-CULTURAL SPACE

Maxim S. Ereemeevko

Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow Region, Russian Federation
e-mail: akkuullaa@ya.ru

ЕРЕМЕЕВКО МАКСИМ СЕРГЕЕВИЧ – аспирант кафедры культурологии, Московский государственный институт культуры

EREMEENKO MAXIM SERGEEVICH – Postgraduate student, Department of Cultural Studies Moscow State Institute of Culture

© Еремеевко М. С., 2023

Abstract: The relevance of the article is due to the role of the mythologization of mass consciousness in modern society, as well as the wide spread of media communications, which create many convenient and popular platforms for the mythologization of certain aspects of life. In the sphere of modern media communications with new opportunities for creativity and self-expression, the mass media acquire the character of one of the important factors in building a certain picture of the world, models of social behavior and the formation of life values. The critical perception of myths in the media sphere is complicated by the fact that old myths disappear from the information space, but new myths are created from their elements, which involve not so much logic as sophistry and fake facts, play on the feelings of users of the current media sphere. A new totemism is being formed as the acceptance of an individual in society through the objects that he owns. Whether it is branded clothing, means of communication or transport, each element is endowed with an additional status – obtained through advertising or through the simple use of media communication – communication and receiving information from each other. Modern mass culture is becoming an industry for the production of myths.

Keywords: myth, myth-making, media communications, society, advertising.

For citation: Eremeenko M. S. Mythologization of the media sphere in the modern socio-cultural space. *Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2023, no.1 (111). Pp. 50–54. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-1111-50-54>

В сфере современных медиакоммуникаций с новыми открывшимися возможностями для творчества, самовыражения средства массовой информации приобретают характер одного из важных факторов построения определенной картины мира, моделей социального поведения и формирования жизненных ценностей. Быстро изменяющееся информационное пространство (улучшение, продвижение, разнообразие конечных средств и площадок медиакоммуникаций в глобальной информационной сети) вызывает новые процессы в глобальном мифотворчестве; этому же способствует и развитие сотовой и спутниковой связей как механизмов информационного, коммуникативного и социального взаимодействия.

Соответствующие процессы, происходящие в обществе, вместе с социокультурной трансформацией и культурным обменом в медиaprостранстве вызывают нестабильность в культурах ранее локальных обществ и провоцируют мифологизацию в определенных сферах, возвращают в медиасферу ранее «пройденные» мифы, модернизируют их и способствуют созданию межкультурных (нео-)мифов. Более продвинутый уровень новых мифов предлагает

как устоявшийся, проверенный временем способ управления населением, так и новые форматы использования мифов [6].

Следует отметить и возможность появления мифов в медиасфере без изначальной определенной цели, но при этом они поддерживаются в средствах массовой информации отдельными лицами или группами. Это может быть, например, теория заговора, удачно подходящая для политических манипуляций и т. п. Глобализация позволяет придать новым мифам широкий охват, в результате их трансляции получить крупную прибыль или уменьшить её.

Современные мифы можно сгруппировать следующим образом:

- политические мифы с общественной направленностью;
- религиозные, этнические мифы – о народах, о странах;
- антинаучные или внерелигиозные мифы, теории заговора – НЛО, теория плоской земли, хитрейлы и прочее;
- мифы массовой культуры – о еде, о красоте и в других сферах.

Мифологизация в обществе и медиaprостранстве может иметь и позитивные

стороны, например, поддержание мифов о Деде Морозе или Санта-Клаусе среди детской аудитории, которые передаются из поколения в поколение. В целях создания определенного настроения в конкретный период времени предлагается использовать миф как основу обстоятельств понимания мира [5].

В то же время существование фантастических, фэнтезийных жанров и таким образом созданных предполагаемых вселенных идет по пути поддержания потребности в мифологическом мышлении. Творчество в этом жанре позволяет поучаствовать или представить себя в мифологизированном мире, что в определенной мере позволяет отойти на время от реальных забот и проблем, или, наоборот, отвлечься от них, что в данном случае можно охарактеризовать и как положительную сторону мифологизации. Отчасти и опыт в виртуальном мифологизированном медиaprостранстве помогает решать реальные заботы, способствует социализации личности.

Как известно, в общественной жизни играют роль и неписанные форматы взаимодействия друг с другом, которые связаны с мифологизированностью сознания или с его элементами, позднее утраченными в ходе прогресса цивилизации, но сохранившимися как своеобразный миф или мифологема.

Одной из форм современного мифа является реклама, транслируемая в медиасфере. Она выступает инструментом для моделирования образов со своими особыми ценностями и моделями поведения, формирует условные установки для их дальнейшего вливания в общественный опыт, на основе которого можно получать выгоду.

Реклама передаёт от заказчика к целевой аудитории набор характеристик, информацию о содержании рекламируемого объекта, однако это только на первый взгляд. В современной рекламе используется масса приемов и уловок, потому что передать только лишь содержание и характеристики объекта в ходе рекламного сообщения недостаточно: это не принесет прибыли или не приведет к жела-

емой цели. Чтобы реклама показала себя в полную силу, требуется перейти к особым приемам. Один из таких приемов – создать желаемое представление в общественном сознании с помощью мифологизации товаров и услуг. Это достигается как с помощью грубых методов повторения и настойчивого продвижения рекламного сообщения, так и изящными способами, когда в медиaprостранстве поднимается определенный набор тем и проблем таким образом, чтобы на выходе получить выгоду не столько от самого рекламного сообщения, сколько от общественного обсуждения.

Такие условия для продвижения товаров использовались уже не раз, например, в так называемых антистресс-игрушках или декомпрессионных игрушках, которые так назывались своими создателями, поддерживались в обсуждениях в медиaprостранстве. Подобные товары изначально продвигались в медиapоле для людей с тревожными расстройствами, однако в дальнейшем они перетекают в массовое потребление, и другие производители таких товаров настаивают, что «это нужно каждому».

Одни указывают, что эти предметы предоставляют возможность для большинства людей сконцентрироваться на основных задачах; по другим публикациям, они не помогают концентрации, а лишь переносят внимание на себя. Чтобы продать как можно больше именно своих товаров, в том числе и «антистресс-игрушек», их производят яркими, отвлекающими, со звуковыми и световыми эффектами, что противоречит мнению об их предназначении как предметов, содействующих для концентрации на действительно важных задачах.

После обсуждений и публикаций (как позитивных, так и негативных) такие товары перестают пользоваться спросом. Конечно, они нужны определенной категории людей, их всё также можно приобрести. Но при появлении в этом типе товаров нового опять начинается волна обсуждений в медиaprостранстве, и даже при общем негатив-

ном фоне, осуждении, выстраивании соответствия с предыдущими продажи растут, и производитель получает максимальную выгоду при отсутствии соизмеримых затрат на рекламные сообщения.

Демифологизация подобных явлений в медиасфере распространяется не столь быстро, зачастую не имеет поддержки лиц, популярных в медиaprостранстве, ввиду отсутствия у них заинтересованности. Либо же демифологизация может дать обратный эффект – распространение мифа дальше в медиaprостранстве. Достаточно желания поверить в неизведанное, магическое или доступное для немногих, приобщиться к тайному. Особенно в тех случаях, когда научные издания и эксперты не дают определенного ответа, не могут объяснить новое явление или проблему или делают это с использованием сложной терминологии и длинных описаний. Отметим также, что демифологизация политических и общественных мифов происходит медленнее их распространения в условиях заинтересованности в них определенной группы лиц.

Существует и такая форма использования демифологизации, в ходе которой используются инструменты, нацеленные на популяризацию товаров или услуг, имеющих под собой основу разрушения мифов, стереотипов о чём-либо. В то же время трудность демифологизации связана с рядом свойств мифов:

- их инертностью – свойством оставаться неизменными при направлении на них опровергающих материалов, что препятствует восстановлению общественного сознания;
- структурно-семантической устойчивостью мифов – их противодействием опровержениям и усложнению конструкций (христианское использование языческих обрядов с новыми смыслами);
- дискуссионностью вопросов о мифах в медиaprостранстве при наличии опровержений.

Мифы, поддерживающиеся в одной части медиaprостранства и нацеленные на соответствующие группы, перемещаются и перетекают в другие части информационного пространства. Формируется новый тотемизм в качестве принятия индивидуума в обществе посредством тех предметов, которыми он владеет. Будь то брендовая одежда, средства коммуникации или транспорт, каждый элемент наделяется дополнительным статусом, получаемым посредством рекламы или посредством простого использования средств медиакоммуникации – общения и получения информации друг от друга. Так, неверное использование мифа может быть воспринято совсем иначе в медиaprостранстве как крупными изданиями, так и в общении между пользователями соответствующих площадок общения. В то же время постоянное повторение в ходе рекламных сообщений определенных сюжетов формирует устойчивое использование или создание мифов в собственных целях.

Каждый миф обязательно имеет форму представления, это необходимо для передачи его в ходе коммуницирования, то есть нужна его интерпретация, в первую очередь – описание. В то же время в описании и изучении мифов следует учитывать сначала аспекты, менее подверженные изменениям в ходе эволюции. Мифы привлекают своей простотой, они обходят рациональные объяснения, при современных технологиях и правильной софистике они выглядят убедительно даже при критическом восприятии. Массовая культура становится индустрией по производству мифов [2].

Таким образом, философско-культурологическое осмысление процессов мифологизации в медиaprостранстве ставит новые задачи для научных исследований и систематизации их в разных областях – как в области работ по теории и практике массовых коммуникаций, так и в исследованиях социальной мифологии.

Список литературы

1. *Ажимова Л. В.* Жан Бодрийяр о феномене массовых коммуникаций в обществе потребления // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2012. №3 (19) [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhan-bodriyyar-o-fenomene-massovyh-kommunikatsiy-v-obschestve-potrebleniya>
2. *Васильева Л. А.* Медиа: идеологическое дезориентирование в концентриальной войне 80-90-х годов. // Научные исследования в сфере общественных наук: вызовы нового времени. 2015. № 11(8). С. 54–57.
3. *Васильева Л. А.* Ребрендинг мифа политического героя в медийном пространстве современной России // Materialy X Mezinarodni vedecko-prakticka konference MODERNI VYMOZENOSTI VEDY 27.01.201405.02.2014. Dil 14. Politicke vedy Filosofie. Praha Publshing House «Edicijni and Science» s.o.r. 2014. Pp. 9–16.
4. *Васильева Л. А.* Медиа: экстремальная ситуация, создание и транслирование образа врага. // Глобальный научный потенциал. 2015. № 1. С. 126–130.
5. *Воеводина Л. Н.* Мифология как часть символического универсума // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. Москва : 2014. №5. С. 51– 56.
6. *Воеводина Л. Н.* Социальная мифология. Москва : Издательский дом МГУКИ, 2008. 204 с.
7. *Имшинецкая И.* Креатив в рекламе. [Электронный ресурс]. URL: <http://evartist.narod.ru/text11/54.htm>
8. *Кобылко Н. А.* Мифологема как ключевое понятие мифокритики: современные подходы // Современная филология: материалы III международной научной конференции. (г. Уфа, июнь 2014 г.). Уфа : Лето, 2014. С. 4–6.
9. *Лайнбарджер П.* Психологическая война. Теория и практика обработки массового сознания. Москва : Центрполиграф, 2013. 448 с.
10. *Лапина О. Н., Соколова А П.* Мифотворчество как креативный прием в рекламе // Сервис в России и за рубежом. 2014. №6 (53). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mifotvorchestvo-kak-kreativnyy-priem-v-reklame>
11. *Новикова А. А.* Методы культурологических исследований в журналистике (на примере анализа современных телевизионных программ) // Вестник Московского университета. 2011. [Электронный ресурс]. URL: <https://vestnik.journ.msu.ru/books/2011/4/metody-kulturologicheskikh-issledovaniy-v-zhurnalistike-na-primere-analiza-sovremennykh-televizionnyh>
12. *Шульга Н. В.* Мифотворчество в средствах массовой информации // Концепт. 2013. №3 (19). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mifotvorchestvo-v-sredstvah-massovoy-informatsii>

*

Поступила в редакцию 27.01.2023

СПЕЦИФИКА АДЫГСКОЙ ТРАДИЦИОННОЙ ГЕНДЕРНОЙ МОДЕЛИ В КОНТЕКСТЕ КЛАССИЧЕСКОЙ ГЕНДЕРНОЙ ТЕОРИИ

УДК 008;2: 316.722

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-1111-55-62>

З.М. Катанчиев

Государственный музыкальный театр,
Нальчик, Кабардино-Балкарская Республика, Российская Федерация
e-mail: katanchiev28@mail.ru

Аннотация: В статье отражена специфика традиционного адыгского гендера в контексте классической гендерной модели. Рассматриваются условия и причины неприменимости классической гендерной теории к традиционной гендерной модели адыгов. Автор рассматривает историографию классической гендерной теории, сформировавшейся на основе западноевропейского и американского культурно-исторического контекста, и факторы формирования адыгской гендерной модели в традиционной культуре, не предполагавшей противопоставления мужского и женского. Исторический контекст формирования традиционного гендера адыгов исключал такие феномены как феминизм, женскую эмансипацию и другие главные характеристики классической гендерной теории. Мужское (маскулинное) и женское (фемининное) в традиционном обществе исключали метафизический дуализм и являлись равноценными категориями, где женская и мужская субстанции являются равными по значению и взаимодополняющими. Утверждается, что религиозный компонент играл важную роль в развитии и трансформации гендерных ролей и статусов в традиционном обществе.

Ключевые слова: адыги, традиционная культура, гендер, классическая гендерная теория, маскулинность, фемининность, феминизм.

Для цитирования: Катанчиев З. М. Специфика адыгской традиционной гендерной модели в контексте классической гендерной теории // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2023. №1 (111). С. 55–62. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-1111-55-62>

THE SPECIFICITY OF THE ADYGHE TRADITIONAL GENDER MODEL IN THE CONTEXT OF CLASSICAL GENDER THEORY

Zalim M. Katanchiev

State Musical Theater,
Nalchik, Kabardino-Balkarian Republic, Russian Federation
e-mail: katanchiev28@mail.ru

Abstract: The article reflects the specifics of the traditional Adyghe gender in the context of the classical gender model. The conditions and reasons for the inapplicability of the classical gender theory to the tradition-

КАТАНЧИЕВ ЗАЛИМ МУАЕДОВИЧ – Государственный музыкальный театр, артист хора

KATANCHIEV ZALIM MYAEDOVICH – State Musical Theater, choir artist

© Катанчиев З. М., 2023

al gender model of the Adyghe are considered. The author considers the historiography of the classical gender theory, formed on the basis of the Western European and American cultural and historical context, and the factors of the formation of the Adyghe gender model in traditional culture, which did not imply opposition between male and female. The historical context of the formation of the traditional gender of the Adyghe excluded such phenomena as feminism, women's emancipation and other main characteristics of classical gender theory. Male (masculine) and female (feminine) in traditional society excluded metaphysical dualism, and were equivalent categories, where female and male substances are equal in value and complementary. It is argued that the religious component played an important role in the development and transformation of gender roles and statuses in traditional society.

Keywords: adyghe, traditional culture, gender, classical gender theory, masculinity, femininity, feminism.

For citation: Katanchiev Z. M. The specificity of the Adyghe traditional gender model in the context of classical gender theory. *Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2022, no. 1 (111), Pp. 55–62. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-1111-55-62>

Термин «гендер» пришел в русский язык из английского языка и обозначает грамматическую категорию рода (англ. – gender). Впервые данный термин вводит в научный оборот психиатр и психоаналитик Р. Столлер в 1968 году в своей книге «Пол и гендер». Р. Столлер утверждает, что нужно разделять биологический пол человека (sex) и социально конструируемое понятие (gender).

Если под биологическим полом подразумевается некоторый набор таких биологических характеристик, как гены, хромосомы, гормоны, первичные и вторичные половые признаки и пр., то под категорией *гендер* понимается весь психологический, социальный и культурный набор характеристик, черт и качеств, которыми должны обладать мужчины и женщины. Эти наборы качеств и характеристик вариативны в зависимости от той или иной культуры и зависят от культурного контекста, и обозначаются такими терминами, как *фемининность* и *маскулинность*. Они же и определяют роли и статус мужчин и женщин в данном конкретном обществе и культуре.

Тенденции гуманитарного знания XX века привели к переосмыслению социальных ценностей, в частности, стало больше внимания уделяться телесности человека и его индивидуализации. Антропоцентристский характер методологии исследований

привел к возникновению гендерной теории в науке. Возникновение нового направления обусловлено феминизмом, являющимся в свою очередь продуктом множества факторов, имевших социально-политический, общественно-экономический характер. Нельзя сказать, что феминизм – явление искусственное, так как естественные социально-экономические процессы, происходившие в западноевропейской культуре конца XIX – начала XX в., привели к переосмыслению роли женщины не только в социальных реалиях того времени, но и глобальному переосмыслению места и роли женщины в истории и культуре человечества. Время, когда подверглись значительной трансформации полоролевые взаимоотношения во многих областях и сферах культуры, – это появление в профессиональной сфере женщины, возвышение ее статуса в обществе, возникновение новых форм брака и семьи, а также пересмотр таких понятий, как фемининность и маскулинность. Именно в это время возникает потребность пересмотра женской роли в истории человечества. На этой волне всеобщего подъема интереса к женской истории в американских вузах вводится новая дисциплина «Гендерные исследования», цель которой – проанализировать и пересмотреть роль женщины в истории человечества.

Значительное влияние на феминизм и гендерные исследования оказала работа «Второй пол», написанная в 1949 году французским философом Симоной де Бовуар. Также большое значение для феминизма и гендерных исследований имели труды таких зарубежных авторов, как О. Вейнингер, М. Мид, Б. Фридан, И. Гофман, М. Киммел, Р. Коннелл, Дж. Батлер, В. Брайсон.

Как феминистические, так и гендерные исследования направлены на борьбу с тенденцией, в соответствии с которой в западноевропейской и американской культурах «мужское» считается значимым, доминирующим и позитивным, а то, что определяется как «женское», – вторичным, подчиненным и негативным. В классическом понимании гендер – это социальный пол, в отличие от пола биологического. Это в самом упрощенном его значении, так как социальный пол подразумевает и социальные роли, и социальный статус, и ряд других смежных категорий, что характеризует размытость понятия «социальный пол».

Несмотря на то, что теоретической и методологической базой возникновения гендерных исследований является феминизм, можно выделить несколько работ, послуживших становлению гендера как научного направления. В частности, можно обозначить философские направления Д. Локка, Ж.-Ж. Руссо и Дж. С. Милля, в основе которых лежал либерализм и теории прав человека К. А. Сен-Симона, Ш. Фурье, и Р. Оуена. В целом в их трудах актуализируется пол в социально-политическом плане, переставая ассоциироваться лишь с биологическим контекстом. Следует сказать, что российская гуманитарная наука тоже не лишена гендерных исследований, однако гендерный аспект носит специфичный характер, так как процесс отечественной женской эмансипации отличался от западноевропейской. Значительный вклад в разработку отечественной гендерной проблематики, внесли такие авторы как О. А. Воронина, И. А. Жеребкина, Т. А. Клименкова, С. Г. Айвазова,

Н. А. Пушкарева, З. А. Хоткина, М. Л. Бутовская, Е. А. Здравомыслова, А. А. Темкина, И. С. Кон, А. В. Кирилина, И. Л. Коган, Е. П. Ильин, И. Г. Малкина-Пых, И. С. Клецина.

Основной проблемой отечественной гендерологии стало определение ведущего методологического подхода, универсального и объективного для нового научно-исследовательского направления. В 90-е гг. XX в. в российской гендерной историографии начинает складываться понимание, что контекстуальный аспект изучения гендера в России отличается от западного.

Основным отличием российской гендерологии от западных исследований является степень женской дискриминации в обеих культурах, так как, если говорить о западной, то здесь значительно доминирование культа отца в культуре и, следовательно, роли мужчины в социально-экономическом плане. В то время как в России роль женщины в культурно-историческом плане была немного иной по отношению к мужской и прошла несколько стадий. В качестве первого периода можно выделить исконно традиционную русскую культуру, которая была сугубо патриархальной, где положение женщины было подчиненным и ограничивалось семейно-бытовым кругом. Вторым периодом является период революции и установление советской власти, которая уравнивала в правах мужчин и женщин, и теперь женщины активно вовлекались в общественно-политическую жизнь советского общества. Третьим периодом является постсоветский период, в котором продолжают изменения в социальной и гендерной сфере и возникает вариативность гендера.

Многие гендерные исследования посвящены историко-культурному контексту формирования гендерных стереотипов. Культурная составляющая гендера и делает его чрезвычайно сложным явлением, так как отдельные компоненты этого понятия не могут выразить всю полноту содержания понятия. Связано это в первую очередь с тем, что

проявления этого самого гендера могут быть настолько разнообразными (в зависимости от социальной среды и социальных стереотипов), что дефиниция становится сложной для понимания. Именно поэтому в гендерологии появилось понятие «гендерного дисплея», введенного в оборот И. Гоффманом, и обозначающего множественность проявлений культурных составляющих пола, связанных с предписанными обществом нормами мужского и женского действия и взаимодействия [13].

Основную роль в становлении гендера играет социализация, так как в процессе социализации происходит репродукция и развитие гендерной культуры. Этот процесс происходит через усвоение стереотипов, бытующих в той или иной культуре. В зависимости от преобладания того или иного стереотипа в социуме формируется гендерная асимметрия.

Гендерный аспект в адыгской историографии представлен в трудах М. А. Текуевой, Л. Х. Сабанчиевой, Е. А. Нальчиковой, А. А. Безруковой, Л. Х. Урусовой, З. Ю. Тугуз, Л. Ф. Хараевой, в которых отражена специфика адыгского гендера. В частности, это касается традиционной гендерной системы, сформированной в условиях традиционного быта, где культ *матери* и культ *воина* были первичными по отношению к другим гендерным стереотипам. Однако даже поверхностный анализ адыгского гендера дает основание говорить о его специфике по отношению к западноевропейскому, русскому или даже восточному осмыслению гендера. В этом аспекте ставится вопрос о правомерности применения понятия «гендер» в его классической интерпретации к традиционной культуре адыгов в том смысле, в каком он закрепился в западноевропейской культуре.

Для ответа на этот вопрос нужно рассмотреть исходные характеристики классической гендерной теории, при изучении которой мы сталкиваемся с проблемой определения гендера, так как развитие гендерной

теории наслаивало новые аспекты рассмотрения данного феномена, вместе с тем уточняя все больше нюансов в изучении понятия. Гендерная теория прошла сложный путь развития от представлений о гендере как феминистском проекте до понятия гендерного конструкта, подразумевающего не только социально-биологические основания, но и множество культурных выражений, определяющих пол. Для науки появление новой категории, несомненно, познавательно. Но мы придерживаемся мнения, что гендер – это не только биологический пол и не только социокультурная конструкция, а «синтез и сплав всех указанных факторов, а также результат влияния социокультурного контекста бытия человека на его личность и самосознание» [12, с. 312]

Мы рассматриваем гендер как один из основных факторов социализации человека, как его этнокультурную основу, позволяющую идентифицировать личности свои социальные роли, которые, как правило, строже регламентированы в традиционном, нежели в инновационном обществе. Большое значение для исследования адыгской системы гендера имеет конфессиональный аспект, так как исходные характеристики взаимоотношения мужчин и женщин преломляются сквозь призму конфессиональной идеологии, начиная с традиционных верований, заканчивая исламом и новыми гибридами современных гендерных стереотипов. Для дальнейшего выявления и определения традиционных кодов адыгского гендера нужно для начала рассмотреть базовые понятия гендерной теории – фемининность и маскулинность. При обзоре научной литературы о гендере выявляется, что понятие фемининности и изучение ее психосексуального, социально-экономического, социально-культурного контекста долгое время было основным фокусом внимания гендерных исследований. Маскулинность являлась лишь необходимым условием исследования, фоном для выявления фемининности. Для сторонников биологически детерминиро-

ванного гендера как раз мужской гендер несет в себе наиболее фундаментальные характеристики, выявляя отождествление мужчины и человека, отраженного во многих языках мира. Исследование мужчин и мужественности (маскулинности) начало складываться немного позже в гендерном поле исследований.

Гендерная асимметрия отражена в народном дискурсе, где «женщиной рождаются», а «мужчиной становятся» («Ты же – девочка», – слышат часто дочери. «Ты должен быть мужчиной», – соответственно говорят сыну). Более того, такие реплики мальчикам, как «ты же не девочка», «перестань плакать как девочка», направлены на дальнейшее преодоление их женственных черт. Как ни парадоксально, чтобы стать женщиной, всего лишь нужно ею родиться, а чтобы стать мужчиной, нужно преодолеть свою женскую природу и приобрести некие противоположные характеристики, что и называется мужественностью. Э. Бадинтер писала, что «хотя “мужской” и “женский” могут иметь универсальные характеристики, однако никто не может понять социальную конструкцию мужественности или женственности без соотнесения с другим. Когда представления о женственности изменяются, попросту, когда женщины хотят заново определить свою идентичность, – представления о мужественности также дестабилизируются» [1, с. 19].

В результате понятия маскулинности и фемининности не просто конструируемы, но и взаимозависимы и взаимообусловлены. Формируются они, как было сказано выше, в процессе социализации и, что еще важнее, в инкультурации личности, так как социальные нормы и стереотипы – продукт культурной основы общества.

Более того, говоря о факторах, формирующих гендерное поведение и роли, нужно выделить три важнейшие социальные сферы: религия, культура и экономика, институты которых имеют прямое отношение к конструированию маскулинных и фемининных установок и стереотипов.

Традиционная культура задает главные ориентиры гендерного поведения, усвоение которого происходит с раннего детства посредством всех институтов традиционной культуры.

Сложный синтез традиционных представлений с наслаиваемыми в разные времена религиозными идеологиями создает сложные категории фемининности и маскулинности, которые, с одной стороны, оставались зиждиться на своих исходных формирующих образах женщины и мужчины и архетипах, ведущих начало с древнейших времен (нартский эпос), а с другой – претерпевали внешние изменения как в форме, так и в характере выражения тех или иных маскулинных и фемининных черт.

Категория гендера в ее классической интерпретации оказалась бы бессмысленной в отношении гендерной истории адыгов, в частности адыгского дискурса, если не сделать некоторые уточнения. Исходное положение биодетерминированной гендерной модели определяет константность пола и его заданность от природы, где физиология и анатомия становятся решающим фактором модели поведения и формирования гендерной роли, и любое отклонение расценивается как патология, подвергается осуждению. Казалось бы, в чем противоречие с традиционной гендерной моделью, где биологическая детерминированность маскулинности и фемининности также обусловлена. Однако это на первый взгляд, так как при более глубоком анализе оказывается, что гендерная модель намного сложнее. К примеру, в адыгском языке полностью отсутствует грамматическая категория рода, что показывает отсутствие дифференциации в речи при обращении к мужчине или женщине. Обращение или речь о мужчине и женщине не имели половой окраски. В адыгском языке мужчина и женщина обозначаются одним словом «цыху» – человек, половой окрас же определяется приставкой к нему, например «цыхухъ», где «хъ» отсылает к особи

мужского пола, и «цыхубз», где «бз» – к особи женского пола [11, с. 16–17].

Такие обозначения, как «хъыджэбзцыхубз» (девочка), «хъыджэбз» (девушка), «фыз» (женщина), «фызыжь» (старушка) и соответственно «цхалэцыхубз» (мальчик), «цхалэ» (юноша), «лы» (мужчина) и «лыжь» (старик), имели цель обозначить возрастную категорию и статус человека в обществе. Половая принадлежность в данном случае занимает второстепенное положение, хотя она (обозначение половой принадлежности) содержится в этих словах по умолчанию.

Вторая исходная позиция классического гендера, с которой вступают в противоречие традиционные основы гендера, – это присутствие асимметрии в определении мужского и женского статуса. Отсутствие отрицательного окраса женского начала в традиционной культуре адыгов также говорит об отсутствии гендерной асимметрии в ее классическом понимании, где социальный пол мужчины выше женского.

Также для традиционной культуры адыгов характерно полное отсутствие неявных установок и ориентаций, где «мужское» ассоциировалось со значимым, доминирующим и позитивным, а «женское» – с вторичным, подчиненным и негативным.

В мифологическом и религиозном представлении адыгов мир был единым целым и не рассматривался как «борьба противоположностей». Метафизический или субстанциальный дуализм предполагает противопоставление материи – духу, добра – злу, света – тьме, в адыгском же сознании нет подобного противопоставления, женская и мужская субстанции являются равными по значению и взаимодополняющими. Это четко прослеживается в адыгской мифологии, где тератологические существа не выступают как антагонисты богов; также и у великого создателя Тхъэ (верховного божества адыгского пантеона) отсутствует антипод, присутствующий в дуалистических мифологиях и религиях: асуры – дэвы, Бог – дьявол. Примечательно, что этот ан-

типод не образовался и с привнесением в традиционное мировоззрение христианской или исламской идеологии. Однако если говорить о гендере в мифологии, то здесь, наоборот, мужское божество всегда имело и женскую ипостась, это не было противоречием, а скорее естественной необходимостью дуальности существ.

Еще одной культурной сферой деятельности, где отсутствует гендерная асимметрия, является обрядово-ритуальная практика адыгов, в которой женская роль достаточно высока и не заполняет «пробелы» мужской деятельности, а несет самостоятельную смысловую нагрузку, не менее важную, чем мужская.

К примеру, в свадебном обряде гендерные роли распределялись таким образом, что за женщиной закреплялась вся ритуально-практическая часть всего свадебного цикла, тогда как за мужчиной вся внешняя организация данного мероприятия.

Ввод невесты в большой дом и знакомство со старшими женщинами в роду сопровождался ритуальной раздачей пищи, обводом невесты вокруг семейного очага, данные ритуалы осуществлялись одной из старейших женщин рода, также ею исполнялись обрядовые песнопения, в которых молодой невесте желали обрести многочисленное и здоровое потомство [9].

Вся торжественная, эмоциональная, ритуальная сторона свадебного обряда была сосредоточена вокруг женщин, так как по сути своей свадебный обряд издревле был магическим ритуалом или циклом ритуалов, целью которых было обеспечение плодовитости, и все обряды, все пожелания сводились к программированию молодой невесты на дальнейшую репродуктивность.

Другим важным обрядом, где роль женщины была значительна, является похоронно-поминальный обряд. Важное сакральное значение любого похоронно-поминального обряда заключается в заупокойных молитвах (отпевание) и ритуальной пище. И в этих двух обрядах в адыгской ритуальной

практике роль женщины была значительна, так как сценарий похоронного обряда требовал от женщины демонстративного эмоционального выражения. Причитания и песни-плачи, исполняемые женщинами, порой сопровождалась и телесными самоистязаниями, что, возможно, является реликтом некоторых древних обрядов и ритуалов соумирания – традиция, при которой после смерти мужа вдова добровольно либо насильно приносилась в жертву.

Также архаичным обрядом, уходящим корнями в языческий период, являлось приготовление ритуальной пищи; одно из древнейших сакральных действий, связанных с причащением к божеству. Особо сакральными блюдами у кабардинцев считаются халуа (халва из пшена, которая в готовом виде напоминает солнце формой и цветом), лакумы и выпечка, напоминающая сладкий хворост, и некоторые другие. Приготовление этих блюд являлось и является сугубо женским занятием, ибо именно женщина считалась ретранслятором магической силы.

Таким образом, выявляется, что в ритуальной практике, имеющей немалое значение в традиционной жизни адыгов, преобладало женское начало, и женщина в этой сфере чувствовала себя достаточно свободно. Вследствие высокой степени символизации всех элементов культуры сложно отделить сакральное от профанного в традиционной культуре адыгов, и исследование не приведет к целостному пониманию традиционной культуры, так как все светские и повседневные действия и обряды имели ритуальный характер.

Проследив несколько характерных черт адыгской гендерной модели, можно отметить ее специфику и несоизмеримость с исследовательским контекстом классической гендерной теории. Отсутствие грамматической категории рода в языке, отсутствие дуализма в мифологических представлениях адыгов, отсутствие гендерной асимметрии в обрядах жизненного цикла смещают контекст исследования относительно традиционных моделей формирования гендерных стереотипов.

Список литературы

1. *Бадинтер Э.* О мужской идентичности // *Философско-культурологический журнал: Философский факультет МГУ им. Ломоносова.* Москва. 2000. № 1-2. С. 19–25
2. *Бем С.* Линзы гендера. Трансформация взглядов на проблему неравенства полов / пер. с англ. Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 336 с.
3. *Здравомыслова Е. А. Темкина А. А.* Исследования женщин и гендерные исследования на Западе и в России // *Общественные науки и современность.* 1999. № 6. С. 177–185.
4. *Здравомыслова Е. А. Темкина А. А.* Социальное конструирование гендера: феминистская теория // *Введение в гендерные исследования: учебное пособие / под ред. И. А. Жеребкиной.* Харьков : Санкт-Петербург, 2001. Ч. 1. С. 147–173.
5. *Иванова Е. Ф.* Гендерные исследования в психологии // *Введение в гендерные исследования : учебное пособие / под ред. И. А. Жеребкиной.* Харьков : Санкт-Петербург, 2001. Ч. 1. С. 312–345.
6. *Клецица И. С.* Гендерная социализация. Санкт-Петербург : Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена, 1998. 92 с.
7. *Кон И. С.* Междисциплинарные исследования. Социология. Психология. Сексология. Антропология. Ростов-на-Дону : Феникс, 2006. 608 с.
8. *Пушкарева Н. Л.* Женская и гендерная история: итоги и перспективы развития в России // *Историческая психология и социология истории.* 2010. №2. С. 51–64.

9. *Сабанчиева Л. Х.* Гендерный фактор традиционной культуры кабардинцев (вторая половина XVI – 60-е годы XIX века). Нальчик : Эль-фа, 2005. 245 с.
10. *Текуева М. А.* Гендерный фактор в культуре народов Кавказа. Вопросы культурологии // Вопросы культурологии. Москва. 2012. № 8. С. 37– 42.
11. *Текуева М. А.* Мужчина и женщина в адыгской культуре. Традиции и современность. Нальчик : Эль-фа, 2006. 260 с.
12. *Тхагансоев Х. Г.* Развитие гендерологии на этнокультурной почве: проблемы и перспективы // Полилингвильность и транскультурные практики. 2022. № 19 (2). С. 308–321.
13. *Goffman, E.* Gender Display // *Studies in Anthropology of Visual Communication*. 1976. № 3, Pp. 69–77.
14. *Lorber J. and Farrell S. A.* (eds.). *The Social Construction of Gender*. Newbury Park (CA) : Sage, 1991.

*

Поступила в редакцию 19.12.2022

И НКУЛЬТУРАЦИЯ ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

УДК 316.736

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-1111-63-68>

С. Н. Лондаджим

Московский государственный институт культуры,
Московская область, Химки, Российская Федерация
e-mail: esakov.va@yandex.ru

Аннотация: В условиях развивающегося цифрового общества возрастает роль воспитательной деятельности и насыщения обучения культурологическим материалом, что способствует процессу инкультурации, который представляет собой вхождение личности в культуру и освоение ее ценностей и традиций. Актуальность проблемы инкультурации определяется тем, что российское общество представляет собой поликультурную, поликонфессиональную образовательную среду. Это обуславливает сложный характер российской культуры, который предполагает необходимость решения проблемы инкультурации, связанной с подготовкой молодежи взаимодействовать в условиях, которые обеспечивают культурную целостность России.

В статье показаны возможности осознанного формирования культурной идентичности личности для определения своего места в мире культуры. Осознание идентичности зависит от образовательной системы с ее целями и задачами. Отмечается, что формирование мировоззрения способствует также развитию общегражданской идентичности. Инкультурирующая структура позитивно отражается в личном мире обучающегося и зависит от обеспечения устойчивых знаний о культуре и ценностях. Выявлено, что совершенствованию процесса инкультурации личности способствует насыщение содержания образования материалом культурологической направленности и использование для этого форм учебной и внеучебной работы.

Ключевые слова: культура, культурология, образование, инкультурация, инкультурация личности, социокультурные условия, культурная идентичность.

Для цитирования: Лондаджим С. Н. Инкультурация личности в современных условиях // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2023. №1 (111). С. 63–68. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-1111-63-68>

INCULTURATION OF PERSONALITY IN MODERN CONDITIONS

S. N. Londajim

Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow region, Russian Federation
e-mail: esakov.va@yandex.ru

ЛОНДАДЖИМ НГОНИАМ СТЕЛЛА – аспирант, Московский государственный институт культуры

LONDAJIM NGONIAM STELLA – Postgraduate student, Moscow State Institute of Culture

© Лондаджим Н. С., 2023

Abstract: In the conditions of a developing digital society, the role of educational activity and saturation of learning with cultural material increases, which contributes to the process of inculturation, which is the entry of a person into culture and the development of values and traditions of this culture. The relevance of the problem of inculturation is determined by the fact that Russian society is a multicultural, multi-confessional educational environment. This determines the complex nature of Russian culture, which implies the need to solve the problem of inculturation associated with the preparation of young people to interact in conditions that ensure the cultural integrity of Russia.

The article shows the possibilities of conscious formation of a person's cultural identity to determine their place in the world of culture. Awareness of identity depends on the educational system with its goals and objectives. It is noted that the formation of a worldview also contributes to the development of civil identity. The inculturating structure is positively reflected in the student's personal world and depends on ensuring sustainable knowledge about culture and values. It is revealed that the saturation of the educational content with culturological orientation material and the use of forms of educational and extracurricular work for this purpose contributes to the improvement of the process of inculturation of personality.

Keywords: culture, cultural studies, education, inculturation, inculturation of personality, socio-cultural conditions, cultural identity.

For citation: Londajim S. N. Inculturation of personality in modern conditions. *Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2023, no. 1 (111), Pp. 63–68. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-1111-63-68>

В современном мире культура является важнейшей сферой человеческого существования и оказывает возрастающее влияние на формирование нравственных компонентов индивидуального и общественного менталитета. С развитием цифрового общества создание и переработка информации приобретает беспрецедентный масштаб.

Поэтому, в условиях развивающегося цифрового общества, возрастает роль воспитательной деятельности и насыщение обучения культурологическим материалом, что способствует процессу инкультурации, который представляет собой вхождение личности в культуру и освоение ценностей и традиций этой культуры.

Актуальность проблемы инкультурации в современных условиях цифрового общества усиливается тем, что российское общество представляет собой поликультурную, поликонфессиональную образовательную среду. Это обуславливает сложный характер российской культуры, который предполагает необходимость решения проблемы инкультурации, связанной с подготовкой молодежи взаимодействовать в условиях,

которые обеспечивают культурную целостность России. А также есть необходимость решения проблемы инкультурации с учётом поликультурности страны с вектором консолидации и целостности российского общества [8, с. 118].

Общеобразовательная школа является культурным транслятором для поликультурного цифрового общества и фактором инкультурации в отношении российской культуры в целом. Поэтому изучение вопросов культурологического характера, а именно вопросов инкультурации подрастающего поколения, способствующих развитию образовательной стратегии, являются особо актуальными.

Вопросами вхождения человека в культуру занимаются различные исследователи. В частности, В. С. Библер и П. С. Гуревич посвятили свои работы проблеме человека, изучению его места в культуре. Вопросы, посвященными процессам инкультурации личности в образовании, занимались философы В. С. Соловьев, П. А. Флоренский, а также антропологи Б. М. Бим-Бад, К. Вальверде, педагоги С. И. Гессен, К. Д. Ушинский и др.

Так как детерминационные основы инкультурации связаны с историческим и социокультурным развитием общества, то изучением феномена инкультурации занимались такие культурологи и философы, как Ю. А. Аверин, А. И. Арнольдов, И. А. Ильин, К. Клакхон, М. Херцковиц. По совокупности исследований, изучающих инкультурацию, ученые пришли к выводу, что инкультурация включает в себя социализацию и это является дополнением целостной теории инкультурации [7, с. 183].

Изучением субъектности опыта при инкультурации занималась И. С. Якиманская. Поиск индивидуальной специфики и психической сущности инкультурации личности занимались Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, Д. Мацумото и др. Несмотря на множество работ, посвященных инкультурации, в условиях современной России остается множество неисследованных вопросов для создания целостного представления об инкультурации личности обучающихся в системе образования.

Проблема инкультурации личности непосредственно связана с вопросами сохранения культурной традиции и адаптации. Культурная консолидация общества связана с культурной идентичностью [4, с. 21]. В советское время инкультурация личности была связана со стратегией включения личности в различные уровни культуры, а в настоящее время сложились такие тенденции, которые нарушают культурное пространство России. Многие авторы, изучая аспекты инкультурации личности в современной образовательной системе, разрабатывают концепции, показывающие возможности педагогического обеспечения воспитательного процесса средствами традиционных культур народов России. В этих концепциях строится интерактивная система, включающая культуру, язык, образование. Для реализации этой концепции использовались стратегии о сущности экологии культуры с использованием процесса культурной адаптации. В построе-

нии концепции проекта инкультурации личности в современной образовательной системе России важную роль играли работы Е. В. Бондаревской, Л. С. Выготского и других ученых.

Изучение инкультурации в условиях современной России осложняется тем, что наша страна представляет собой поликультурное и поликонфессиональное образовательное пространство. Поэтому эта проблема требует всестороннего изучения. Следовательно, инкультурация личности изучается разными дисциплинами, но интегрирующим фактором в определении данного понятия является культурология образования. В классической культурологии инкультурация личности характеризуется обогащением опыта субъекта ценностями культуры. В этих теориях инкультурация является объективной закономерностью и предполагается существование культурных миров в действительности как на индивидуальном уровне. Кроме того, существует объективистский подход к изучению инкультурации личности, при котором усваиваются наличные культурные ценности. Недостатком этого подхода является отсутствие человека с его культурным миром, в теоретических представлениях [6, с. 218]. Инкультурация личности – это субъективное освоение культуры, а также презентация полученного культурного мира и его позиционирование.

Соединение объективистского и субъективистского подходов для понимания феномена инкультурации является интегрирующим фактором. Инкультурация личности, в широком понимании, есть усвоение традиции, обычаев и ценностей родной культуры, а также приобщение личности к культуре человечества и получение человеком культурной компетентности. В узком понимании, инкультурация есть процесс приобщения индивида к культуре своего народа [2, с. 130].

Близким понятием к инкультурации является социализация. Эти понятия похожи

по своему содержанию, но не совпадают. Социализация – это процесс вхождения человека в общество. Японский антрополог Мацумото отмечает, что термин социализация относится к процессу обучения людей правилам поведения, то есть к тому, что сообщается кому, когда и в каком смысле. Термины инкультурация и социализация различаются соответственно, как понятия культура и общество [1, с. 22].

Антрополог Мелвил Херсковец отмечает, что инкультурация является процессом постепенного присвоения личностью культурного опыта. Инкультурация является продолжительным процессом и культурный опыт человечества осваивается на протяжении всей жизни. Исследователь М. В. Финько утверждает, что инкультурация направлена на формирование культурных компетенций в том обществе, членом которого человек является.

Анализируя мнения ученых в определении понятий социализации и инкультурации можно сказать, что социализация личности проявляет объективный характер, а инкультурация личности представляется субъективным свойством личного опыта.

Более глубоко инкультурацию изучает новое культурологическое направление – культурология образования. Для того, чтобы определить целостные культурное и образовательное пространства России, необходимо выявить общекультурный базис и определить условия для инкультурации личности, и это определяет цель образования. А метациели образования предполагают ведение культурологического аспекта ключевых компетенций. Для определения сущностного основания процесса инкультурации личности в образовательном пространстве необходимо обеспечить совместную деятельность педагогов, обучающихся, семьи и социокультурной среды [5, с. 19]. Инкультурация позволяет человеку свободно ориентироваться в культурном наследии и осваивать его. Успешное достижение цели инкультурации личности в

образовании возможно при активном взаимодействии и взаимоотношениях людей. Управленческая культура учреждений образования основывается на достижениях коллектива и на творческой деятельности субъектов с индивидуальными особенностями. Инкультурация опирается на такое качество личности, как интересубъективность, которая предполагает наличие собственного культурного мира и комплиментарное восприятие другого.

Инкультурация другого мира проявляется в потребности субъекта раскрыть свой мир перед другим субъектом, т. е. с желанием проникнуть в мир другого, и это стремление присуще большинству людей. Следовательно, инкультурация личности базируется на формировании культурной идентичности, имеющей субъективный характер. Культурная идентичность моделируется, и требования к ней соотносятся с содержанием образования, поэтому инкультурация личности является целью образования в современном мире [3, с. 418].

Инкультурация личности происходит в социокультурном пространстве, в котором существуют, во-первых, традиционные культурные смыслы, во-вторых, инкультурационные структуры, в-третьих, качества традиционного и современного социокультурных миров. Традиционные ценности российской культуры скрыты в повседневной культуре и являются необходимым условием для инкультурации личности. Также необходимо иметь в виду, что развитие образования невозможно без принятия традиционных культурных идей, имеющих высокую педагогическую ценность в современных условиях. Иначе говоря, инкультурация личности, основанная на традиционных культурных ценностях большую воспитательную силу [6, с. 156].

Инкультурация личности тесно связана с актуализацией культурных традиций и педагогических ценностей народов, проживающих в условиях современной России. Взаимодействие народов способствует

совершенствованию педагогических идей в российской системе образования. Традиционные ценности российской культуры, такие как скромность, трудолюбие, нравственность, правдивость, честность не теряют своей воспитательной силы. Возможно в современном мире кажется, что эти ценности утратили свою силу, и что на первый план выходят другие качества человека, способствующие зарабатыванию денег, карьере и т. п., но это далеко не так. При осознанном подходе традиционные ценности остаются наиболее востребованными и способствуют духовно-нравственному развитию молодого поколения.

Важным является изучение инкультурации в семье, где происходит духовно-нравственное, трудовое, экологическое, гендерное и коллективистское воспитание. Взаимодействие семьи и школы в условиях обновленного социокультурного пространства должно быть фактором развития традиционных культурных смыслов. Семья и школа являются важными институтами инкультурации личности, они способствуют интеграции обучающихся в социокультурное пространство России, обладают способностью обеспечить условия для освоения культурных ценностей и их культуuroобразующая функция как институтов является эффективной [7, с. 186].

В общеобразовательных учреждениях есть препятствия, мешающие процессу инкультурации. Среди них можно назвать такие образовательные стратегии, которые развивают единообразие в обучении и нивелировку процесса инкультурации, а также различные препятствия, мешающие становлению творческой и свободной личности. В содержании образования наблюдается еще одна проблема – недостаточная реализация принципа диалога и полилога культур, которая позволила бы сопряжению содержания разных культур в условиях современной России и формированию гражданской общности. Современная школа должна способствовать развитию культурологического

содержания образования для успешной инкультурации человека.

Исходя из выше сказанного, сделаем некоторые выводы:

- для эффективной инкультурации необходимо теоретически осмыслить воспитательный процесс в школе для становления и развития культурной идентичности субъекта образования;
- влияние процессов, происходящих в школе, способствуют развитию и осознанию культурной идентичности для определения своего места в мире культуры;
- осознание идентичности зависит от образовательной системы с ее целями и задачами, определяя свою идентичность, подрастающее поколение включается в культурное пространство;
- формирование мировоззрения способствует также развитию общегражданской идентичности, инкультурирующая структура позитивно отражается в личном мире обучающегося и зависит от обеспечения устойчивых знаний о культуре, о ценностях, от усвоения ценностей;
- активизации процесса инкультурации способствует организация положительного инкультурирующего коммуникативного пространства, при котором изменяется когнитивная картина мира. Для этого необходимо обогащать содержание образования культурологическим материалом при активном использовании таких форм работы с обучающимися как учебная и внеучебная деятельность.

Соблюдение этих требований является условием дальнейшей успешной инкультурации личности, обогащает внутренний мир обучающегося, и способствует сохранению целостности социокультурного пространства России.

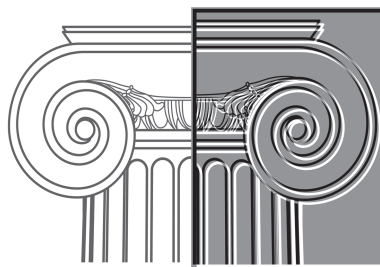

Список литературы

1. *Лескова И. В.* Социализация и инкультурация как механизмы формирования идентичности личности / И. В. Лескова // Научные ведомости БелГУ. Философия. Социология. Право. 2008. № 12 (52). Выпуск 5. С. 19–24.
2. *Нравственное воспитание на рубеже тысячелетий: проблемы, поиски, решения : материалы всероссийской научной конференции / редколлегия: К. Б. Семенов (гл. ред.) и др.* Карачаевск : Изд-во КЧГУ, 2004. 230 с. ISBN 5-8307-0044-1. – EDN QTREZX.
3. *Психология личности : Учебное пособие / под ред. П. Н. Ермакова, В. А. Лабунской.* Москва : Эксмо, 2000. 653 с.
4. *Семенов К. Б.* Проблемы нравственного воспитания в России: история, теория, практика / К. Б. Семенов, А. С. Семенова, И. В. Хлызова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Педагогика. 2021. № 3. С. 19–26. DOI 10.18384/2310-7219-2021-3-19-26. EDN GJSAFK.
5. *Смык Ю. В.* Инкультурация как механизм само моделирования ребенком психологически безопасной социальной среды // Интернет-журнал «Мир науки», 2017. Том 5. № 4. URL: <http://mir-nauki.com/PDF/33PSMN417.pdf> (дата обращения: 02.11.2022).
6. *Степашко Л. А.* Философия и история образования: Учебное пособие / Л. А. Степашко. Москва : Московский. психолого-социальный институт. 2004. 320 с.
7. *Финько М. В.* Инкультурация и социализация студенческой молодежи в современной России // Гуманитарий Юга России. 2017. Том 6. № 4. С. 180–188. DOI: <https://doi.org/10.23683/2227-8656.2017.4.17>.
8. *Янутш О. А.* Инкультурация учащихся как базовая задача современного образования: культурологический анализ / О. А. Янутш // Культурология. 2014. № 1. С. 116–120.

*

Поступила в редакцию 13.02.2023

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

РАЦИОНАЛЬНО И ЭСТЕТИЧЕСКИ ОРГАНИЗОВАННАЯ ГОРОДСКАЯ СРЕДА (АКСИОЛОГИЯ «МЕСТА» И НАВИГАЦИИ)

УДК 17.12.22

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-1111-70-77>

Г. Н. Калинина

Белгородский государственный институт искусств и культуры,
Белгород, Российская Федерация
e-mail: galakalinina@inbox.ru

С. В. Тикунова

Белгородский государственный технологический университет им. В. Г. Шухова,
Белгород, Российская Федерация
e-mail: galakalinina@inbox.ru

С. Э. Орешкина

Белгородский государственный технологический университет им. В. Г. Шухова,
Белгород, Российская Федерация
e-mail: sonya.reshkina@ya.ru

Аннотация: В статье рассмотрены основные проектные направления в городском архитектурном строительстве, которые в условиях пересечения урбанизационных потоков, динамики их роста должны стать доминирующими в комплексном архитектурном проектировании городского территориального развития. Это позволит, если не избежать, то упредить нестандартные и нежелательные ситуации, действие внешних факторов, связанных со сферой визуальных коммуникаций, с внедрением новой системы городской цифровой навигации. И тем самым – дать научно-обоснованные прогнозы в данной области с учетом долгосрочных перспектив. Авторами показано, что усиление

КАЛИНИНА ГАЛИНА НИКОЛАЕВНА – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии, культурологии, науковедения, Белгородский государственный институт искусств и культуры

ТИКУНОВА СВЕТЛАНА ВЛАДИМИРОВНА – кандидат философских наук, доцент кафедры дизайна архитектурной среды, заведующий кафедрой дизайна архитектурной среды, Белгородский государственный технологический университет им. В. Г. Шухова

ОРЕШКИНА СОФЬЯ ЭДВАРДОВНА – магистрант, Белгородский государственный технологический университет им. В. Г. Шухова

KALININA GALINA NIKOLAEVNA – DSc in Philosophy, Professor at the Department of Philosophy, Cultural Studies, and Science, Belgorod State Institute of Arts and Culture

TIKUNOVA SVETLANA VLADIMIROVNA – CSc in Philosophy, Associate Professor at the Department of Architectural Environment Design, Head of the Department of Architectural Environment Design, Belgorod State Technological University named after V. G. Shukhov

ORESHKINA SOFIA EDVARDOVNA – Master student, Belgorod State Technological University named after V. G. Shukhov

© Калинина Г. Н., Тикунова С. В., Орешкина С. Э., 2023

аксиологического компонента городского дизайн-пространства лежит в плоскости «новой философии и психологии дизайна в его городском, архитектурном, градостроительном сегменте»; в этой связи обосновывается важность разработки новой модели цифровой невербальной навигации. В завершение делается вывод о том, что данная модель призвана оптимизировать региональную градостроительную политику, повысить качество управления городским культурным ландшафтом в интересах «конкретного человека».

Ключевые слова: городская среда, дизайн-проектирование, человек, визуальные коммуникации, цифровая навигация, идентичность местности, эстетика, рациональность, аксиология.

Для цитирования: Калинина Г. Н., Тикунова С. В., Орешкина С. Э. Рационально и эстетически организованная городская среда (аксиология «места» и навигации) // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2023. №1 (111). С. 70–77. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-1111-70-77>

RATIONALLY AND AESTHETICALLY ORGANIZED URBAN ENVIRONMENT (AXIOLOGY OF «PLACE» AND NAVIGATION)

Galina N. Kalinina

Belgorod State Institute of Arts and Culture,
Belgorod, Russian Federation
e-mail: galakalinina@inbox.ru

Svetlana V. Tikunova

Belgorod State Technological University named after V. G. Shukhov,
Belgorod, Russian Federation
e-mail: svetlanatikunova@yandex.ru

Sofia E. Oreshkina

Belgorod State Technological University named after V. G. Shukhov,
Belgorod, Russian Federation
e-mail: sonya.oreshkina@ya.ru

Abstract: The article considers the main design directions in urban architectural construction, which, in the conditions of the intersection of urbanization flows, the dynamics of their growth, should become dominant in the integrated architectural design of urban territorial development. This will allow, if not to avoid, then to forestall non-standard and undesirable situations, the effect of external factors related to the field of visual communications, the introduction of a new urban digital navigation system. And, thereby, to give scientifically – based forecasts in this area, taking into account long-term prospects. The authors show that the strengthening of the axiological component of urban design space lies in the plane of the “new philosophy and psychology of design in its “urban, architectural, urban planning segment; in this regard, the importance of developing a new model of digital nonverbal navigation is justified. In conclusion, it is concluded that this model is designed to optimize regional urban planning policy, improve the quality of urban cultural landscape management in the interests of a “specific person”.

Keywords: urban environment, design engineering, human, visual communications, digital navigation, terrain identity, aesthetics, rationality, axiology.

For citation: Kalinina G. N., Tikunova S. V., Oreshkina S. E. Rationally and aesthetically organized urban environment (axiology of “place” and navigation). *Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2023, no. 1 (111), Pp. 70–77. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-1111-70-77>

В условиях ускорения темпов урбанизации радикально трансформируется понятие «идентичности места», серьезно корректируется образ жизни городского жителя, затрагивая, в том числе, сферу цифровой навигационной системы. Сегодня она все чаще рассматривается в качестве актуальной проектной дизайн-технологии, позволяющей направить в единое русло средообразующие возможности визуальных коммуникаций. При этом за основу берется принцип эргоцентризма, базовый в современных дизайнерских практиках архитектуры и градостроительства. То есть в широком смысле перед нами проблема улучшения качества жизни человека на фоне возрастающих урбанизационных процессов, которая связывается нами с актуальной задачей осмысления действующей сегодня системы невербальных визуальных коммуникаций, средств цифровой навигационной системы.

Приобретая все более междисциплинарный характер, эта проблематика повышает апелляции к межотраслевому взаимодействию для ее эффективного решения. Отсюда следует вывод не только о важности ее проработки в контексте городского градостроительства, в специализированных отраслях, занимающихся проблемами перспективного планирования. Но и о необходимости ее философского осмысления применительно к развитию современного города, его дизайн-проектирования, отвечающего социальным предпочтениям и потребностям населения.

Далее следует сказать, что источниковедческая база по нашей проблематике представлена в основном отечественными разработками видных российских методологов, культурологов, включая авторские теории и концепции. Среди таковых назовем следующие: проектная методология,

теория и практика дизайнерского проектирования, комплексный подход к архитектонике. Представители этих направлений А. А. Богданов, В. В. Верещагин, О. И. Генисаретский, С. Э. Зуев, В. И. Курбатов, Е. А. Мамчур, В. М. Розин, П. В. Рыбалкина и другие специалисты. Как правило, внимание концентрируется на таких сегментах, как муниципальное уличное дизайн-проектирование, модульный дизайн, внедрение новейших цифровых технологий в городскую среду, архитектурно-художественная выразительность, эстетика общественных пространств в русле геоники (геомиметики) материаловедения. Этими проблемами занимаются А. Э. Журавлева, С. В. Тикунова, В. С. Лесовик, А. А. Шеремет, И. Л. Чулкова, Л. В. Чурсина и другие. Особо отметим концепцию С. М. Михайлова, Е. Э. Павловской по комплексной организации предметно-пространственной среды (дизайн композиции, В. Т. Шимко, Л. В. Чурсина и др.) [1; 8; 10; 12; 13; 14].

Современный городской ландшафт задает проблемное поле визуальной коммуникации и средств цифровой навигационной системы. Ученые открыто говорят о том, что меняющиеся условия среды обитания человека, перераспределение коммуникативных потоков, транспортных траекторий создают почву если не для отказа от традиционных подходов к созданию и оформлению урбанистических территорий, то все-таки для их переосмысления. При этом нужно учитывать весь комплекс факторов в их широком диапазоне (от изменившихся реалий городской жизни до роста семиотических средств в дизайн-проектировании конкретного городского объекта). В целом разделяя такие позиции специалистов [1; 3; 6], добавим, что они «вольно или невольно» инициируют

поиски свежих новационных решений; креативных и нестандартных ответов на вопросы об эффективном формировании урбанизированной среды, что, конечно же, следует только приветствовать. Практика показывает, что в конечном счете такие поиски все же приводят к выработке нужных инструментов для создания комфортной, яркой, функциональной, безопасной, узнаваемой среды обитания человека.

Проживая нашу жизнь в сетевых реалиях XXI века, все больше погружаясь в атмосферу активного развития технологий, на полном основании можно констатировать не просто «новую онтологическую реальность», с ее очевидными плюсами, достоинствами по повышению жизненного комфорта современного человека. Свидетельство тому – наша реальная жизнь, наша повседневность, средовое окружение, которое активно демонстрирует себя не только в визуальном ряде городских улиц, площадей, бульваров, но и в невербальных коммуникативных системах, приобретающих открытый «сетевой» характер.

С другой стороны, можно зафиксировать важную тенденцию, сопровождающую цифровую эру. Ее суть в том, что вхождение дополненной (AR) и виртуальной (VR) реальностей в нашу повседневную жизнь неизбежно приводит к тому, что человек теряет навык ориентации в материальном мире [2; 14, с. 236]. Это происходит потому, что человеку становится все тяжелее понимать сложную структуру города на уровне «простого» интуитивного восприятия, что создает определенные трудности, с которыми ранее городской житель в своей основной массе не сталкивался, возможно, даже не подозревал о них. Характерная схема: моментальное переключение между «офлайн» и «онлайн». Нельзя утверждать, что такая схема вошла в повседневную жизнь каждого человека и уж тем более преждевременно говорить, что такое переключение стало привычным делом. С другой же стороны, нужно признать очевидное: действительно, так и есть: наш мозг

постепенно осваивает и генерирует кардинально иную модель «новой повседневности» [12, с. 281–282].

Признавая правомерность обеих точек зрения относительно «новой модели повседневности», мы все же склонны в описанных реалиях жизни увидеть проблемное противоречие. В одном из ракурсов оно, на наш взгляд, состоит в невозможности освоения нашим собственным сознанием сразу нескольких реальностей. Наш мыслительный потенциал не справляется с таким скоростным «переключением», что, наверное, нельзя назвать позитивным фактором ни для самоощущения человека в системе коммуницирования с «другим», ни для его понимания того, что происходит за окном его дома. То есть налицо ситуация «расхождения» реальностей для человека, живущего, как правило, по привычке в прежней парадигме: «здесь и сейчас», «черное и белое», «прошлое – настоящее – будущее».

Столь же актуален вопрос о «первопричинах» получения человеком информации о его окружении, об эффективности ее применения для ориентации. Ученые отмечают серьезный сдвиг в современном понимании медиками механизма переключения внимания человека «новой» информационной эры. Так, при концентрации внимания житель современного города основывается в значительной степени не на рациональных механизмах своего мозга, а спонтанно, «схватывает» визуальную информацию на иррационально-чувственном уровне сознания [2]. То есть утверждается принципиально новая парадигма ориентирования человека в «реальностях», в центре которой – эмоции. Заметим, что эмоциональную (нерациональную) сферу античные философы называли и считали «злыми обманщиками» по причине их изменчивости, «хитрости» и непостоянства. Эмоции не считались константой, проигрывая в этом отношении «правильной разумности» и строгой «рассудочности» [2]. Сегодня же специалисты, напротив, считают, что имен-

но эмоции «отбирают» для запоминания, прежде всего, то, на что человек при ориентировании обращает свое внимание, и в будущем с большей вероятностью отметит то, что уже замечали в прошлом. При этом все они (эмоции) могут быть сведены к двум основополагающим группам: а) «положительная» (удовольствие или предрасположенность к чему-либо) и б) «отрицательная» (страх или предрасположенность против чего-либо). Разумеется, всякий человек инстинктивно стремится к положительным эмоциям группы а), стараясь избегать отрицательных эмоций группы б) [2].

Обращение к ранним культурным эстетическим практикам, первичным образцам невербальной «прото» коммуникации показывает, что к ее первым проявлениям правомерно относить наскальные изображения, позволяющие отследить эволюцию знаковой системы и визуального языка. По мере прогресса визуальная культура приобрела новые смыслы, постепенно не только сообщая информацию, но и получая контроль над эмоциями человека, плавно «вписываясь» сегодня в архитектурный стиль, цветопластику городских сооружений, учитывающих исторический контекст улицы/района, закладывая основу для визуально-экологичной городской инфраструктуры. При этом основная функция знака – выступать направляющим элементом, в силу чего он должен быть заметен на фоне, скажем, улицы [2], а не потеряться на общем фоне интерьера или экстерьера здания. Для этого используется методика «работы на контрасте», она подчеркивает, «высвечивает» смысловое содержание «знака», включая его в актуальную в визуальных коммуникациях городскую навигацию.

Обобщая рассуждения, можно подчеркнуть, что, во-первых, визуальные объекты подразделяются на два больших класса: а) «функционально нагруженные», б) «эстетически насыщенные», притом что «... способность человека продуцировать информацию значительно превышает возможности ее

восприятия и усвоения» [2; 11; 15]. Во-вторых, разнообразие визуальных коммуникаций меняет сущность восприятия, познание которого опирается на широкий спектр когнитивных механизмов, участвующих в свертывании мыслительных содержаний в зрительный образ и его развертывании с помощью визуального мышления. Например, точкой притяжения, осуществляющей еще и функции ориентирования, может служить стрит-арт культура. Современная монументальная живопись – мурализм объединяет специалистов разных сфер деятельности для создания уникальных городских пространств и мест встречи.

Заметим также: тактильные дорожки, звук, шрифт Брайля не менее важные ориентиры, которые предусматриваются в обязательном порядке при проектировании. Причем этот подход значим для выработки комплексного подхода к созданию безбарьерной среды и жизненно важных условий для свободного передвижения маломобильных групп населения. Так, скажем, в «живом» городском пространстве можно расположить QR-коды, ведущие на интерактивные виртуальные карты с голосовым сопровождением и чат системой с возможностью установить «предупреждающую» вибрацию, например, о поворотах для глухих и слабослышащих людей. В них будут указаны ближайшие учреждения, магазины, достопримечательности и культурные объекты, места отдыха и досуга. Карты будут полезны туристам и местным жителям и станут отличным источником информации, в частности, для слабовидящих и слепых людей.

Типовой пример – навигационная эко-система метрополитена (г. Москва), которая, будучи спроектированной в связке с наземным транспортом, обеспечивает отличную невербальную коммуникацию людей в «подземке», когда есть возможность оптимальных маневров между станциями. Схемы, нумерация и указатели расположены на комфортных расстояниях с яркой подсветкой, для лучшей видимости [2; 8]. Помимо этих

плюсов назовем также: экономию времени, комфортность визуальных обозначений (знак как невербальный навигатор); несложность пиктографического прочтения, «узнаваемость» формы конкретной пиктограммы и другие комфортные для людского потока достоинства. Все это, помимо прочего, помогает быстро и правильно фильтровать полезную информацию от важных предупреждений, решать другие задачи, связанные с навигационным передвижением.

Сказанное тем более важно, что, скажем, в сравнительно небольших городах все еще отсутствуют дизайн-коды и слаженные механизмы ориентирования и визуальной коммуникациями [2]. Чтобы создать такую навигационную систему, которая позволит, с одной стороны, не зависеть от внешних источников информации, а с другой стороны, быть свободным в выборе средств, нужно проанализировать историю, принципы градостроительной организации и ее особенности, изучить современные тенденции города и локальный культурный слой, который позволит сформировать уникальный облик [2]. Надо также найти точки соприкосновения органов власти с общественностью посредством социальных опросов и при помощи формирования комьюнити (сообществ) с целью объединения дизайнеров, градостроителей, художников для разработки дизайн-концепции территориального брендинга и развития идентичности региона.

Сегодня в существе своем дизайн визуальных коммуникаций – это область возможностей для реализации проектных практик визуализации. Дизайн-проектирование таких коммуникаций ориентировано на создание адресных визуальных текстов, сообщений в условиях бесструктурности и крайней визуальной «замусоренности» окружающей среды. Это новые горизонты развития вербально-символьной системы ориентации в цифровую эру.

Но здесь есть и свои неоднозначные зоны. Так, ряд специалистов считают, что

главная проблема заключается в том, что, конфигурированный такими условиями, сам дизайн активно участвует в повышении визуальной энтропии культурного пространства. Нацеленный, казалось бы, на собственное выживание, он в то же время стремительно лишает себя исторической перспективы. Однако мы считаем, что «архитектурный язык» – это выражение конкретного смысла, он позволяет через визуальные коммуникации улучшить наше восприятие «внутренней жизни» архитектурных систем, комплексов, понять их глубинную семантику, а шире – философию архитектуры, исторически сопряженную с философией культуры и человека [4]. Любая архитектурная форма, конфигурация объемов изначально несут в себе смысловую нагрузку – «азбуку зодчества». Так, куб – идеальное воплощение идеи неизменности, равновесия, устойчивости; параллелепипед, стоящий вертикально, – образ устремленности к небу; П-образные композиции – образ входа в пространство и выхода из него; цилиндр (ротонда) – форма, одинаковая во всех ракурсах, символ вечности, божества, уподобления человека Богу; сегмент – образ делимости пространства; полусфера – образ неба; ордер – средство, помогающее скрыть утилитарную природу здания и в благородно художественном виде представить работу заключенных в конструкции сил и др. [7].

Во многом именно через семиотический фактор, представленную внешне визуальную коммуникацию и навигацию, каждый город формирует свой «личный образ». Притом, конечно, что визуальные коммуникации в контексте городской навигации, безусловно, приоткрывают завесу над тайной смысловых значений архитектурной символики. В конечном счете семиотический «код» городской архитектуры, дизайнерские решения уличного городского пространства «программируют» не только маркеры узнаваемости города (его визуальные образы), но и сам образ жизни горожанина, средовую парадигму «идентичности места».

Это означает, что в таком городском пространстве символы (включая их сакральные мотивы, наиболее свойственные архитектуре)¹ являются неотъемлемой частью искусства и монументальной архитектуры человека [4; 8; 15; 22]. Но поскольку в истории культуры и искусства сложившиеся традиции архитектурного декора имеют за своими «плечами» долгий путь культурно-исторического генезиса, постольку не представляется возможным абсолютное и однозначное толкование его символики, имеющей, как мы полагаем, «генетическую природу», уходящую корнями вглубь истории и в самые ранние архитектурно-дизайнерские практики. В данном контексте наиболее логично рассчитывать на то, что в результате грамотного использования современными дизайнерами-проектировщиками фундаментального принципа визуальных коммуникаций между антропогенным и природным ландшафтом, социумом и городом, станет возможным формирование комфортного урбанизированного пространства нового уровня. А именно – аксиологически нагруженного и тем самым всестороннее оправдывающего себя для каждого современного городского жителя, давая хороший «повод» к размышлениям относительно истории города, сочетания

в ней множества самых разных факторов. [10, с. 99–100; 104–105].

В целом же в ходе исследования данной проблематики мы приходим к выводам о том, что, во-первых, разработка технологической навигационной модели невербальных коммуникаций будет способствовать оптимизации «сетей» городского ориентирования. По мнению авторов, данная модель актуальна как с точки зрения рациональной организации городского дизайн-пространства, так и с позиции эстетической организации коммуникационной среды. Равно как и с позиции экологической целесообразности (минимизация вредных «городских» эффектов», информационного шума и др.).

Во-вторых, технология реализации модели базируется на комплексном подходе в области реализации дизайн-проекта комфортной городской среды в условиях активной урбанизации, включая такие стадии, как анализ территориальных особенностей региона, мониторинг населения (социальные опросы горожан; сбор и систематизация, аналитика полученной информации), разработка концептуальных предложений вариантов визуального ряда; утверждение дизайн-проекта, включая этапы его динамики «на входе» и «на выходе» с целью последующей его реализации.

¹ Например, образ «восточного города» легко узнаваем по характерному декорированию с предпочтительным изображением геометрического и растительного орнамента, спирали, изображений птиц и животных и др.

Список литературы

1. Арнхейм Р. Искусство и визуальное восприятие. Москва: Прогресс, 1974.
2. Виртуальная карта общественного городского пространства на месте бывшего Хлебозавода № 9, г. Москва [Электронный ресурс]. URL: <https://hlebozavod9.ru/>
3. Воль Р. Р. Символическая репрезентация и городская среда / Р. Р. Воль, А. Л. Страусс // Личность. Культура. Общество. 2015. Т. 17, № 87/88. Выпуск 3/4. С. 35–46.
4. Гаврюшкин А. В. Информационно-ориентационные аспекты дизайна городской среды // Московский архитектурный институт. Автореферат на соискание ученой степени кандидата архитектуры. Теория и история архитектуры, реставрация и реконструкция историко-архитектурного наследия. 2010. С. 10–11.

5. Геоника (геомиметика) и поиск оптимальных решений в строительном материаловедении / В. С. Лесовик, А. А. Шеремет, И. Л. Чулкова, А. Э. Журавлева // Вестник Сибирского государственного автомобильно-дорожного университета. 2021. Том 18. № 1(77). С. 120–134.
6. *Калинина Г. Н. Тикунова С. В.* Репрезентация средового пространства как образа жизни, творчества и реализации индивидуума // Наука. Искусство. Культура. № 3(31). 2021. С. 99–105.
7. *Колин Эллард.* Среда обитания. Как архитектура влияет на наше поведение и самочувствие. Москва : Альпина Паблишер, 2020. 288 с.
8. Михайлов С. М. Пешеходная улица как арт-объект в дизайне современного города // Архитектура и строительство России. 2017. № 1. С. 76–83.
9. Нехамкин А. Н., Нехамкин В. А. Социальное прогнозирование: достижения, недостатки, пути совершенствования // Вестник Московского государственного областного университета. Серия : Философские науки. 2020. № 2. С. 57–59.
10. Павловская Е. Э. Основы дизайна и композиции: современные концепции. Москва : Юрайт, 2020. 120 с.
11. Соловьев Н. К. Дизайн исторического интерьера в России. Москва : Юрайт, 2020. 273 с.
12. Тикунова С. В., Калинина Г. Н., Рожкова Е. Ю. Символика в практиках конструирования ландшафтного дизайна // *НОМОТНЕТІКА: Философия. Социология. Право.* Том 45, № 2. 2020. С. 281–289.
13. Тикунова С. В. Идентичность человека и городского пространства: точки пересечения и разрыва // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2021. № 2 (100) март-апрель. С. 88–94.
14. Чурсина Л. В. Формирование городских социальных пространств с использованием информационных технологий // *Architecture and Modern Information Technologies.* 2021. № 1 (54). С. 236–247.
15. Шокорова Л. В. Дизайн-проектирование: стилизация. Москва : Юрайт, 2020. 111 с.

*

Поступила в редакцию 20.01.2023

РУССКИЙ БАЛЕТ НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА «ТЕАТР И ЖИЗНЬ» (1928–1936)

УДК 792.82 :002.2 : 070.1

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-1111-78-87>

М. А. Ведерникова

Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация
e-mail: wds80@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена журналу «Театр и жизнь», выходившему в Париже, во Франции, с 1928 по 1936 год, и представляющему научную ценность как дополнительный источник информации по театральной жизни русского Зарубежья. Впервые проведен анализ статей журнала, связанных с творческой деятельностью представителей русского балета в эмиграции. При анализе статей, посвященных русскому балету, выявлено несколько основных информационных направлений: 1) статьи, связанные с творческой деятельностью «Парижской частной оперы»; 2) статьи, посвященные деятельности балетных студий, школ, открытых известными русскими танцовщицами и танцовщиками; 3) статьи, посвященные событиям, связанным с балетным театром Советской России; 4) театральные хроники: краткие заметки о событиях, связанных с русскими танцовщицами и танцовщиками; 5) рассуждения выдающихся русских балетных деятелей о современной хореографии (танце модерн); 6) статьи, посвященные антрепризе С. П. Дягилева и труппам-преемникам, появившимся после смерти импресарио; 7) статьи, посвященные творчеству известных хореографов, танцовщиц и танцовщиков в эмиграции.

Ключевые слова: журнал «Театр и жизнь», русский балет, эмиграция первой волны во Францию, «Парижская частная опера», А. М. Павлова, С. П. Дягилев, М. М. Фокин.

Для цитирования: Ведерникова М. А. Русский балет на страницах журнала «Театр и жизнь» (1928–1936) // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2023. №1 (111). С. 78–87. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-1111-78-87>

RUSSIAN BALLET ON THE PAGES OF THE MAGAZINE «THEATER AND LIFE» (1928–1936)

Margarita A. Vedernikova

Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow Region, Russian Federation
e-mail: wds80@mail.ru

ВЕДЕРНИКОВА МАРГАРИТА АНДРЕЕВНА – доктор культурологии, кандидат искусствоведения, профессор кафедры классического танца, Московский государственный институт культуры

VEDERNIKOVA MARGARITA ANDREEVNA – DSc in Cultural Studies, CSc in Art History, Professor at the Department of Classical Dance. Moscow State Institute of Culture

© Ведерникова М.А., 2023

Abstract: The article is devoted to the magazine “Theater and Life”, published in Paris, France, from 1928 to 1936, and is of scientific value as an additional source of information on the theatrical life of the Russian Abroad. For the first time, the analysis of the magazine’s articles related to the creative activities of representatives of Russian ballet in emigration was carried out. When analyzing articles on Russian ballet, several main information areas were identified: Russian Russian Ballet: 1) Articles related to the creative activities of the Paris Private Opera); 2) Articles devoted to the activities of ballet studios, schools opened by famous Russian dancers and dancers; 3) Articles devoted to events related to the ballet theater of Soviet Russia; 4) Theatrical Chronicles: brief notes on events related to Russian dancers and dancers; 5) The arguments of outstanding Russian ballet figures about modern choreography (modern dance); 6) Articles devoted to S. P. Diaghilev’s enterprise and successor troupes that appeared after the impresario’s death; 7) Articles devoted to the work of famous choreographers, dancers and dancers in exile.

Keywords: the magazine “Theater and Life”, Russian ballet, emigration of the first wave to France, “Paris Private Opera”, A. M. Pavlova, S. P. Diaghilev, M. M. Fokin.

For citation: Vedernikova M. A. Russian ballet on the pages of the magazine “Theatre and Life” (1928–1936). *Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2023, no. 1 (111), Pp. 78–87. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-1111-78-87>

Журнал русской эмиграции первой волны «Театр и жизнь» выходил во Франции, в Париже, с 1928 по 1936 год и освещал события оперного и балетного искусства, драматического театра, киноискусства, изобразительного искусства, различного рода события, связанные с известными творческими личностями (юбилеи, бенефисы, гастроли, некрологи и пр.). Встречается информация, связанная с деятельностью известных литераторов, композиторов и даже изобретателей (например, о русском изобретателе И. Махонине в номере № 23 за 1930 год). Также регулярно печаталась информация о театральной жизни в Советской России. Определённых системных рубрик журнал не придерживался. Редакторами журнала являлись Александр Филиппов и Евгений Амвросиевич Ефимовский (1855–1964).

Полный комплект журналов не сохранился. Частично журналы представлены в Русской общественной библиотеке им. И. С. Тургенева (Франция), Национальной библиотеке Чешской Республики (Прага), Государственном архиве РФ, Доме русского зарубежья им. А. Солженицына, Музее Русской культуры (Сан-Франциско, США). Электронные версии журналов в формате pdf размещены на сайте-архива зарубеж-

ной прессы «Librarium», а также – на сайте периодики русского Зарубежья «Эмигрантика». Журнал выходил на русском языке, за исключением некоторых статей, которые публиковались на французском языке, как в переводе на русский, так и без перевода. Последние страницы журнала были посвящены рекламе русских балетных студий, театральным афишам, а также – рекламе русской сферы быта. Объем журнала разнится и составляет от 29 до 58 страниц.

В отличие от других журналов русской эмиграции (к примеру, журнала «Жар-птица» – продолжателя модернистского направления журналов «Аполлон», «Весы», «Золотое руно», «Мир искусства» [30, с. 170]), журнал «Театр и жизнь» малоизучен; научные работы, посвящённые анализу статей журнала, отсутствуют. Тем не менее, журнал представляет научную ценность как источник дополнительной информации по театральной жизни русского Зарубежья, в том числе и по истории русского балета.

В подзаголовке журнала значится: двухнедельный иллюстрированный журнал, но заявленная периодичность не всегда соблюдалась, скорее всего, по финансовым причинам. Следует отметить, что за февраль 1930 года сохранилось два номера журнала – № 23

и № 24, в остальные месяцы – не более одного номера журнала. За 1933-й и 1934-й годы сохранилось лишь по одному номеру журнала.

Журнал иллюстрирован большим числом фотографий артистов (М. Фокин, А. Данилова, А. Волинин, В. Немчинова, С. Дягилев, А. Павлова и др.), что также представляет интерес для исследователей, а также приведено большое число рисунков и фотографий декораций, сцен из опер и балетов.

Журнал позиционировал себя как аполитичный, тем не менее нередко затрагивал различного рода события, происходящие в Советской России: невыдачу паспорта, задержку пенсий, аресты (например, арест артиста С. Н. Надеждина) [23, с. 16]. Публиковались письма не эмигрировавших из страны артистов, повествующие о тяготах жизни в Советской России [14, с. 23]. В нескольких номерах журнала встречается информация о создании боевого Братства Русской правды под лозунгом «Коммунизм умрет – Россия не умрет» и сборе средств в поддержку данного братства, например, № 39, № 46. Затрагивалась тема тоски по Родине и веры в возвращение обратно в Россию. К примеру, в статье «Русские дети в эмиграции», посвященной открытию в Париже русской гимназии: «Дети – это будущее. Дети – это воскресение национальной России. Дети – это расцвет новой жизни. Мы все свои чаянья вкладываем в детей <...> нас не будет – они возродят Россию из пепла большевистских пожаров» [31, с. 16].

Приведем краткий обзор статей журнала «Театр и жизнь», посвященных русскому балету, из сохранившихся номеров издания: 1928 год – № 2; 1929 год – №№ 4, 12, 15, 19; 1930 год – № 22, 23, 24, 27, 28; 1931 год – №№ 35, 38; 1932 год – №№ 46, 50, 54; 1933 год – № 57; 1934 год – № 60.

Среди авторов статей, посвященных балетному искусству, как известные балетные критики своего времени, так и малоизвестные авторы: Балетоман (неизвестный автор), Михаил Бек, Зритель, Н. Кремлев, Петр Пильский, С. Рогов, С. Н. (один из псевдонимов

С. Н. Худекова), Валериан Светлов и др. Многие статьи подписаны не были.

При анализе статей, посвященных русскому балету, выявлено несколько основных информационных направлений. Далее без ранжирования:

1) *Статьи, связанные с творческой деятельностью «Парижской частной оперы» (другие названия труппы – «Русская опера в Париже» (1930–1932), просто «Русская опера» (1933–1934).*

С 1929-го по 1934-й годы в Париже существовала и успешно работала оперная труппа, созданная М. Кузнецовой-Бенуа и Алексеем Церетели. В номере 2 за декабрь 1928 года приводится статья «В мастерских», посвященная «Парижской частной опере» и премьерном спектакле «Князь Игорь» Бородина с хореографией «Половецких плясок» М. М. Фокина. На обложке журнала № 4 (январь, 1929 г.) фото М. Н. Кузнецовой и кн. А. Церетели, организаторов «Частной Оперы в Париже» [13]. Далее несколько статей, посвященных успешной премьере спектакля «Князь Игорь» Бородина с участием «несравненного балетмейстера М. Фокина» [19, с. 4] и организаторам оперной труппы.

В журнале регулярно освещались события, связанные с деятельностью Парижской частной оперы: гастроли, премьеры, приглашение новых участников в труппу и пр. (№ 8, апрель 1929 г.; № 10, июнь, 1929 г., № 54, ноябрь, 1932 г. и пр.)

В номере 27 за май 1930 года большая статья о сотрудничестве Парижской частной оперы с Б. Ф. Нижинской и постановке ею 3-го акта оперы «Руслан и Людмила»: «Эти сцены, так знакомые в прошлом, превращены в какое-то новое, невиданное действие, где масса движется, как один, а группы и позы так разнообразны и привлекательны, что дух романтизма увлекает и волнует» [20, с. 33]. Приведены фото Б. Ф. Нижинской и участников труппы. Также в этом номере журнала отмечается в отдельной заметке, что балерина А. М. Балашова присоединилась к данной труппе и выступит как приме-

ра балерина в балетных сценах «Князь Игорь» и «Руслан и Людмила». В следующем номере читаем об успехе А. М. Балашовой: «В сезон Русской Оперы А. М. Балашова вновь заставила говорить о себе, как об исключительной исполнительнице «Половецкой пляски» в опере «Князь Игорь» и «Лезгинки» в опере «Руслан и Людмила» [2, с. 17].

На обложке номера № 35 за январь 1931 года фотография Брониславы Нижинской, и ей же посвящена первая статья в журнале «Бронислава Нижинская (опыт характеристики)», автор Михаил Бек. Статья повествует о её творческом пути с момента окончания Театрального училища и вплоть до сотрудничества с «Русской Оперой в Париже», где она «возобновляет знаменитые «Половецкие пляски» в «Князе Игоре», ставит заново прославленный балет Игоря Стравинского и Александра Бенуа «Петрушку» и оформляет балеты в операх «Руслан и Людмила», «Садко» и «Русалка» [9, с. 2].

В номере 38 за апрель 1931 года о балетмейстере Б. Г. Романове и его сотрудничестве с Русской Оперой: «В программу спектаклей балета Русской оперы включены: «Половецкие пляски», «Шут», «Пульчинелла» и балет испанского композитора Фала» [22, с. 20].

2) *Статьи, посвященные деятельности балетных студий, школ, открытых известными русскими танцовщицами и танцовщиками.*

Во Франции, в Париже, эмигрантами из России было открыто большое число балетных студий. На страницах журнала публиковалась информация о деятельности ряда известных балетных студий, среди которых студия М. Ф. Кшесинской, А. Е. Волинина, Л. Е. Егоровой, Ю. Н. Седовой. Приведем примеры.

На обложке журнала № 8 за апрель 1929 года фотография Матильды Феликсовны Кшесинской (1872–1971), далее две статьи о ней: первая статья, посвящена жизни и творчеству известной балерины, а также открытию ею в Париже балетной студии: «Нет сомнения, что у такой исключительной артистки

не будет недостатка в учениках и ученицах. Пройдет год-другой, и она выпустит целую плеяду балетных артистов и артисток, которые завоюют успех и будут высоко держать знамя русского балетного искусства». [7, с. 2]. Вторая статья, рассказывает о последнем выступлении М. Ф. Кшесинской в России [26].

На обложке журнала № 19 за ноябрь 1929 года фото артиста балета, участника антрепризы С. П. Дягилева, балетного педагога Александра Емельяновича Волинина (1882–1955), который с 1921 года проживал в Париже, где открыл собственную балетную школу – Академию хореографического искусства: «За три года существования Волининской Академии через нее прошло свыше 300 учеников и учениц, а показательные спектакли Академии в конце каждого учебного года стали выдающимися событиями театрально-артистической жизни Парижа» [16, с. 9]. Приводятся фотографии учеников Академии. Статья «Академия хореографического искусства А. Волинина» приведена как на французском языке, так и на русском. Автор статьи Николай Кремлев. Среди учеников А. Волинина, Д. Лишин, Т. Рябушинская, И. Шовире, А. Долин, А. Эглевский и многие другие. На сегодняшний день во Франции существует премия имени Александра Волинина для молодых хореографов.

В № 24 за февраль 1930 года приведено фото и статья о знаменитой балерине, балетном педагоге Любове Николаевне Егоровой (1880–1972). Отмечается, что «студия Л. Н. Егоровой дала уже русскому искусству целый ряд популярных артистов: А. Д. Данилова и С. Лифарь в значительной мере обязаны своими успехами Л. Н. Егоровой, у которой они совершенствуются» [21, с. 18].

В журнале № 60 за май 1934 года приведена статья о балетной студии Юлии Николаевны Седовой (1880–1969) и её учениках И. Степановой, К. Иванжине, М. Безобразовой, Н. Габай и Т. Бересневич.

3) *Статьи, посвященные событиям, связанным с балетным театром Советской России.*

Следует отметить негативность приведенных в издании статей, посвященных советскому балетному театру. По мнению авторов статей, после отъезда ключевых исполнителей и хореографов советский балетный театр пришел в упадок. Молодые хореографы некомпетентны, постановки не удачны, а желающим покинуть страну препятствуют советские власти.

К примеру, в № 15 за сентябрь 1929 года приведена статья «В Мариинском театре» (автор С. Рогов), которая повествует о «диктатуре советского временщика Ф. Лопухова»: «Стоило ему лишь переделать на советский лад балеты «Щелкунчик», «Спящую красавицу» и «Раймонду», как наркомпрос признал, что он является «единственным идеологически подходящим балетным режиссером» <...> Для того, чтобы окончательно закрепить свое положение, Ф. Лопухов внес предложение поставить на сцене Мариинского театра балет «Стальной шаг», рисующий жизнь на фабрике и три года назад, в качестве эксперимента, поставленный Мясиним у Дягилева» [24, с. 15]. Также в этом номере идет речь о судьбах артистов балета, которым не выдают паспорта, и они не могут покинуть СССР.

В № 10 за июнь 1929 года опубликована статья «Печальная Одиссея И. Ф. Кшесинского» (автор С. Рогов), который попал под арест и длительное время был лишен пенсии только за то, что принадлежал к «семье «буржуазной», «идеологически вредной», а потому и внимания не заслуживал» [25, с. 22]. То есть за то, что был братом известной балерины М. Ф. Кшесинской.

Интерес представляет рассказ С. Рогова «Убийство балерины Лидии Ивановой», посвященный трагической судьбе балерины и опубликованный в № 2 за декабрь 1928 года. Автор излагает версию, выдвинутую в ходе частного расследования, что Л. Иванова (1903–1924) не погибла в ходе несчастного случая во время водной прогулки из-за неисправности мотора и столкновения лодки с кораблем, как указано в официальном

источнике, а была жестоко убита комендантом Михайловского театра Языковым и финансовым контролёром Смольного над Петроградскими театрами Гольштейном [27, с. 15–17].

4) *Театральные хроники: краткие заметки о событиях, связанных с русскими танцовщиками и танцовщицами.*

Подобного рода краткие заметки в несколько строчек есть в каждом номере журнала «Театр и жизнь» и посвящены приезду/отъезду балетных артистов и трупп, важным событиям из жизни балетных деятелей. Приведем лишь некоторые из них. К примеру:

Номер 14, август, 1929 год. Заметки об успехе русского балета Ф. А. Васильева в Барселоне, о труппе Л. В. Карповой в Ницце.

Номер 22, январь, 1930 год. В этом номере помещены несколько коротких заметок. Первая, о том, что балерина А. Абрамова получила паспорт и покинула Советский Союз. Вторая, о том, что М. М. Фокин покидает Америку и будет жить в Париже. Третья – о выступлении учеников студии М. Ф. Кшесинской на балу Русских Писателей. В четвертой говорится о том, что в Париж из Южной Америки приехали балерина Е. А. Смирнова и балетмейстер Б. Г. Романов.

Номер 23, Февраль, 1930 год. В этом номере приведен краткий некролог Марии Михайловны Петипа, дочери М. И. Петипа, которая скончалась в Париже 16 января 1930 года.

Номер 57, декабрь, 1933 год. Заметка о предстоящих гастролях: «Сахаровы в Париже». Номер 60, май, 1934 год. Фотография Клотильды и Александра Сахаровых, далее небольшая заметка об их предстоящих гастролях по Дальнему Востоку, Японии, Китае, о. Яве, Египте и Сев. Америке.

5) *Рассуждения выдающихся русских балетных деятелей о современной хореографии (танце модерн)*

В номере № 15 за сентябрь 1929 года приведена статья «Анна Павлова о себе», которая посвящена ключевым вехам в биографии выдающейся балерины и её отноше-

нию к современной хореографии: «Не вострегается Анна Павлова всякими новыми танцевальными движениями и, особенно, стилем Лабан-Вигман, который теперь так популярен в Германии. «Из ничего – ничего не будет!». «Тело не может стать за ночь выразительным, и танцевальная культура не в состоянии возникнуть без традиций. Я могу понять Айседору Дункан, которая пыталась возродить античные танцы. Это была женщина талантливая, и дунканизм был интересен только до тех пор, пока танцевала сама Дункан. Её школа не дала никаких достижений, ни одного выдающегося танцовщика» [1, с. 25]. Поскольку А. М. Павлова не оставила мемуаров, статья представляет интерес и повествует о позиции известной балерины к появившемуся в начале XX века новому виду хореографического искусства.

Отрицанию модернистического танца посвящена статья «М. М. Фокин о «новом» в искусстве танца», размещенная в номере № 38 (апрель, 1931 г.). В статье приведен отзыв М. М. Фокина на посещение лекции-спектакля М. Грэм: «Всё, что я видел, было уродливо по форме и злобно по содержанию. Ноги ставились как попало, пальцами внутрь» [32, с. 3]. Между ними произошел спор на тему перспектив развития модерн-танца и балета. Грэм утверждала, что балет ужасен и изжил себя. Фокин же парировал: «Балет – это вид искусства. Модернизм – его временное состояние, период эволюции искусства» [32, с. 4]. Статья заканчивается следующим выводом: «Сказать, что Павлова, главным образом, хорошо кланялась, сказать Фокину, хотя бы и не узнав его, что он ничего не знает о движениях тела, сказать, что греческий балет ставится на пяти позициях, значит проявить развязность и невежественность. К сожалению, эти свойства характерны не для одной только танцовщицы (тогда бы и говорить об этом не стоило), а для целого направления в искусстве. Направление это называется модернизмом, новым искусством танца. Оно, конечно, может быть модным (на все мода бывает), но

нового в нем ничего нет. Невежественность, дилетантизм не новы. Они были всегда. В наше время они лишь пышнее расцветают» [32, с. 5]. Позднее данная статья войдет в состав биографии М. М. Фокина «Против течения» [33].

б) *Статьи, посвященные антрепризе С. П. Дягилева и труппам-преемницам, появившимся после смерти импресарио.*

В номере 2 за декабрь 1928 года приведен рекламный анонс спектаклей труппы С. П. Дягилева: «Как всегда, Дягилев покажет в Париже последнюю новинку – балет «Боги-нищие» – и возобновляет «Петрушку» Игоря Стравинского, с Тамарой Карсавиной. Дягилевские «новинки» являются особо притягательными и возбуждают бурю в балетном мире новизной и порождают большие споры в театральной критике, а иногда «манifestации» в публике, возбуждающие повышенный интерес к Дягилевским спектаклям» [4, с. 17].

Приводятся афиши Русского балета С. П. Дягилева. Так, к примеру, в № 10 за июнь 1929 года размещена афиша русского балета С. Дягилева о спектаклях в театре С. Бернар.

В августе 1929 года не стало С. П. Дягилева, и его антреприза перестала существовать. Номер 15 за сентябрь 1929 года посвящен С. П. Дягилеву. Приведен большой некролог, подписанный инициалами С. Н. (псевдоним С. Н. Худекова), перечисляющий вклад С. П. Дягилева в развитие русского балета и его популяризацию за рубежом. Также в этом номере приведена статья о панихиде по С. П. Дягилеву в Александро-Невской церкви и присутствующих на ней лицах. И информация о том, что «дело С. П. Дягилева продолжается»: «Решено дело продолжить далее, причем во главе его будут стоять С. Л. Григорьев – главный режиссер, В. Ф. Нувель – главный администратор, С. М. Лифарь и Б. Е. Кохно – художественные руководители» [11, с. 18].

В номере № 35 за январь 1931 года читаем о «Покупке Дягилевских декораций» американским импресарио Гестом за 200 тысяч

франков: «Во главе дела, в качестве художественного руководителя, стоять будет балетмейстер Мясин. Как нам передают, остальные «столпы» дягилевского балета отказались вступить в предприятие Геста-Мясина» [18, с. 4].

В 1932 году была создана труппа «Русский балет Монте-Карло» на базе балетных трупп Оперы Монте-Карло и Русской оперы в Париже. Возглавляли труппу Рене Блюм и полковник де Базиль (Василий Воскресенский). В номере 46 за февраль 1932 года размещено интервью с Рене Блюмом «Русский балет Монте-Карло», из которого следует, что труппа позиционирует себя как преемница дела С. П. Дягилева и А. М. Павловой по популяризации русского балета, а также – о репертуарной политике и привлечении в труппу новых артистов.

В номере № 50 за июнь 1932 года размещена статья Валериана Светлова «Успех русского балета в Париже», рассказывающая о творческой деятельности труппы и о молодых исполнителях труппы Т. Тумановой, Т. Рябушинской, И. Баронове, Войцеховском, Лишине и др. О причинах успеха труппы: «Если разбираться отдельно в хореографии возрожденного Русского балета», то прежде всего надо воздать должное талантливому балетмейстеру Г. Баланчину, постановки которого в сотрудничестве с вдумчивым «искателем балетной красоты» Борисом Кохно имели необычайный и заслуженный успех не только в спектаклях Русского Балета в Париже, но и в блестящих гастролях его в Голландии и Бельгии и особенно постановки: «Мещанине», «Котильон» и «Конкуренция» [29, с. 22].

Журнал регулярно освещает события, связанные с данной труппой. В № 57 (декабрь, 1933 г.) статья о «балетмейстере П. Н. Петрове», который приглашен Базилем. В № 57 (декабрь, 1933 г.) статья «К отъезду Русского балета в Америку»: «В апогее своей всемирной славы «Русский балет» С. Дягилева не возбуждал такого жгучего интереса и такого восторженного удивления, как ныне

гастролирующий в Лондоне балет В. де Базиль» [15, с. 13]. Приведено фото де Базиля. В составе труппы де Базиля балерины в возрасте от 15-ти до 17 лет. Продолжительность спектаклей 40 минут. Хореограф М. Мясин «создал новую главу в истории балета» [15, с. 13]. Далее, «г-н Хаскель находит, что В. де Базиль не только спас от забвения «Русский Балет», но и направил его по новой схеме слияния воедино всех его элементов, как музыки, декоративного искусства и либретного содержания, он его сделал жизнеспособным на много поколений вперед...» [15, с. 13]. В номере № 60 (май, 1934 г.) статья «Русские балеты в Америке и в Монте-Карло» о гастролях труппы Базиля по Америке и успешных выступлениях труппы со спектаклями хореографов М. Мясина и Б. Нижинской. «Балетный сезон в Монте-Карло начался 5 апреля и был чрезвычайно содержателен и интересен. В него вошли балеты: Л. Мясина «Школа танцев»; М. Фокина – «Петрушка», «Сильфиды», «Карнавал», «Половецкие пляски»; М. Петипа «Лебединое озеро»; серия балетов Б. Нижинской – «Вариации» на музыку И. С. Баха, «Болеро» на музыку Равеля, «Бишь» на музыку Пулэнка и «Ревнивые комедианты» на музыку Казелла-Скарлатти» [28, с. 16-17].

7) *Статьи, посвященные творчеству известных хореографов, танцовщиц и танцовщиков в эмиграции.*

Данные статьи часто содержат информацию о забытых в наши дни именах танцовщиков и танцовщиц, но известных в свое время в Париже. Например, статья об Э. Крюгер (№ 12, июль, 1929 г.), статья № 28 о Зинаиде Узаровой, исполнительнице характерных партий и о создании ею труппы: «Хореографическая постановка спектаклей подготовлена заслуженной балетмейстершей Е. В. Красовской, в декорациях молодого художника А. Иванова, причем, впервые для Парижа, будут поставлены балетные сцены: «Русалка» на муз. Римского-Корсакова, «Аул» – муз. Ипполитова-Иванова, балете «Авиатриса», с музыкой московского

композитора Л. Сабанева, и разнообразный дивертисмент» [5, с. 24]; статья о балерине Д. В. Вадимовой (Доре Вадимовой): «В танцах этой изумительной артистки сквозит классическая душа подлинного искусства» [3, с. 5] и пр.

В номере 14 за август 1929 года размещена статья «Трагедия Нижинского» о творческом пути и болезни выдающегося танцовщика.

Ряд статей посвящен А. Павловой и В. Немчиновой.

На обложке номера 22 за январь 1930 года фото балерины, балетного педагога, солистки антрепризы С. П. Дягилева – Веры Николаевны Немчиновой (1899–1984). Статья, посвященная ей, так и называется «Вера Немчинова» и приводится как на французском, так и на русском языке. В статье рассказывается о её работе в антрепризе С. П. Дягилева [10, с. 5], перечисляются спектакли, в которых она выступала, описывается успех, который сопутствовал труппе «Русский балет Немчиновой», созданной ею совместно с А. Обуховым (1929–1930 годы): «Немчинова – расцвет классики в балете Дягилева. Она остается верна своему жанру и природным данным: стальным носкам, линии классической чистоты и красоты» [10, с. 5]. Автор статьи не указан.

В номере 23 за февраль 1930 года размещена статья «Вера Немчинова», которая повествует о премьере спектаклей её труппы «Лебединое озеро» П. И. Чайковского, «Обад» Пуленка, «Ислемей» М. Балакирева. Эту статью можно назвать критической рецензией на спектакли. Подписана статья Балетоманом: «Перед нами готовая балерина, может быть, несколько холодная, но технически совершенная. В исполнении танцев у Немчиновой мало женственности и в некоторых поворотах корпуса, весьма, впрочем, редко, проглядывается резкость» [6, с. 18].

В номере 27 за май 1930 года интерес представляет статья «Балеты Веры Немчиновой и Анны Павловой»: «После временно, надо надеяться, исчезновения дягилевс-

кого балета, Вера Немчинова сумела заполнить этот пробел и привлечь в свою труппу молодые, талантливые силы» [8, с. 46].

При жизни А. Павловой печаталась информация о гастролях её труппы по миру (например, сентябрь, 1929 год, № 15; № 27, май, 1930 г.).

После её трагической смерти в Гааге в 1931 году в номере 38 за апрель 1931 г. читаем о продолжении деятельности труппы Анны Павловой после её смерти (благодаря трудам её супруга В. Дандре) и о предстоящих гастролях труппы по Голландии и Англии.

На обложке номера 46 за февраль 1932 года фотография Татьяны Рябушинской, но первая статья журнала посвящена «Анне Павловой (к годовщине её смерти. 1931 г. – 23 января 1932 г.)», автор статьи Петр Пильский. Он пишет, что в течение года, прошедшего с момента её смерти, никто из артистов не решился исполнить партию «Умирающего лебедя». Рассказывает о Павловой и как о человеке, и как о выдающейся балерине: о её благотворительной деятельности, любви к цветам и к птицам, о её творческой деятельности: «Анна Павлова – неповторимый образец артистического творчества, углублённого психологизма, мудро чуткой угадки» [17, с. 3]. Сравнивает Павлову с Тальони, не в пользу последней. О значении творчества Павловой для мирового балета: «...никому своим победным шествием классический балет не обязан в такой мере, как Павловой» [17, с. 3]; «она была молчаливым агитатором классического танца, его немым и в то же время красноречивым проповедником» [17, с. 3].

В номере 46 за февраль 1932 года интерес представляет статья «Десятилетний юбилей финляндского балета» о русском балетмейстере, «насадителе классического балета» [12, с. 23] Георгии Ге, поставившем в Финляндии такие спектакли, как «Лебединое озеро», «Шахерезада», «коварство любви», «Тщетная предосторожность», «Щелкунчик», «Петрушка» и др. Также приведена информация

о русских танцовщиках, работавших в Финляндии: отмечаются успехи Л. Нифонтовой, Друговой, С. Сакселина.

Также на страницах издания можно встретить информацию об А. Никитиной (№ 50, июнь, 1932 г.), Б. Ф. Нижинской (№ 57, декабрь, 1933 г.).

Таким образом, журнал «Театр и жизнь», выходявший в Париже с 1928 по 1936 год, представляет научную ценность как источник дополнительной информации по театральной жизни русского Зарубежья. Впервые проведен анализ статей журнала, связанных с творческой деятельностью представителей русского балета в эмиграции. При анализе статей, посвященных русскому балету, выявлено несколько основных информационных направлений: 1) ста-

тьи, связанные с творческой деятельностью «Парижской частной оперы»); 2) статьи, посвященные деятельности балетных студий, школ, открытых известными русскими танцовщицами и танцовщиками; 3) статьи, посвященные событиям, связанным с балетным театром Советской России; 4) театральные хроники: краткие заметки о событиях, связанных с русскими танцовщиками и танцовщицами; 5) рассуждения выдающихся русских балетных деятелей о современной хореографии (танце модерн); 6) статьи, посвященные антрепризе С. П. Дягилева и труппам-преемницам, появившимся после смерти импресарио; 7) статьи, посвященные творчеству известных хореографов, танцовщиц и танцовщиков в эмиграции.

Список литературы

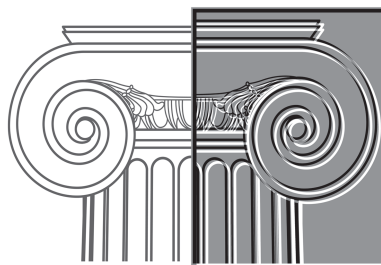
1. Анна Павлова о себе // *Театр и жизнь*. 1929. № 15. С. 25.
2. *Балашова А. М.* // *Театр и жизнь*. 1930. № 28. С. 17.
3. Балерина Д. В. Вадимова // *Театр и жизнь*. 1934. № 60. С. 5.
4. Балет Дягилева в Париже // *Театр и жизнь*. 1929. № 2. С. 17.
5. Балетные спектакли Зинаиды Узаровой // *Театр и жизнь*. 1930. № 28. С. 24.
6. *Балетоман*. Вера Немчинова // *Театр и жизнь*. 1930. № 23. С. 18–19.
7. *Балетоман*. Матильда Кшесинская // *Театр и жизнь*. 1929. № 8. С. 1–2.
8. Балеты Веры Немчиновой и Анны Павловой // *Театр и жизнь*. 1930. № 27. С. 46.
9. *Бек М.* Бронислава Нижинская. Опыт характеристики. // *Театр и жизнь*. 1931. №35. С. 1–2.
10. Вера Немчинова // *Театр и жизнь*. 1930. № 22. С. 4–5.
11. Дело С. П. Дягилева продолжается // *Театр и жизнь*. 1929. №15. С. 8.
12. Десятилетний юбилей финляндского балета // *Театр и жизнь*. 1932. №46. С. 23.
13. *Зритель*. В мастерских // *Театр и жизнь*. 1929. №. 2. С. 8.
14. Как живут артисты в СССР // *Театр и жизнь*. 1930. №. 24. С. 23.
15. К отъезду Русского балета в Америку // *Театр и жизнь*. 1933. № 57. С. 13–15.
16. *Кремлев Н.* Академия хореографического искусства им. А. Волинина // *Театр и жизнь*. 1929. № 19. С. 8–9.
17. *Пильский П.* Анна Павлова. К годовщине её смерти. 1931 г. – 23 января 1932 г. // *Театр и жизнь*. 1932. № 46. С. 1–4.
18. Покупка Дягилевских декораций // *Театр и жизнь*. 1931. № 35. С. 4.
19. *Поплавский Ю.* Открытие частной оперы // *Театр и жизнь*. 1930. №. 4. С. 4.

20. *Поплавский Ю.* Русский оперный сезон в Париже // *Театр и жизнь*. 1930. №. 27. С. 30–34.
21. *Прима-балерина Л. Е. Егорова* // *Театр и жизнь*. 1930. №. 24. С. 18.
22. *Р.* На репетиции балета Русской Оперы // *Театр и жизнь*. 1931. № 38. С. 20.
23. *Рогов С.* Арест артиста С. Н. Надеждина // *Театр и жизнь*. 1930. № 24. С. 16.
24. *Рогов С.* В Мариинской театре // *Театр и жизнь*. 1930. №. 15. С. 15.
25. *Рогов С.* Печальная Одиссея И. Ф. Кшесинского // *Театр и жизнь*. 1929. №. 10. С. 22
26. *Рогов С.* Последнее выступление // *Театр и жизнь*. 1929. № 8. С. 3–4.
27. *Рогов С.* Убийство балерины Лидии Ивановой // *Театр и жизнь*. 1929. № 2. С. 15–17.
28. Русские балеты в Америке и в Монте-Карло // *Театр и жизнь*. 1934. № 60. С. 17–19.
29. *Светлов В.* Успех русского балета в Париже // *Театр и жизнь*. 1932. № 50. С. 21–22.
30. *Сомова С. В.* «Жар-птица» как образец русского модернистского журнала в Берлине 20-х гг. XX века // *Вестник СамГУ*. 2010. № 1 (75). С. 169–178.
31. *Филиппов А.* Русские дети в эмиграции // *Театр и жизнь*. 1929. №.10. С. 16.
32. *Фокин М. М.* О «новом» в искусстве танца // *Театр и жизнь*. 1931. №.38. С. 2–5.
33. *Фокин М. М.* Против течения. Ленинград : Искусство, 1981. 510 с.
34. *Librarium.* Сайт-архив зарубежной прессы. [Электронный ресурс] URL: <http://librarium.fr/ru/magazines/theatreandlife>

*

Поступила в редакцию 25.01.2023

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ
ПРАКТИКИ

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ТРАНСЛЯТОРЫ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА В ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

УДК 379.8 : 004.946

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-1111-89-97>

В. В. Чижиков

Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация
e-mail: vad1968@mail.ru

Аннотация: В статье автор анализирует процессы информатизации, происходящие во всех сферах жизни и деятельности общества, определяет понятия информационных систем «Виртуальная реальность», «Интерактивное искусство», «Медиа искусство», Интернет, с помощью которых человек получает возможность работать, общаться, знакомится с мировыми ценностями культуры и искусства. Анонсируются проблемные вопросы, связанные с цифровой безопасностью пользователей, возможное влияние информационной системы виртуальной реальности на сознание человека, психофизические последствия подобного «катания на волнах души» (Р. Шредер), затрагивается важнейший вопрос о роли человека (личности), какой тип человека будет сформирован новым информационным обществом, каким будет его индивидуальное сознание, характер, включенность в социальную жизнь общества. В статье отмечается, что дальнейшее развитие информационных технологий, безусловно, имеет положительное значение, вместе с тем, важными представляются научные исследования медико-биологического и культурологического направлений, исследующих влияние этих новых технологий на человека.

Ключевые слова: компьютерная «революция», интерактивное искусство, феномен виртуальной реальности, иммерсивность, информационное поле, медиа искусство, сетевой этикет, измененное сознание, метавселенная.

Для цитирования: Чижиков В. В. Информационные технологии как трансляторы культуры и искусства в виртуальной реальности // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2023. №1 (111). С. 89–97. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-1111-89-97>

INFORMATION TECHNOLOGIES AS TRANSLATORS OF CULTURE AND ART IN VIRTUAL REALITY

Vadim V. Chizhikov

Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow Region, Russian Federation
e-mail: wds80@mail.ru

ЧИЖИКОВ ВАДИМ ВИКТОРОВИЧ – доктор философских наук, профессор кафедры социально-культурной деятельности, Московский государственный институт культуры

CHIZGIKOV VADIM VIKTOROVICH – DSc in Philosophy, Professor at the Department of Social and Cultural Activities, Moscow State Institute of Culture

© Chizhikov V. V., 2023

Abstract: In the article, the author analyzes the informatization processes taking place in all spheres of life and activity of society, defines the concepts of information systems “Virtual Reality”, “Interactive Art”, “Media Art”, the Internet, with the help of which a person gets the opportunity to work, communicate, gets acquainted with the world values of culture and art. Problematic issues related to the digital security of users are announced, the possible impact of the virtual reality information system on human consciousness, the psychophysical consequences of such a “riding on the waves of the soul” (R. Schroeder), the most important question of the role of a person (personality), what type of person will be formed a new information society, what will be its individual consciousness, character, involvement in the social life of society. The article notes that the further development of information technologies, of course, has a positive value, at the same time, scientific research in the biomedical and cultural areas that study the impact of these new technologies on humans is important.

Keywords: computer “revolution”, interactive art, virtual reality phenomenon, immersiveness, information field, media art, network etiquette, altered consciousness, metauniverse.

For citation: Chizhikov V. V. Information technologies as translators of culture and art in virtual reality. *Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2023, no. 1 (111), Pp. 89–97. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-1111-89-97>

Развитие научно-технических процессов в конце XX – начале XXI века изменяется от постепенных плавных темпов к так называемому «скачку», быстрому переходу от одного качественного состояния к другому. Иными словами, научно-технические процессы, прежде осуществлявшиеся сравнительно медленно, в настоящее время заметно ускоряются. Подобное ускоренное развитие происходит во всех областях науки, которая становится постоянным источником новых идей, указывающих пути развития материального производства и новых информационных технологий.

Сущность информатизации состоит в экспоненциальном нарастании объема, экономической, политической, технической, научной, бытовой, правовой и духовно-культурной информации, необходимой для решения быстро усложняющихся социально-экономических, научно-технических, культурных проблем. В этих условиях накопление, сохранение, преобразование и использование информации может осуществляться лишь на основе современных информационных технологий. Они включают в себя внедрение компьютеров, создание программной продукции, обеспечивающей компьютеризацию производства, управле-

ния и т. д., а также – создание интегрированных систем связи, общедоступных баз данных и знаний. Этот новый этап в развитии современного общества получил название компьютерной (микропроцессорной или информационной) «революции» [10, с. 560].

Таким образом, информационные технологии прочно вошли во все сферы жизни и деятельности современного информационного общества.

«В современном обществе, – пишет О. Б. Сладкова, – трудно обнаружить направления культурного развития, которые бы не охватил процесс информатизации. Общеизвестно, что информатизация влияет на общество в двух аспектах: технико-технологическом и социокультурном. Без развития технико-технологической составляющей информатизация развиваться не может, но недооценка социокультурного фактора неизбежно приводит к кризису в гуманитарной, духовной и, как следствие, в экономической сфере [5, с. 65–68].

В настоящее время процесс информатизации сферы культуры переживает переход от теоретического изучения и освоения к фундаментальным научным исследованиям. В научной литературе все чаще используются новые понятия и термины, такие

как электронная культура, искусственный интеллект, оцифровка информации, интерактивное искусство, киберкультура, виртуальная реальность, которые рассматриваются, как правило, в русле наук гуманитарного цикла – философии, культурологии, социологии. Они же используются в технических, медико-биологических, психологических научных направлениях.

Информационное обеспечение сферы культуры разнообразно и многопланово, в него входит информация – образовательная, потребительская, справочная, финансовая, многопрофильная система индустрии досуга и развлечений. Человек «включается» в такие коммуникации с компьютером, создающим иллюзию полной реальности происходящего. К таким коммуникациям относятся интерактивное искусство (ИИ) и виртуальная реальность (ВР).

Феномен виртуальной реальности предоставляет пользователю возможность возвращения в прошлое, переосмысления и оценки сегодняшнего дня; да и будущее превращается в предмет изучения – как науки, так и прогностических моделей средствами информационного отражения мира [11, с. 48].

Для уточнения исследуемого понятия «виртуальная реальность» обратимся к информационно-справочной литературе, чтобы определить временные периоды упоминания этого термина, закономерную взаимосвязь с научными направлениями, а также обозначить его теоретическое и практическое использование в информационно-коммуникационных системах.

В Энциклопедическом словаре виртуальность представлена в техническом контексте как «виртуальная память – кажущаяся память ЦВМ, система заполняющих устройств, организованных таким образом, что можно рассматривать их как одну оперативную память, что упрощает процедуру составления программ для мультипрограммных ЦВМ».

В этом же источнике даны определения реальности: «РЕАЛЬНОСТЬ (от позднелат.

realis – действительный) – существующее в действительности. Диалектический материализм, как философское направление, различает объективную реальность, то есть материю и субъективную реальность, то есть явления сознания» [6, с. 227].

В Философском словаре реальность «представляется как бытие вещей в его сопоставлении с небытием, а также с другими (возможными, вероятными) формами бытия». Известно также, что в истории философии «реальность отличали от действительности, то есть, реальность большей частью практиковалась как бытие чего-либо существенного в данной вещи, как бытие ее самой, а действительность понималась как наличие всего существенного и несущественного в данной вещи» [10, с. 560].

Как свидетельствуют разные справочные источники, философское понятие «виртуальный» появилось в Византийской философии IV века и определялось как некая реальность, могущая породить другую реальность, законы существования которой не будут сводиться к законам порождающей реальности; то есть, виртуальность понималась в значении сущности, причины.

С появлением вычислительной техники термин «виртуальный» приобрел новое смысловое значение: «не существующий в действительности», но появляющийся благодаря программному обеспечению.

С развитием информационных технологий термин «виртуальность» получил новое значение, связанное с виртуальной реальностью. Виртуальность в этом случае понимается как некое состояние, при котором субъект теряет различие между реальным и сконструированным (виртуальным) миром. В этом смысле «виртуальность» представляется характеристикой сознания и восприятия субъекта. Такое понимание виртуальности применяется в психологии, эстетике и культуре [13, с. 519–528].

Проанализировав трактовки понятий «виртуальность» и «реальность», их смысловое значение, существование в раз-

личных исторических периодах времени, можно сделать следующий вывод: понятие «виртуальная реальность» в равной степени принадлежит как к гуманитарным научным направлениям (философия, психология, культурология), так и к техническим и информационным.

В конце 80-х годов XX века американский исследователь Жарон Ланье предложил понятие «виртуальная реальность» для обозначения электронных устройств, вводящих пользователя в мир информации.

Исходя из вышеизложенного следует, что виртуальная реальность является собой созданный техническими средствами мир, который человек воспринимает через свои ощущения (зрение, слух, осязание). Для создания убедительности ощущений реальности компьютерный синтез свойств и реакций виртуальной реальности может производиться в реальном времени.

Виртуальная реальность обладает определенными свойствами, которые достаточно точно и конкретно сформулировал В. Я. Суртаев:

1. Погружение (иммерсивность). Человек погружается в виртуальную реальность, получает те или иные воздействия на свои органы чувств из виртуальной реальности, воспринимает события виртуальной реальности изнутри.

2. Автономность/логичность. В виртуальном мире есть своя логика, законы, свое пространство и время, имманентные данной виртуальной реальности, и то, что происходит с человеком в виртуальной реальности, соответствует этой реальности, хотя это может быть логика, совершенно отличная от той, с которой мы сталкиваемся в обычном мире.

3. Интерактивность (обратная связь). Под интерактивностью мы подразумеваем возможность человека, попавшего в виртуальный мир, взаимодействовать с объектами этого мира, то есть быть не только пассивным наблюдателем, но и активным участником событий.

4. Порожденность виртуальной реальности. Человек может погружаться в ту или иную виртуальную реальность естественным путем, например, засыпая, или погружаясь в виртуальную реальность в моменты внезапного просветления, озарения. С другой стороны, возможно искусственное вхождение в виртуальную реальность, например, в случае компьютерных виртуальных реальностей, применения медитативных техник для достижения просветленных состояний [8, с. 224].

Таким образом, виртуальная реальность предоставляет человеку большие возможности в образовательной и социально-культурной сферах; технологии виртуальной реальности уже помогают человеку в воспитании художественного, эстетического понимания и восприятия искусства. Появилась возможность знакомиться и изучать произведения мирового искусства крупнейших музеев мира, а также – ранее малодоступных для зрителя произведений частных коллекций, художественных галерей и музеев небольших городов. Довольно известный пример реальности идеи об электронной (виртуальной) доступности искусства представляет «коллекция доктора Барнса», который был владельцем самой большой коллекции картин О. Ренуара. Коллекционер никому не разрешал не только репродуцировать, но и смотреть на свое сокровище, называемое им «мой гарем». После его смерти сын продал право на репродуцирование коллекции. За три месяца было реализовано пятьдесят тысяч экземпляров диска с записью коллекции Барнса.

Еще один пример использования технологии виртуальной реальности для изучения и сохранения открытых археологами древних наскальных рисунков, которых, как оказалось, достаточно много на территории нашей страны, в том числе на Дальнем Востоке (Хабаровский край) и на Северо-Востоке (Чукотский Автономный округ). Известно, что уже началась оцифровка этих уникальных артефактов.

В эту коллекцию, безусловно, войдут художественные изделия народных промыслов: рисунки и вышивки на коже животных, а также работы художников косторезных мастерских (скульптура малых форм, ювелирные изделия, роспись по кости, для создания которых используются клыки морских животных). Открывается еще одна возможность виртуально познакомиться с малоизвестными видами народного творчества.

При этом необходимо отметить, что непосредственное, «живое» знакомство с произведениями искусства (музеи, галереи, выставочные залы) в эпоху интерактивного искусства переходят в сферу единоличного потребителя.

Восприятие электронного искусства, по определению, обречено на «вторичность», и это «вторичное» знакомство с произведением представляется менее действенным эмоционально [1, с. 23–45].

Трансляция произведений искусства в виртуальной реальности происходит в двух форматах. Во-первых, реально существующие авторские произведения – живопись, графика, рисунки, фотографии – выставляются на сайтах музеев, частных коллекций, галерей. Во-вторых, существуют произведения, созданные только в электронном виде.

Информационные технологии проникли в творческий процесс современного художника. Появилось новое электронное искусство, в процессе создания которого участвует не только автор, но и зритель (пользователь). Именно он получил возможность стать соавтором художника, развивая сюжет, изменяя смысловое содержание произведения по-своему видению.

Одной из главных особенностей электронного (сетевого) искусства является направленность на коммуникацию: целью художника становится не авторитарное выражение, не навязывание собственного мнения, видения, личной позиции, а коммуникация – общение со зрителем, вовлечение его в творческий процесс [2, с. 244].

К произведениям, которые существуют только в «технической» виртуальной реальности относится «медиаискусство» (Media Art), которое объединяет практически все виды искусства. По мнению С. Тетерина, «медиахудожники выполняют важную социальную функцию, “очеловечивая и одушевляя” через свое творчество технические новшества, адаптируя их в культуру через искусство» [9].

Искусство мультимедиа использует возможности, которые соотносятся с современной техникой и реализуются как единое информационное пространство, являющееся сферой коммуникации в полноценном интерактивном режиме. Это информационное пространство «живет» по своим нормам и правилам, в виртуальной реальности происходят творческие встречи, искусствоведческие обсуждения художественных произведений, выставки-продажи, аукционы и т. п.

Таким образом, виртуальная реальность сетей содержит значительный потенциал приобщения человека к ценностям культуры и образования. Так, социально-культурную сферу виртуальной реальности можно представить следующими направлениями:

1. индустрия досуга и развлечений – организация культурного мероприятия, фестивали, музыкальные вечера, авторские встречи, музеи, выставки, интерактивные кино и литература, шоу-программы;
2. спорт – спортивные праздники, соревнования, индивидуальные спортивные занятия;
3. игры – массовые игры, лотереи, конкурсы, интеллектуальные игры, викторины, индивидуальные игры (компьютерные, игровые автоматы);
4. развлекательные новости, новости культуры;
5. медиа искусство (Media Art).

Источниками информации виртуальной реальности, как правило, являются издательства, редакции газет и журналов, телекомпании и телестудии, киностудии,

творческие музыкальные коллективы, рекламные фирмы, компьютерные издательские и киностудии. Их взаимосвязь настолько велика, что трудно разделить и определить источники информации по материальным носителям.

Использование системы виртуальной реальности представляется не только научно-техническим процессом, но и, возможно, проблемой, связанной с человеком, его мировоззрением, видением настоящего и будущего, или, по Веберу, между «инструментальной рациональностью и рациональностью ценностей».

Некоторые исследователи считают, что потребность в умножении реальностей для человека является естественным желанием, иногда «смыслом» существования. Человек издавна создавал иные миры и реалии – в мечтах, сновидениях, играх, технических конструкциях, научно-фантастических произведениях, используя для этого интеллектуальное конструирование мира, медитацию, фантазии, то есть свои творческие способности, но теперь эти функции под силу специальным электронным системам [8, с. 162].

В научных исследованиях ученых культурологов, социологов, психологов должное внимание уделяется взаимоотношениям между человеком и созданными им информационными технологиями и соответствующими техническими устройствами. Интересной представляется статья Р. Шредера, исследователя феномена киберкультуры, созданной системами виртуальной реальности. Автор утверждает, что границы между человеком и машиной безвозвратно размываются. При этом он отмечает, что сама киберкультура и ее идеи далеко опережают состояние развития современных технологий, тем не менее ее концепция соотношения политики, технологии и искусства, безусловно, отражает изменения внутри индустрии культуры, созданных средствами информационных и коммуникационных технологий [13, с. 519–528].

Интернет, информационные системы, информатизация общества в целом, безусловно, имеют и положительные, и отрицательные стороны. Вызывает озабоченность непреходящая «отвага современного человека», смело позволяющего созданной им машине вторгаться в свое сознание, изменять его состояние при помощи системы виртуальной реальности. Психические, психофизические, генетические последствия подобного «катания на волнах души» (Р. Шредер) для человечества трудно предвидимы и предсказуемы сегодня. Очевидна необходимость медико-биологического и культурологического исследования этих последствий.

Сегодня информационные технологии развиваются и совершенствуются быстрыми темпами, поэтому возникает актуальная проблема информационной безопасности. Человек (пользователь) должен разбираться и знать об основных информационных процессах (сбор, обработка, анализ информации), чтобы при необходимости использовать некоторые приемы и механизмы манипуляции техническими средствами.

Безусловно, в качестве персональной защиты человек способен контролировать свое информационное поведение, своевременно ограничивать время своего присутствия в информационном пространстве, выбирать необходимую для себя информацию, научиться отсеивать ненужную, негативную информацию.

Необходимо отметить, что информационное сообщество Интернет, информационно-коммуникационные технологии строятся на определенном уровне доверия и имеют свои правила поведения. Такие социальные правила, называемые «сетевой этикет», были разработаны пользователями с момента появления Интернет. Эти правила основываются на том факте, что Интернет – это место интернациональных встреч, и большинство людей не знакомы с национальными обычаями других стран. В связи с постоянным развитием, изменением информационных тех-

нологий эти правила могут видоизменяться, но основные их положения сохраняются. Вот некоторые правила « сетевого этикета », о которых желательно помнить:

1. Множество людей подписываются на группы почтовой рассылки или читают новости, при этом никогда и ничего не отправляя туда. Если вы решитесь отправить сообщение, помните, что ваше сообщение сможет прочесть множество людей. В этом случае следует ответственно подходить к подготовке информации или сообщения.

2. Вы должны отвечать за то, что говорите. Не прячьтесь за анонимностью Интернет, поскольку такие действия могут вызвать определенное социальное напряжение в целом.

3. Если кто-нибудь скажет вам что-то такое, что обидит вас, подумайте, прежде чем отвечать тем же. Будьте снисходительны.

4. Не заявляйте ничего такого, что вы не хотели бы, чтобы увидели ваши родители, дети, близкие вам люди. Прежде чем отреагировать на кого-то или что-то, спросите себя, действительно ли взрыв злобы – это самый лучший способ ответа [11, с. 40].

Таким образом, правила « сетевого этикета » можно представить в качестве определенных правил информационной безопасности.

Информационное пространство, функционирующее в современной культуре, сегодня обеспечивается куда более мощными средствами массовой коммуникации. Традиционная печать, телевидение, радиовещание, кино дополнились и стали чрезвычайно широкими по охвату населения и более действенными компьютерными системами. Включенность человека в обширные культурно-коммуникационные процессы резко возросла, именно они лежат в основе наиболее эффективных и актуальных направлений общественного развития. В связи с этим следует обратить внимание на психологические, интеллектуальные, социальные факторы, являющиеся определяющими для всего процесса массового общения.

Человек способен воспринимать большое количество информации, но адекватность интерпретации полученного сообщения зависит от восприятия адресата, его интеллектуальных, психологических возможностей. Известный американский психолог Р. Солсо отмечает, что, несмотря на « астрономическое количество информации, постоянно возбуждающей нашу нервную систему и ограниченные возможности когнитивных систем « высшего уровня » по обработке информации, только небольшая часть сенсорных признаков может быть отображена для дальнейшей обработки. Сами ограничения нервной системы человека препятствуют тому, чтобы из нашего кратковременного сенсорного хранилища записывалось все, включая самую малую часть, каждый бит информации » [7, с. 73]. Процесс обработки полученных информационных сообщений во многом обусловлен двумя интеллектуальными факторами – уровнем интеллекта адресата и имеющимися у него знаниями. Дополнительно к психологическим и интеллектуальным факторам следует отнести и социальные факторы. Человек, находясь в состоянии эмоционального аффекта или интеллектуальной подавленности, вызванных какими-то социальными обстоятельствами, не может адекватно воспринимать информацию и, тем более, понимать ее [2, с. 263].

Дальнейшее развитие информационных технологий, цифровизация общества ставят перед человечеством много вопросов относительно решения глобальных проблем, в том числе – о роли человека, личности, то есть какой тип человека будет сформирован этим новым обществом, каким будет его индивидуальное сознание, характер, включенность в социальную жизнь общества.

Нынешнее поколение пока что находится в переходной стадии по отношению к информационно-технологическим процессам: от восхищения созданными машинами, работающими « быстрее, чем мысль » (Дж. Равети), до манипулирования структурами и

образами и к созданию моделей ощущений. Осмысление происходящего предполагает понять всю непредсказуемость того, как новые технологии воздействуют на сознание человека, его глубинные уровни, каков характер взаимодействия между технологической, социальной и культурной сферами современного общества.

Сегодня важны научные исследования для решения проблем, стоящих перед цивилизацией: необходимо найти время для размышлений, плодотворных дискуссий или перемены направления развития общества, в котором первостепенное внимание будет уделяться человеку, условиям его жизнедеятельности и интеллектуальному развитию [4, с. 699–712].

Однако цифровизация общества продолжается. Без постоянного освоения и умелого использования новых направлений в технологиях информации и коммуникации немислим дальнейший научный и технический прогресс.

Так, разработана новая система виртуальной реальности – «метавселенная» (греч. meta – после, за, через). Теория, исследующая системы и понятия, существующие на более высоком логическом уровне, целью которой является объединение всего сектора виртуальной реальности и создание единого информационно-технологического пространства. Японские ученые заявили о создании робота для выполнения технических работ на поверхности Луны (возможно, и других планет), управление которым будет осуществляться с помощью специальной гарнитуры виртуальной реальности. Индустрия интерактивных компьютерных игр пополнилась новой разработкой национальных командных видов игр Российского спортивного контента. Таких примеров можно привести много.

К сожалению, негативной тенденцией в последнее время является использование информационных технологий виртуальной реальности в политической, экономической, финансовой сферах и особенно – в

сфере международных отношений в связи с противоречиями современного глобализационного процесса и распространением придуманных, ложно сформулированных или специально сфабрикованных событий, явлений, ситуаций, которые все чаще появляются в мировом информационном пространстве.

Тем не менее, впереди новые научные открытия. Каковы они будут, какое влияние они окажут на мировое сообщество и отдельного человека, покажет будущее.

В заключение вспомним, что 2022 год объявлен годом культурного наследия народов России и это еще одна возможность обратить внимание на свои исторические корни, уникальную многонациональную культуру.

Безусловно, новые информационные технологии являются трансляторами культуры и искусства и выполняют важную миссию популяризации, знакомства и изучения русской культуры в мировом информационном пространстве, но важно помнить, что это всего лишь технологические инструменты, ресурсы, поэтому представляется, что «петь панегирики» им необходимо ответственно и продуманно.

Думается, что в современном обществе человек продолжит знакомиться с оригиналами произведений изобразительного искусства, созданными талантливыми мастерами, в музеях, картинных галереях, выставочных залах, а читать сможет не спеша, вдумчиво, перелистывая страницы печатной книги, получая при этом эмоциональный заряд для души, ума и сердца.

Список литературы

1. *Геворкян Г. Х.* Интерактивное искусство, виртуальная реальность и киберкультура // Культура в современном мире: опыт, проблемы, решения. Москва: 1996. С. 23–45.
2. Культурная динамика России в XXI веке: ресурсы, преемственность, перспективы: коллективная монография. Москва: Издательский Дом МГУКИ, 2011. 320 с.
3. *Муратова Н. О.* Интернет – PR как перспективное направление социального управления // Мир культуры – культура мира. Москва : Издательский Дом МГУКИ, 2005. С. 367.
4. *Равец Дж.* Микрокибернетика как революция. Фьючерз, 1995. С. 699–712.
5. *Сладкова О. Б.* Информатизация культуры, как специфическое направление образовательной деятельности вузов культуры и искусства // Культура и образование. Научно-информационный журнал вузов культуры и искусств 2014. № 1. С. 65–68.
6. Советский энциклопедический словарь. Москва : Советская энциклопедия. 1979. С. 227.
7. *Солсо Роберт Л.* Когнитивная психология. Москва : Тривола, 1996. 598 с.
8. *Суртаев В. Я.* Молодежь и культура: монография. Санкт-Петербург, 1999. 224 с.
9. *Тетерин С.* Все медиа художники попадают в рай [Электронный ресурс]. // Иллюстрированный монолог 2001. URL: <http://www.teterin.raid.ru>
10. Философский словарь / под редакцией И. Т. Фролова. Москва : Политиздат. 1991. С. 560.
11. *Чижиков В. В.* Информационные ресурсы сферы культуры : Лекция // Москва : МГУКИ, 1999.
12. *Чижиков В. В.* Человек в мире тотального дизайна: коммуникативные символы потребления // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств 2011. № 6(44), С. 33–39.
13. *Шредер Р.* Киберкультура, киборг-постмодернизм и социология технологий виртуальной реальности: катание на волнах души в век информации // Реферативный журнал. Серия 3. Философия Futures. Guildford, 1994. Том. 26, № 5. С. 519–528.

*

Поступила в редакцию 27.01.2023

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ В МУЗЫКАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

УДК 37.013.43

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-1111-98-107>

Н. В. Серегин

Алтайский государственный институт культуры,
Барнаул, Российская Федерация
e-mail: SereginNV@yandex.ru

Аннотация: В статье представлен анализ исследования процесса формирования и реализации психолого-педагогической коммуникации в музыкальной деятельности. Он основывается на воспитании личностно-индивидуальных качеств музыканта, исследовании свойств профессионально важных качеств обучающихся в совокупности с проявлениями их индивидуальности. В процессе музыкальной деятельности, взаимодействуя с искусством, инструментарием, партнёрами, студенты вступают в психолого-педагогическую коммуникацию. Основы её формирования образуются в учебном процессе. Далее их востребует профессиональная музыкальная деятельность. В процессе создания этой коммуникации формируется комплекс психологических и педагогических построений, образующих модель музыкальной деятельности. Особая роль в исследовании отведена диагностике факторов, определяющих самостоятельность и активность студентов в коммуникации, поскольку личность делает отбор индивидуально значимых и профессионально важных качеств. Эффективно проявляясь в совместной творческой работе с коллегами и средствами музыкальной деятельности, они детерминируют общие и профессионально важные качества, необходимые для формирования желания создавать музыкальную коммуникацию, для процесса восприятия, сохранения, переработки и передачи музыкальной информации и способствуют развитию профессионально важных качеств музыканта. Критериями диагностики явились характеристики качеств, благодаря которым проявляется эффективность музыкальной деятельности – коммуникации, включающих взаимодействие с партнёрами, инструментарием, насыщение и обогащение мыслительным и чувственным познанием, образно-интонационными понятиями с непременным выходом на звучание, соответствующее образу, стилю, форме, художественной культуре, вариантам артикулирования, развития музыкального произведения, способам абстрагирования и переработки музыкального материала.

Ключевые слова: музыкальное образование и воспитание, психолого-педагогическая коммуникация в музыкальной деятельности, личностно-индивидуальные качества музыканта, профессионально важные качества.

Для цитирования: Серегин Н. В. Психолого-педагогическая коммуникация в музыкальной деятельности // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2023. №1 (111). С. 98–107. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-1111-98-107>

СЕРЕГИН НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ – доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой народных инструментов и оркестрового дирижирования, заслуженный работник культуры РФ, Алтайский государственный институт культуры

SEREGIN NIKOLAY VASILYEVICH – DSc. in Pedagogy, Professor, Head at the Department of Folk Instruments and Orchestral Conducting, Honored Worker of Culture of the Russian Federation, Altai State Institute of Culture

© Серегин Н. В., 2023

PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL COMMUNICATION IN MUSICAL ACTIVITY

Nikolay V. Seregin

Altai State Institute of Culture,
Barnaul, Russian Federation
e-mail: SereginNV@yandex.ru

Abstract: The article presents an analysis of the study of the process of formation and implementation of psychological and pedagogical communication in musical activity. It is based on the education of the personal and individual qualities of the musician, the study of the properties of professionally important qualities of students in conjunction with the manifestations of their individuality. In the process of musical activity, interacting with art, tools, partners, students form psychological and pedagogical communication. The foundations of its formation are formed in the educational process. Then they will be required by professional musical activity. In the process of building this communication, a complex of psychological and pedagogical constructions forming a model of musical activity is formed. A special role in the study is assigned to the diagnosis of factors that determine the independence and activity of students in communication, since the personality makes the selection of individually significant and professionally important qualities. Effectively manifesting themselves in joint creative work with colleagues and means of musical activity, they determine the general and professionally important qualities necessary for the formation of the desire to create musical communication, for the process of perception, preservation, processing and transmission of musical information and contribute to the development of professionally important qualities of a musician. The diagnostic criteria were the characteristics of qualities due to which the effectiveness of musical activity is manifested – communication, including interaction with partners, tools, saturation and enrichment with mental and sensory cognition, figurative-intonation concepts with an indispensable access to sound, corresponding to the image, style, form, artistic culture, articulation options, development of a musical work, methods of abstraction and processing of musical material.

Keywords: musical education and upbringing, psychological and pedagogical communication in musical activity, personal and individual qualities of a musician, professionally important qualities.

For citation: Seregin N. V. Psychological and pedagogical communication in musical activity. *Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2023, no. 1 (111), Pp. 98–107. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-1111-98-107>

Музыкальная деятельность представляет собой психолого-педагогическую коммуникацию, активизирующую важнейшие способности, общие и профессионально значимые качества человека. Они образуются постепенно, в процессе формирования музыкальности и, шире, художественной культуры, составляющей основу профессионально важного для музыканта комплекса качеств. Творческое взаимодействие с художественным, музыкальным материалом, инструментарием и носителями искусства во всех его проявлениях помогает личности постичь индивидуальные возможности

в процессе воспитания и самовоспитания свойств, соответствующих уровню мастерства. Важнейшие личностные качества, способствующие направленности индивидуальности к саморазвитию в музыкальном искусстве и функционированию в конкретной профессиональной деятельности, развиваются постепенно [10].

Большинство профессиональных качеств формируется на основе общечеловеческих. Для музыкальной коммуникации огромную роль играют те из них, которые противостоят отчуждённому отношению человека к музыке, художественному твор-

честву, окружающей действительности и воспитывают у человека качество эмпатии. Педагогический процесс способен вывести на чувство эмпатии [1] и комплекс профессионально важных качеств. В то же время специфика взаимодействий в музыкально-образовательном исполнительском процессе позволяет решить целый ряд стратегических и тактических задач взаимодействия людей, когда влечение к музыке выявляет, формирует и развивает у них сходные черты ощущений и способностей. Развитие творческих способностей, фантазии, интуиции, глубины восприятия мира, ощущений и осознаний себя и других личностями в духовном пространстве помогает сформировать важнейшие для музыкальности качества сопереживания, сочувствия, любви. Этому способствует психолого-педагогическая коммуникация, проникающая в музыкально-исполнительский и образовательно-воспитательный процесс и имеющая возможность противостояния чужеродному и эгоистичному состоянию души [8].

Знания, умения и навыки музыканта специфичны именно в контексте музыкальной деятельности [12]. Если их рассматривать в общей логике развития человека, то они формируются в процессе постижения и освоения базовых игровых и исполнительских, терминологических и сущностно-деятельностных эстетических, этических, культурологических, педагогических, психологических, искусствоведческих характеристик. В деятельности музыканта этот конгломерат форматируется специфическими средствами выразительности, формообразования и передачи художественной информации [7]. Наше исследование было направлено на выявление эффективных, рациональных моделей воспитания коммуникативных качеств музыканта и включено в контекст реального учебного процесса. Обучающиеся являлись субъектами исследовательской работы, они совместно с преподавателями анализировали важные для жизни и профессиональной деятельности

музыканта качества, а также расширяли и углубляли научный потенциал в своих исследованиях.

Важнейшие элементы профессионализма музыканта диагностируются в процессе общения при обучении и в концертном выступлении. Это основной контекст музыкальной коммуникации. Именно здесь происходит отбор конкретных качественных характеристик и овладение важными для профессиональной деятельности навыками.

Анализ диагностического этапа исследования музыкальной коммуникации для обучающихся оказался особенно интересным при конкретизации общих и специфических для профессии свойств личности. Дискуссионная форма коммуникации активизировала их аналитическую работу по прослеживанию процесса формирования и накопления задатков, склонностей и профессиональных музыкальных способностей в совокупности с проявлениями их собственной индивидуальности в конкретных качествах. Студенты различных музыкальных направлений и профилей определили параметры этих качеств, уточнили собственные специфические личностные свойства и черты характера, способствующие восхождению к профессионализму. Было отмечено, что в процессе музыкальной деятельности формирование когнитивных знаний, их отражение в умениях и навыках, характеризует положительную динамику развития профессиональных качеств, а также – контроль над активизацией и нивелированием задатков. Студенты диагностировали факты совпадения увлечённости деталями и свойствами музыкального материала в совокупности с поисковым характером, на который выводит коммуникативная деятельность с преподавателями и другими обучающимися. В большинстве случаев было констатировано, что анализ музыкального материала в процессе общения даёт возможность услышать, активизировать внутреннее слуховое восприятие и

овладеть опытом накопления многовариантного модельного ряда оптимальных технических решений [6].

Особую важность в нашем исследовании имеет диагностика факторов, определяющих самостоятельность и активность студентов. Выявленные факторы могут активизировать развитие общих и профессионально важных качеств, необходимых музыканту при формировании волевых мотиваторов и моделировании музыкальной коммуникации, включающей восприятие, сохранение, переработку, систему взаимодействий по воспроизведению и передаче музыкального материала. Выработка профессионально важных качеств увлекает сущностным познанием себя, других людей, отражёнными в музыке обстоятельствами жизнедеятельности, что требует вслушивания и мыследеятельного соучастия в создании образно-интонационного содержания музыкального произведения [6]. Эти факторы содержат личностно-индивидуальные качества, проявляющиеся исключительно в творческой деятельности. Именно они способствуют самовоспитанию профессионально важных качеств музыканта.

Поскольку качественные показатели профессионализма выступают в определённой совокупности, характеризующей эффективность профессиональной деятельности, то весьма непросто выявить структуру образующихся в многообразии музыкальной деятельности свойств мастера. Проблема констатации профессионально важных качеств музыканта усугубляется динамичностью смены лабильности и ригидности его психики, мышления, технологических действий. В них также отражаются особенности проявления личностно-индивидуальных качеств в творческой деятельности, усугубляющих многообразие психолого-педагогической коммуникации музыкальных и немзыкальных аспектов профессиональной деятельности [2]. Эти обстоятельства постоянно учитывались при формировании коммуникативных

действий и при организации срезовых мероприятий.

Мы попытались определить важные для обучающихся сегодня музыкантов свойства профессионализма, конкретизируя содержание приоритетных качеств, которые в первую очередь были отмечены студентами. Среди них по количеству упоминаний выделились музыкальная память и артистизм. Эти качества включены в контекст музыкальности [12, с. 36]. Они также скрепляют структурные компоненты перечня простых музыкальных способностей, которые образуют сложные интегральные способности музыканта, такие как запоминание, сохранение и воспроизведение музыкальной информации, эмоциональная отзывчивость на музыку, интерпретаторские качества. Неслучайно, определяя приоритетность качеств, обучающиеся обращают внимание на их связь с большинством важнейших способностей и профессионально важных качеств. Выявляя эти связи на занятиях, мы концентрируем на них внимание студентов, формируя тем самым показатели активизации профессионально важных качеств. Именно они становятся личностными факторами, определяющими самостоятельность и активность студентов.

По мере роста профессионализма обращает на себя внимание значимость для личности музыканта собственного потенциала художественной культуры. Ряд музыкантов идентифицирует его с духовным ресурсом человека. Выходя со студентами на уровень абстрактного мышления, мы получили возможность апеллировать понятиями художественного восприятия, интеллектуальным потенциалом абстрагирования. Обучающиеся сами обнаруживают неизбежность выхода за привычные рамки обыденного сознания при работе с интонацией. Происходит их насыщение и обогащение мыслительным и чувственным познанием образно-интонационных понятий с неременным выходом на звучание, соответствующее образу, стилю, форме, художественной куль-

туре. При углублении в работу с интонацией, в содержание произношения, в варианты артикулирования, в развитие музыкального материала происходит его абстрагирование и переработка звуковой палитры на духовном уровне, «формируется лабильность мышления музыканта, воспитывается взаимосвязь сознательных и бессознательных профессиональных качеств, метафизика чувств» [6, с. 152].

В процессе такой активизации студенты аккумулируют внимание на конкретных собственных комплексах художественно-творческих задатков, способностей, качественных совокупностей, интегрирующих духовный интеллект восприятия, переработки, воспроизведения и передачи музыкальной информации. Формируются практические наработки, образующие комплекс музыкальности, включающей способности понимания свойств мира и жизни посредством истолкования музыки в контексте особых чувств, свойственных эмоциональному переживанию при осознании реальных форм музыкального материала.

Особую роль такого рода занятия играют для будущей профессиональной и быденной жизни студентов. Они формируют владения способами организации музыкальной деятельности, которая обеспечивает не только развитие студента как музыканта, но и его интеллекта, а также – духовной опоры для себя и подрастающих поколений. В процессе становления личности музыкальная коммуникация помогает определить нравственные, этические, эстетические категории, может воспитать качества эмпатии и развивать свойственные ей духовные качества, формирующие коммуникативные свойства личности. Духовная коммуникация, проявляемая в музыкальной деятельности посредством духовного общения с реальным миром, моделируется в образовательно-воспитательном процессе. Музыка для обучающегося становится действительностью проявления духа в мире, делает его причастным духовной жизни.

Для духовной коммуникации необходимо становится активизация мыслительного аппарата, направленного на осознание себя и своих деловых характеристик. Профессиональное музыкальное мышление и самосознание воспитывается освоением обучающимися инструментария, условий, содержания, требований художественно-творческого процесса и преодолением сложностей очередного уровня своего музыкального и духовного развития. В процессе анализа и проявления собственного участия в различных уровнях культуры человеческого общества, обучающийся музыкант вносит специфическое наполнение в собственный музыкальный язык, формы и средства выразительности. Духовная коммуникация студента развивается адекватно изменениям духа времени и отражается в его музыкальной культуре, а погружение в различные музыкальные стили обогащает этот потенциал. При этом воспитывается культура мышления и осознания социально-культурного контекста собственной музыкальной деятельности. Студенты начинают дифференцировать стилистику воспринимаемого музыкального материала; происходит отбор исполнительских качеств для его переработки и воспроизведения в собственной интерпретации. Воспитывается культура сохранения музыкального произведения для передачи слушательской аудитории и одновременно развивается психология мышления педагога – воспитывающая, приобщающая к музыкальной информации различных культур.

Исследование показало, что обучающиеся с каждым этапом всё глубже анализируют процесс осознания музыкально-информационного ресурса, развивающего художественное мышление, а, следовательно, и возможности музыканта – исполнителя, преподавателя, воспитателя в различных вариантах коммуникации. В общении между студентами и преподавателями углубляется и расширяется аналитический ресурс того, что вложил в музыкальный материал

тот, кто его создаёт, кто сохраняет, кто перерабатывает и кто представляет в конкретных социально-культурных условиях. Особое значение приобретает проблема интерпретации, редактирования нотного текста. Вопросы, обсуждаемые в этом коммуникативном ресурсе, выводят на технологические особенности изменения инструментария, развития исполнительских методик и конкретных методов преодоления тех или иных трудностей исполнителя. И здесь всё в большей мере включается личностный ресурс анализа общих и частных технологических и духовных проблем. Их рассмотрение позволяет исследовать варианты корреляции общего и частного: личностные возможности студента, проходя сквозь призму психолого-педагогической коммуникации, приобретают перспективные идеи музыкально-исполнительского опыта – общего подхода к решению конкретных проблем, накопленного предшествующими поколениями. У студентов формируется адекватная реакция на технологические и духовные проблемы, связанные с музыкальным искусством и организацией исполнительского процесса. Высказанные, изложенные в курсовых и выпускных квалификационных работах положения обсуждаются со студентами с точки зрения их практики. Интересна динамика развития терминологической базы, наращивания исполнительского и педагогического опыта обучающихся. Психолого-педагогическая коммуникация постоянно расширяет ресурс тематики и аналитической конкретизации вопросов, на которые сподвигаются студенты.

Адекватная психология коммуникации воспитывается в процессе её постоянного анализа. В связи с этим наше исследование включало периодическое обсуждение профессиограммного модельного ряда [2]. В современных условиях становится очевидным факт многовариантности решения профессиональных задач. Студенты в своих исследованиях обосновывали и за-

щищали различные позиции в построении элементов, входящих в профессиограмму современного музыканта. Особое внимание при этом уделялось определению традиционных и инновационных элементов. Обучающиеся формировали общую картину становления профессионального уровня конкретного аспекта и элемента музыкальной деятельности, обсуждали её в различных вариантах коммуникации, анализируя, как те или иные элементы профессионализма востребуются и развиваются в современных условиях с учётом научных и технических достижений. Затем проводился срез на понимание содержания в них традиционности и инновационности. В процессе такого анализа затрагивались, исследовались в связи с открывающимися вопросами, научные изыскания Б. В. Асафьева, Б. Л. Яворского, Л. С. Выготского, В. Н. Шацкой, а также – практическая и дальнейшая научно-исследовательская реализация их замыслов в деятельности Кабалевского Д. Б., Ветлугиной Н. А., Теплова Б. М., Баренбойма Л. А., Абдуллина Э. Б., Арчажниковой Л. Г., Крюковой В. В., Безбородовой Л. А., Кирнарской Д. К., Цыпина Г. М., Николаевой Е. В., Арановского М. Г., Бочкарева Л. Л., Кирнарской Д. К., Малинковской А. В., Медушевского В. В., Назайкинского Е. В., Ражникова В. Г., Старчеус М. С., Тороповой А. В., Холоповой В. Н., Шаминой Л. В. и многих других исследователей, методистов и практиков. Параллельно с логикой развития музыкознания, искусства, культуры, образования, содержания музыкальной деятельности возникает необходимость обращения внимания на зависимости этой динамики от теоретических и практических изысканий в различных научных и технических областях. Это связано также с исследованиями духовной культуры, организацией психолого-педагогического процесса в различных учреждениях и учебных заведениях, которые активизируют внимание к музыкальному искусству в отечественной музыкальной культуре.

Для создания возможностей обсуждений студентами современной музыки мы обращали их внимание на достижения искусства, науки и техники, которые изучались ими в процессе общего образования. Удовлетворение потребности развития студентов в музыкальной коммуникации требует формирования их понимания интонационной сущности музыкального материала, которым апеллирует композитор. Для них должна стать очевидным фактом восприимчивость носителя музыкальной культуры относительно событий окружающего его мира, достижений цивилизации, всех тех совокупностей, которые «в работе педагога с учащимися-исполнителями должны интегрироваться... в сферу культурно-художественной коммуникации» [3, с. 29].

В процессе исследования студенты выявляли, как интонационная основа музыкального материала выражает чувства композитора и даже отражает то, что звучит в мире. Одновременно в общении выявлялись очевидные факты того, что и «музыка оказывает влияние на социальное поведение людей» [5, с. 7]. В этом плане для коммуникации обучающихся важна была констатация примеров соотношений искусства и науки как двух способов познания окружающей действительности. Они проникались пониманием того, что логика и опыт, на которых основывается наука, не противоречит интуитивности в постижении истины. Подтверждением тому послужил краткий экскурс в анализ концепции дополненности Нильса Бора, теории относительности Альберта Эйнштейна, исследований Владимира Вернадского и других учёных, открывших связи биосферы и социосферы, создавших концепцию ноосферы и представление одухотворённости мира, его целостности [9, с. 31–46]. Они оснащаются современными изысканиями в самых разных областях, формируют научный аппарат – научные положения, понятия термины, наглядно проанализированные в учебном пособии В. Н. Холоповой. Содержатель-

ность эмоции, изобразительности, символики, их дихотомия, интенсивность и экстенсивность, синтез музыкальных средств, миметичности и энергетичности эмоций – всё это постоянно должно востребоваться музыкантом, как «твердое знание существующего ныне научно-исследовательского аппарата» [11, с. 34].

Рассматривая подобную ретроспективу развития музыкальной культуры, искусства и науки, обучающиеся (в процессе нашего исследования) находят основания для дискуссии. Для интеллектуального развития музыкальной коммуникации и формирования профессионального мастерства студентов особое внимание было уделено вопросам динамичного развития достижений в науке, технике, искусстве. Именно их взаимодействие образует для музыканта перспективы расширить свои возможности восприятия современного искусства и, самое главное, собственного участия в творческом процессе.

Большую роль в работе с обучающимися играет опыт, накопленный предыдущими поколениями, который перерабатывается сегодня. Студенты живо анализируют, например, то, как Д. Б. Кабалевский практически реализовал возможности психолого-педагогической коммуникации музыкальной деятельности с детьми, которые специально не занимались музыкой. Студенты различных направлений и профилей адаптируют подобные наработки предшественников в условиях инструментальных, вокальных, оркестровых, хоровых классов предпрофессионального образования при работе с современными детьми, для которых песенность, танцевальность и маршеобразность музыкального языка стали ещё менее очевидными и жизненно важными.

В коммуникативных построениях со студентами формируются основные смыслообразующие логические конструкты, раскрывающие содержание музыкального звучания. Материал анализируется с учётом возрастных возможностей восприятия

смыслового и выразительного контекста музыкального интонирования. Упор делается на необходимости диагностики и развития эмоциональности, мыслительности, творческой фантазии, отзывчивости для воспитания аппарата взаимодействия с музыкой. Особое внимание уделяется опорным точкам накопленных ранее студентами количественных и качественных показателей восприятия, переработки, воспроизведения музыкальной и, шире, художественной информации. Психолого-педагогическое коммуницирование развивается от начального уровня к профессиональному с использованием многовариантных механизмов повторной переработки приобретаемых компетенций. Развитие основывается на многовариантности технологий и мыслительных операций, направленных на раскрытие смысла музыкального материала для его дальнейшей интерпретации средствами музыкально-исполнительского инструментария. Синкретическое накопление средств выразительности происходит за счёт привлечения знаний, умений, владений, мыслительного аппарата прошедшего учебного процесса. Этот потенциал остаётся мёртвым грузом без его включения в мониторинг общения при обучении и воспитании музыканта.

Кризисные явления в образовании, воспитании во многом образуются из-за отчуждения культуры и, в частности, музыкального искусства от жизни общества. Традиционное, положительно зарекомендовавшее себя в прошлом содержание учебно-воспитательного процесса не может в полной мере обеспечить оптимальную подготовку выпускников к многовариантности социума и его всё более снижающемуся уровню заинтересованности в восприятии профессиональной музыкальной деятельности. Углубляющиеся противоречия между музыкальным искусством и широкими слоями населения требуют исследования возможностей музыканта, способного сформировать в современных социокуль-

турных условиях коммуникацию, включающую достижения прошлого, настоящего и будущего музыкального искусства. Соответственно, целью нашей работы явилось исследование возможностей воспитания личностно-индивидуальных качеств компетентного музыканта, владеющего психолого-педагогической коммуникацией профессиональной музыкальной деятельности в условиях современного социума.

Для достижения цели были поставлены задачи, включающие

- анализ компетенций, способствующих формированию психолого-педагогической коммуникации в музыкальной деятельности;
- конкретизацию профессионально важных качеств музыканта;
- выявление ресурсов современных образовательных программ для воспитания личностно-индивидуальных качеств музыканта, образующего психолого-педагогическую коммуникацию;
- диагностирование факторов, определяющих самостоятельность и активность студентов для их совместной творческой деятельности с другими людьми и средствами деятельности;
- моделирование мотивационных перспектив для самовоспитания обучающихся, концентрации их внимания на конкретных индивидуальных комплексах художественно-творческих задатков, способностей, качественных совокупностей, интегрирующих духовный интеллект восприятия, переработки, воспроизведения и передачи музыкальной информации.

В процессе исследования подтверждено, что социальные возможности будущих музыкантов, исполнителей, педагогов, композиторов формируются благодаря организации сущностных механизмов, развивающих их мышление. Именно коммуникативные условия, основывающиеся на активизации аналитических качеств, способности

анализировать и одновременно проводить мониторинг всего, накопленного при обучении, воспитании и самовоспитании в реальных условиях педагогического и исполнительского процесса, способны создать перспективы для оптимальной готовности выпускников к профессиональной деятельности.

Наше исследование показывает, что в условиях психолого-педагогической коммуникации музыкальной деятельности в учебно-воспитательном процессе – на основе мониторинга традиционных и инновационных форм и методов – образуются перспективы постоянного развития личности музыканта. Только в процессе непрерывного анализа её продуктивности, на основе непрерывного её исследования и анализа результатов [8] воспитываются профессиональные и интуитивные качества, которые в последующей аналитической деятельности формируют профессиональный вектор развития музыканта. Аналитическая работа студентов и преподавателей продуктивна здесь в любом коммуникативном соотношении. В процессе исследования ситуаций у студентов, в частности, проявляется стремление характеризовать

то, что исследователи характеризуют как интеллектуальные и духовные взаимодействия человека с музыкальным произведением в «постижении художественного Я» музыкального произведения [4]. Эта направленность во всём своём разнообразии работает на развитие психолого-педагогической коммуникации музыкальной деятельности студентов, развивает и повышает этот уровень до профессионального. При создании психолого-педагогической коммуникации в процессе музыкального образования и воспитания каждый музыкант, формируя собственную лабораторию, результатом работы которой становится постоянное обогащение и расширение его опыта восприятия, сохранения, переработки и воспроизведения информации, осваивает опыт соучеников. В конечном итоге эта информация и взаимодействие обучающихся образуют постоянно действующую лабораторию. Результаты её работы выносятся на практику, воплощаются в новый музыкальный материал, становятся исполнением музыкального произведения, которое воспринимает слушатель с его опытом лабораторной работы.

Список литературы

1. Долгова В. И., Мельник Е. В. Эмпатия : монография. Москва : Перо, 2014. 185 с.
2. Жильцов В. Техника составления профессиограммы. Москва : Литературный Совет, 2017. 230 с.
3. Малинковская А. В. Педагогические аспекты исполнительской интерпретации музыкального произведения // Музыкальное искусство и образование, 2021. Том 9. № 3. с. 29–47.
4. Медушевский В. В. Духовно-нравственное воспитание средствами музыкального искусства // Преподаватель, 2001. № 6. с. 12–20.
5. Рахимов Б. М., Худайберганава Б. М. О роли музыки в жизни человека // Молодой ученый. 2017. № 31 (165). с. 74–77.
6. Серегин Н. В. Воспитание волевых мотиваторов в музыкальном искусстве // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2021. № 4 (102). с. 148–157.
7. Серегин Н. В. Диагностика музыкально-педагогического процесса // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 2 (88) с. 176–185.
8. Серегин Н. В. Музыкальная педагогика и психология: монография. Барнаул : Издательство Алтайского государственного института культуры. 2017. 179 с.

9. *Серегин Н. В.* Серебряный век как фактор художественно-просветительного импульса современного музыкального искусства и образования // Диалог искусств и арт-парадигм. Статьи. Очерки. Материалы. Том XIX: по материалам VI Международного научного форума «Диалог искусств и арт-парадигм» «SCIENCEFORUM PAN-ART VI». 28 января 2021 года / Редакторы-составители А. И. Демченко, Е. А. Скоробогачева, Н. А. Хренов. Саратов : Саратовская государственная консерватория имени Л. В. Собинова, 2021. с. 31–46.
10. *Торгонский В. В.* Формирование личности, индивидуальности и её интегративных качеств // Историческая и социально-образовательная мысль. 2010. № 4 (6). с. 95.
11. *Холопова В. Н.* Методика анализа музыкальных эмоций : учебное пособие для музыкальных вузов. Москва : Научно-издательский центр «Московская консерватория». 2018. 36 с.
12. *Цагарелли Ю. А.* Психология музыкально-исполнительской деятельности : уч. пособие. Санкт-Петербург : Композитор. 2008. 592 с.

*

Поступила в редакцию 10.01.2023

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ УСАДЬБЫ С. И. МАМОНТОВА КИРЕЕВО И МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ КУЛЬТУРЫ: ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ПЕРЕСЕЧЕНИЯ

УДК 728.93 : 008 : 94(47)

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-1111-108-121>

С. С. Ипполитов

Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва;
Российская государственная академия интеллектуальной собственности;
Государственный научно-исследовательский институт реставрации.
Москва, Российская Федерация
e-mail: nivestnik@yandex.ru

Аннотация: Непосредственная географическая близость усадьбы Киреево к современной территории МГИК, общие границы, общность хозяйственной топографии, единство природного ландшафта, непосредственное культурное и хозяйственное воздействие владельцев усадьбы на территорию, занимаемую сегодня МГИК, позволяют сделать вывод о существовании историко-культурной преемственности. Московский государственный институт культуры был создан и развивался на территории, являвшейся составной частью природно-культурного ансамбля усадьбы С. И. Мамонтова Киреево на протяжении второй половины XIX в.

Ключевые слова: Московский государственный институт культуры, Савва Иванович Мамонтов, усадьба Киреево, Химки, картографический анализ, топография, историко-культурное наследие, преемственность, природный ансамбль, ландшафт.

Для цитирования: Ипполитов С. С. Историческое значение усадьбы С. И. Мамонтова Киреево и Московский государственный институт культуры: географические и культурные пересечения // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2023. №1 (111). С. 108–121. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-1111-108-121>

THE HISTORICAL SIGNIFICANCE OF THE ESTATE OF S. I. MAMONTOV IN KIRIEVO AND THE MOSCOW STATE INSTITUTE OF CULTURE: GEOGRAPHICAL AND CULTURAL INTERSECTIONS

ИППОЛИТОВ СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВИЧ – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, Российская государственная академия интеллектуальной собственности, Государственный научно-исследовательский институт реставрации

IPPOLITOV SERGEY SERGEEVICH – DSc in History, Chief Researcher of Likhachev Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage, Russian State Academy of Intellectual Property, State Research Institute for Restoration

© Ипполитов С. С., 2023

Sergey S. Ippolitov

Likhachev Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage;
Russian State Academy of Intellectual Property;
State Research Institute for Restoration.
Moscow, Russian Federation
e-mail: nivestnik@yandex.ru

Abstract: The immediate geographical proximity of the Kireevo estate to the modern territory of the IPCC, common borders, the commonality of economic topography, the unity of the natural landscape, the direct cultural and economic impact of the owners of the estate on the territory occupied by the IPCC today, allow us to assert the existence of historical and cultural continuity. The Moscow State Institute of Culture was established and developed on the territory, which during the second half of the XIX century was an integral part of the natural and cultural ensemble of the estate of S. I. Mamontov Kireevo.

Keywords: Moscow State Institute of Culture, Savva Ivanovich Mamontov, Kireevo estate, Khimki, cartographic analysis, topography, historical and cultural heritage, continuity, natural ensemble, landscape.

For citation: Ippolitov S. S. The historical significance of the estate of S. I. Mamontov in Kireevo and the Moscow State Institute of Culture: geographical and cultural intersections. *Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2023, no. 1 (111), Pp. 108–121. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-1111-108-121>

Географическая близость усадьбы Киреево к современной территории МГИК, общие границы, общность хозяйственной топографии, единство природного ландшафта, культурное и хозяйственное воздействие владельцев усадьбы на занимаемую сегодня территорию МГИК – все это позволяет говорить о существовании историко-культурной преемственности. Московский государственный институт культуры был создан и развивался на территории, являвшейся составной частью природно-культурного ансамбля усадьбы С. И. Мамонтова Киреево на протяжении второй половины XIX в.

МГИК расположен в непосредственной близости от утраченной сегодня усадьбы рода Мамонтовых в селе Киреево. В результате тесного сотрудничества Московского государственного института культуры с Химкинским краеведческим обществом создается совместный культурно-просветительский проект, целью которого станет воссоздание малой истории региона и его культурное «бренди́рование».

В местности, граничащей с современным расположением Московского государ-

ственного института культуры, Мамонтовы поселились в 1854 году. В селе Киреево ими был обновлен и реконструирован храм преподобного Сергия Радонежского, пристроена трёхъярусная колокольня и трапезная, отлиты именные купола, обновлен интерьер и убранство церкви, возобновлены богослужения. Здесь в 1865 г. венчался меценат и выдающийся коллекционер русской живописи Павел Михайлович Третьяков с племянницей И. Ф. Мамонтова Верой Николаевной, а также и другие члены рода Мамонтовых. В имении был обновлён старый парк – с тропами, беседками, каскадом прудов. Химкинскому обществу краеведов удалось отыскать материальные следы, свидетельствующие о богатой культуре и истории места и о его тесной связи с родом Мамонтовых.

Талантливый и успешный предприниматель, С. И. Мамонтов завоевал общенациональную известность и уважение благодаря своей деятельности по поддержке отечественной культуры, созданию новых театральных проектов, поддержке талантливых живописцев, архитекторов, певцов, композиторов, мастеров декоративно-приклад-

ного искусства и народно-художественного творчества.

Высок вклад С. И. Мамонтова в сохранение и развитие национального декоративно-прикладного искусства в России. Им были организованы и финансировались экспедиции для изучения крестьянского зодчества, результаты которых вдохновили Виктора Васнецова на создание целого комплекса архитектурных проектов. Абрамцево – другая усадьба Мамонтовых – стала своего рода творческой лабораторией мецената, где реализовывались его самые смелые фантазии.

С. И. Мамонтова по праву можно считать одним из основателей и вдохновителей социально-культурной деятельности в России. Музыкальные кружки в доме и в усадьбе мецената, созданные поначалу для семейного развлечения, постепенно трансформировались в профессиональные коллективы исполнителей, которые обучались и занимались творчеством под руководством преподавателей консерватории.

Имя Саввы Мамонтова тесно связано и с образовательными проектами в нашей стране. В конце 1890-х годов С. И. Мамонтов стал организатором нескольких технических училищ в Костроме. Меценат открывал училища и в небольших уездных городах – Чухломе, Солигаличе, Кологриве. В основу этих просветительских и образовательных проектов был положен принцип, сформулированный С. И. Мамонтовым: «Надо приучать глаз народа к красивому на улице, в храме, на вокзале».

Знаменитые купцы-предприниматели Мамонтовы владели селом Киреево с 1853 по 1905 годы. Сегодня его нет на карте Подмосковья: эти земли заняты кварталами Левобережья – микрорайона г. Химки; по ним проложены трассы канала Москва-Волга и МКАД с развязками на г. Долгопрудный и шоссе М-11.

С Киреевым была связана жизнь четырёх поколений Мамонтовых. Первое из них представляет первый его владелец Иван Фёдорович Мамонтов со своей женой Ма-

рией Тихоновной. Свои капиталы, сформированные на винном откупе, он вкладывал в строительство Москвы – торговых и гостинных дворов и целых улиц (например, Петровских линий). Но главным его делом стало сооружение первой в России частной железной дороги Москва – Сергиев-Посад, где он был основным акционером.

В Кирееве выросло второе поколение Мамонтовых – четыре сына и две дочери Ивана Фёдоровича. Самый яркий след из них оставил Савва Иванович. Как продолжатель дела отца, он строил железные дороги, в том числе Северную и Донецкую магистрали.

Вторым владельцем Киреева стал (после смерти отца в 1867 году) его старший сын Фёдор. Он активно занялся обновлением имения. По его заказу архитектор Ф. Гартман построил новый господский дом в русском стиле – в виде боярского терема; старый парк обустроили в английском стиле. В семейном Сергиевском храме все Мамонтовы встречались на православные праздники и семейные события – крещения, именины, свадьбы, отпевания [14].

Представляется наиболее рациональным осуществлять топографическую привязку современной территории МГИК к историческим картам и ее позиционирование относительно усадьбы Киреево, соотнося с расположением Петербурго-Московской железной дороги (с сентября 1855 – Николаевская железная дорога). Это наиболее точный ориентир, который позволяет осуществить взаимное позиционирование современной территории МГИК и границ усадьбы Киреево на планах и картах середины-конца XIX века. Для решения этой задачи использовались: Верстовка окрестностей Москвы 1852–1853 гг. Шуберта и Фитингофа [3]; Карта Шуберта Московской губернии 1860 года [7]; Схема окрестностей Москвы из книги Магнуссена 1902 года [15]; Карта окрестностей Москвы издания 1903 года [8]; Карта окрестностей Москвы издания 1907 года [9];

Москва и окрестности из атласа Маркса 1909 года [10]; Карта окрестностей Москвы 1917 года Маевского [11]; Карта окрестностей Москвы издания 1923 года [12]; Карта окрестностей города Москвы 1931 года [13].

В качестве инструментария для наложения и сопоставления исторических и современных спутниковых карт использовались возможности сайта ЭтоМесто.ru [19], ресурса Яндекс.Карты [20], а также – программы навигации, работающие с растровыми картами: OziExplorer, OruxMaps, Androzic, Locus Map, Locus Pro, AlpineQuest, Galileo Офлайн Карты.

Особый интерес в этом смысле представляют две карты: Карта окрестностей Москвы издания 1907 года [9] и Карта окрестностей города Москвы 1931 года [13]. На них указана дорога, соединяющая усадьбу Киреево со станцией Химская (ныне Химки). Эта дорога проходила по нынешней территории МГИК. После перевода в 1936 году Библиотечного института в Химки и создания Московского государственного института культуры началось строительство Библиотечной улицы, являющейся сегодня одной из главных уличных артерий района Левобережный. При сопоставлении исторических карт 1907, 1931 годов с современными спутниковыми картами становится очевидным, что в основу планировки Библиотечной улицы была положена старая грунтовая дорога, соединявшая усадьбу Киреево со станцией Химкинская. Наложение исторических карт на современную топонимику Химок дает практически полное совпадение (Приложения 4, 5). Этот факт свидетельствует о регулярном хозяйственном использовании жителями усадьбы Киреево нынешней территории МГИК, что позднее, уже в XX веке, стало основой современных градостроительных решений.

Современные возможности спутникового позиционирования объектов дают возможность точно исчислить расстояние между строениями усадьбы Киреево и современной территорией МГИК. Так, на тер-

ритории района Левобережный сохранился руинированный фундамент построенного в 1714 году каменного храма, посвященного преподобному Сергию Радонежскому, и являвшегося частью единого архитектурного ансамбля усадьбы Киреево. Расстояние от фундамента храма до территории МГИК составляет менее 800 метров (Приложение 7). В этой связи ключевым документом, свидетельствующим о единстве природного и культурного пространства усадьбы Киреево и современной территории МГИК, является докладная записка московского архитектора и знатока русского зодчества Василия Михеевича Борина, обращенная к обер-прокурору Св. Синода А. Д. Самарину от 10 сентября 1915 года:

«Москва 1915 г., сентября 10 дня. Обер-Прокурору Св. Синода Александру Дмитриевичу Самарину.

Докладная записка.

В расстоянии 18 верстах при станции Химки Николаевской железной дороги находится имение, бывшее бояр Еропкиных, затем композитора А. Н. Верстовского и потом Мамонтова И. Ф., а теперь Грачева, и здесь находится православная церковь.

Церковь основана женою стольника Василисою Парфеновной Еропкиной в 1714 г. Эта церковь находится в настоящее время в ужасном состоянии. Без всякого призора, хотя там остается алтарь, а в нем святой престол и жертвенник. Алтарь запущен и св. престол в пыли и грязи, но более того, чрез растворенные окна туда ходят мелкие животные. Это не что иное, как грубое посягательство святыни Божией и когда же, в дни гнева Божия излившегося на Святую Русь!

Заметно, что в этой одиноко стоящей среди деревьев имения церкви уже давно не отправляется никакого богослужения, а между тем она причислена к ближайшему приходу и приходской причт пользуется землей, выделенной из имения в количестве, как сообщил протоиерей Иоанн Ключарев, 35 десятин и, следовательно, с арендным с земли доходом.

В виду того, что причт села Бусинова, к которому приписана упомянутая церковь, небрежен к ней, следует эту церковь отдать тому причту, который бежал с мест, занятых враждебными немецкими полчищами.

Может быть, этот причт стал бы совершать богослужения и творить молебное пение в этой запустелой церкви Божией, а взамен того пользовался бы доходом с наделной земли и выдаваемой «ругой» от Московского епархиального начальства или от Синодального управления, а от владельца имением – помещением» [6].

В этом документе обращают на себя внимание данные о площади земель, отведенных храму преподобного Сергия Радонежского, а именно 35 десятин. В источнике используется так называемая «казённая десятина», равная 2400 квадратным саженьям (1,09 га) и использовавшаяся в России до введения метрической системы. Таким образом, храму, находящемуся в усадьбе Киреево и обустроенному трудами С. И. Мамонтова и членами его семьи, принадлежало на правах аренды 38,15 га окрестных земель.

По законодательству каждый храм имел право на определенное количество земли. Этому посвящена вторая глава второй книги IX тома (III часть) Свода законов Российской империи «О намежевании земель к домам Архиерейским, к монастырям и приходским церквам» [16]. Размер земельных участков установлен законами 1829 и 1837 годов. Традиционно он был равен 33 десятинам (десятина – 2400 кв. саженьей, 1,093 га), хотя закон оговаривал возможность увеличения надела в три раза в малонаселенных районах: «...в селениях казенных, имеющих земли сверх 15-десятинной пропорции также при горных и соляных заводах, избыливающих землею, полагается тройная пропорция земли противу указанной, именно 99 десятин». Также необходимо учитывать, что пропорция давалась не на храм и приход, а на отдельный причт, т. е. если в храме несколько священников (комплектов причтов), то количество должно увеличиваться. Земля для

духовенства была важным источником дохода, поэтому Духовная консистория постоянно фиксировала количество церковных земель, духовенство в отчетах приводило не только ее количество, но и качество: земли делились на усадебные, пахотные и сенокосные, иногда леса [2].

В годы правления императора Николая I практика наделения приходских причтов землей продолжилась. 18 января 1828 г. государь издал указ, повелевавший Святейшему Синоду разработать план материальной поддержки приходских клириков, в особенности бедных церквей. В результате работы было составлено, а 6 декабря 1829 г. высочайше подписано «Положение о способах к улучшению состояния духовенства», отдельные пункты которого касались вопроса о наделении церквей землями. В законе указывалось на наличие немалого числа причтов, все еще не имевших собственных участков, а также на то, что по некоторым уже отмежеванным наделам возникали противоречия. Местной власти предписывалось незамедлительно рассматривать спорные ситуации. Церковная собственность объявлялась неприкосновенной, «чтобы земли сего рода, так и другие, где есть при церквях уголья, оставались навсегда неприкосновенною собственностью церковною и ограждаемы были от всяких посторонних притязаний» [5].

Обратимся вновь к военно-топографической карте Шуберта (Приложение 1) и попробуем определить, где именно располагались земли храма преподобного Сергия Радонежского. Нетрудно заметить, что непосредственно за имением Мамонтовых находился обширный скотный двор и река Лихоборка, то есть этот участок земли заведомо не мог быть использован для приходских нужд. На севере и юге Киреево граничило с имениями Петровское Лобанова и Андреевское соответственно. Следовательно, единственным направлением, в котором храм мог получить земли в аренду, являлось западное, то есть земли, на которых сегодня располагается Московский государствен-

ный институт культуры. И указанные в источнике 38 гектаров земли полностью «покрывают» нынешний землеотвод Института культуры.

Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что территория Московского государственного института культуры на протяжении второй половины XIX века находилась в тесной связи с культурной, духовной и хозяйственной жизнью усадьбы Мамонтовых Киреево. Общность условных «границ», землеустроительные работы владельцев Киреево на данной территории, хозяйственная деятельность храма преподобного Сергия Радонежского, дорожное сообщение, единый природный рукотворный ландшафт – эти и целый ряд иных исторических фактов свидетельствуют об историко-культурной преемственности МГИК и Киреево. В этом контексте уместна постановка вопроса и о наследовании Институтом культуры духовной традиции развития национальной культуры и меценатства, тесно связанной с именем С. И. Мамонтова.

Характер зеленых насаждений, сохранившихся на территории Московского государственного института культуры, может свидетельствовать о существовании на занимаемой территории остатков пейзажной парковой зоны, созданной владельцами Киреево и развитой С.И. Мамонтовым в 1860-х годах [17]. Так, на Военно-топографической карте Шуберта Москвы и окрестностей 1860 года (Приложение 1) указаны регулярные посадки крупных деревьев (липа, дуб), занимающие площадь усадьбы Киреево и нынешней территории МГИК. Эти посадки сохранились на территории МГИК до сегодняшнего дня. На территории института произрастает значительное количество дубов и лип, в посадках которых четко просматривается регулярная парковая планировка. Возраст этих деревьев оценивается в 150–200 лет, то есть время их посадки точно соответствует землеустроительным работам, проводившимся Мамонтовыми после приобретения ими усадьбы Киреево.

Следует отметить, что данный вид деревьев не является эндемичным для района современных Химок: в этой местности преобладают сосна, клен, береза, кустарник различных видов. Дубы и липы произрастают локально; они расположены строго в юго-западном направлении от исторического месторасположения усадьбы Киреево и создают визуальный вектор, направленный от фасада главного здания имения к бывшему руслу реки Химка (ныне канал имени Москвы). Старые деревья сохранились почти исключительно на территории Московского государственного института культуры и (в небольшом количестве) в непосредственной близости от границ МГИК, вдоль русла канала им. Москвы. Данный факт, очевидно, свидетельствует о существовании единого природного ансамбля, создание которого увязано с владельцами усадьбы Киреево. В настоящее время МГИК является единственным хранителем этого оставшегося природного наследия.

При сравнении карт 1848 года (Приложение 2) и 1860 года (Приложение 3) следует отметить изменения, произошедшие на территории, занимаемой ныне МГИК. Так, на карте 1848 г. в этом месте указаны значительные заболоченные участки. На картах 1860 г. и более поздних лет эти участки обозначены как занятые регулярными посадками деревьев, что подтверждает данные источников о широкомасштабных землеустроительных работах Мамонтовых, которые могли иметь своим следствием заметное улучшение окрестных земель, включающих нынешнюю территорию МГИК.

Сохранились воспоминания очевидцев, подтверждающие выводы о принадлежности старых деревьев на территории МГИК и в его окрестностях природно-культурной среде усадьбы Киреево: «Ещё некоторое время сохранялись расчищенными дорожки парка, каскад прудов. В конце концов, всё пришло в упадок. По воспоминаниям Р. В. Лескановой, большая угроза нависла над усадьбой в начале 90-х годов прошлого века, когда жители

Ново-Киреева были переселены в Левобережье под предлогом строительства Олимпийских объектов. Киреево чудом уцелело, теснимое ныне с одной стороны новыми многоэтажными домами, а с другой – гигантским холмом городской свалки.

Самыми старыми свидетелями былых времён остаются немногочисленные могучие деревья, которые окружали Сергиевскую церковь и господский дом. Они видели былую красоту усадьбы, встречали и провожали шумом своих ветвей её благородных хозяев и гостей» [18].

Исследователи справедливо отмечают, что «усадебные парки являются неотъемлемой частью исторической усадебной среды. Помимо парков, входящих в перечень объектов культурного наследия, тем более относящихся к тому, что именуется национальным достоянием, имеются также по-настоящему ценные и уникальные произведения садово-паркового искусства, не включенные в какие-либо реестры. Отсутствие у таких парков статуса объекта культурного наследия и охранных зон дает возможность предоставления земельных участков под застройку, не исключен также и самозахват парковых территорий, вследствие чего в процессе обустройства своих загородных резиденций их владельцы вырубают исторические деревья и от бывшего парка с его аллеями остается лишь малая часть. Справедливости ради стоит отметить, что при отсутствии построек связь парка с утраченным усадебным комплексом не выглядит явной, и в загородной местности при обилии зелени парковые деревья, заросшие прочей растительностью, непрофессионалу трудно обнаружить. Вследствие этого количество уцелевших парковых территорий неуклонно сокращается с каждым годом» [1, 58].

Исследование оставшихся на территории МГИК старых деревьев позволяет предположить, что они являются частью парковой территории в границах усадебного комплекса Киреево. Парковая зона района серьезно пострадала в результате хозяйс-

твенного освоения и активного жилищного строительства, развернувшегося в XX веке на данной территории. По этой причине выявление и классификация зеленых насаждений на территории МГИК в качестве парковой территории на сегодняшний день сталкивается с серьезными трудностями: плотная жилая застройка, значительное количество более поздних зеленых насаждений, подлеска и кустарника; разветвленная сеть дорог и пешеходных троп, пересекающих зеленый массив и фрагментирующих его на отдельные участки. Вместе с тем, очевидная регулярность посадок, общий примерный возраст старых дубов и лип на территории МГИК, ирригационные работы, позволившие в конце XIX века рекультивировать изначально заболоченную нынешнюю территорию МГИК, дают возможность сделать вывод о непосредственном участии Мамонтовых в благоустройстве занимаемой ныне Институтом культуры территории.

Дополнительным доводом, подтверждающим вывод об участии Мамонтовых в благоустройстве окружающей усадьбу Киреево территории, включая современную территорию МГИК, являются те общие принципы, на которых строилась парковая и усадебная культура в исследуемый период: «В первой половине XIX века, когда в русском паркостроении прочно утвердилось господство пейзажного стиля <...> создавались усадебные парки. Растительные композиции первоначально формировались на базе местной растительности, позже – с применением экзотов. Усадебные парки и сады создавались как композиции, подчиненные художественному, архитектурному или утилитарному замыслу человека, но растения – живые участники этих композиций – как местные, так и интродуценты, должны отвечать ряду требований, одним из которых является устойчивость как к природно-климатическим особенностям, так и к антропогенным нагрузкам. Основными предпосылками для определения мест будущих парковых территорий является комплекс факторов: рельеф,

локальные микроклиматические и почвенные условия, расположение и состояние местной растительности. Рассматривая сообщество в старинных парках и сравнивая жизненное состояние одних и тех же видов в условиях разных морфологических единиц, необходимо отметить, что наиболее благоприятными являются участки, имеющие уклон от 0 до 15° и обладающие более благоприятными почвенными условиями» [4].

При внимательном изучении природного ландшафта прилегающей к МГИК и Киреево территории нетрудно заметить, что данные основополагающие принципы были в полной мере соблюдены владельцами имения при проектировании ландшафтного парка. Участок земли перед главным зданием усадьбы имеет плавный уклон в сторону МГИК и долины реки Химка, укладываемый в заданные значения от 0 до 15°. Этот пейзажный парк, на части которого располагается сегодня Московский государственный институт культуры, в результате проведенных Мамонтовыми ирригационных работ стал исключительно благоприятен для произрастания как местной флоры, так и интродуцентов. Почвенные условия, улучшенные торфяниками осушенных болот, создали предпосылки для длительного существования и развития ландшафтного парка.

Еще одним косвенным указанием на тот факт, что старые деревья на современной территории МГИК являются искусственными насаждениями, произведенными владельцами усадьбы Киреево, является дом сторожа, указанный на топографической карте окрестностей Москвы 1856 года (Приложение 3). На более ранней топографической карте окрестностей Москвы 1848 года (Приложение 2) это строение отсутствует. Уместно предположить, что дом сторожа был построен после 1848 г. по решению нового владельца усадьбы Киреево И. Ф. Мамонтова, купившего ее в 1853 г. именно с целью охраны деревьев создаваемого на этой территории пейзажного и ландшафтного парка, то есть на территории, которая явля-

ется сегодня месторасположением МГИК. Нетрудно заметить, что дом сторожа расположен как раз в топографическом центре между усадьбой Киреево, массивом деревьев на нынешней территории МГИК и Николаевской железной дорогой. Ни на более ранних картах, ни на поздних никаких хозяйственных построек, которые мог бы охранять сторож, не отражено. Не может дом сторожа относиться и к железной дороге: примерно в километре от него на старых картах указан еще один дом – дом смотрителя, в чьи обязанности как раз и входили функции охраны железнодорожной инфраструктуры. Также трудно предположить, что сторож, живший в километре от храма и господского дома, мог исполнять обязанности по их охране: расстояние было слишком велико. Существование дома сторожа в этом пустынном месте является труднообъяснимым, если не принимать во внимание предположение о землеустроительных работах И. Ф. Мамонтова с целью создания парковой зоны, входившей в единый природно-культурный комплекс усадьбы Киреево.

Другим предназначением дома сторожа на таком отдалении от усадьбы, железной дороги и иных материальных ценностей может быть охрана церковных земель храма преподобного Сергия Радонежского, о чем уже говорилось в первой части исследования. 35 десятин земли (38 гектаров), которыми владел храм, могли располагаться именно на современной территории МГИК. В этом случае дом сторожа действительно становится важным элементом церковного хозяйства. Живущий на этой территории, вдали от храма и усадьбы, сторож мог охранять лесные ресурсы от незаконной вырубki.

Таким образом, имеется убедительное количество исторических фактов, свидетельствующих о едином природном, культурном и хозяйственном пространстве, включающем в себя современную территорию Московского государственного института культуры и усадьбу Киреево, в развитии которой принимали участие члены рода

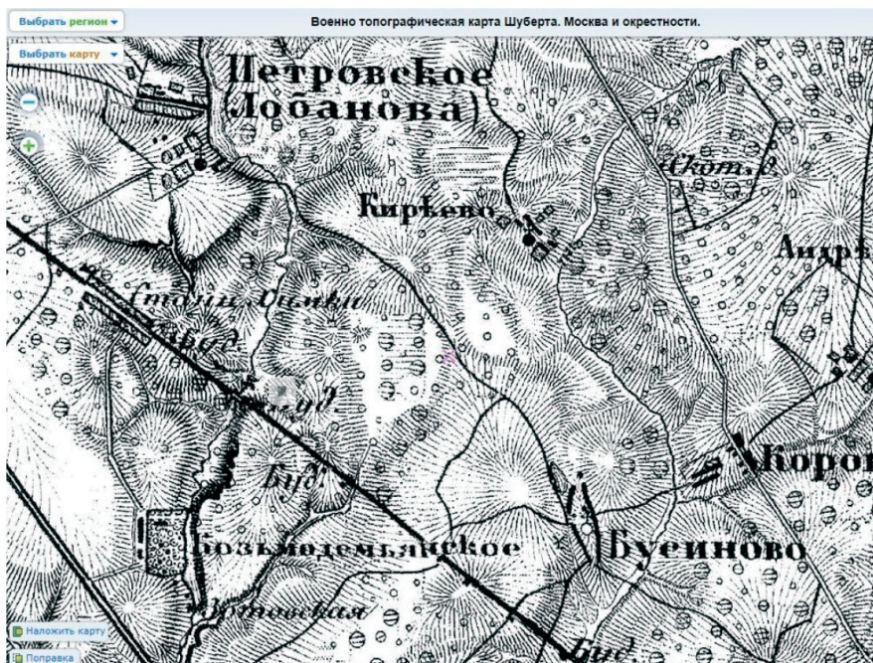
Мамонтовых: И. Ф. Мамонтов и С. И. Мамонтов на протяжении десятилетий владения вкладывали значительные ресурсы в развитие окружающих территорий. Реконструкция и обустройство С. И. Мамонтовым храма преподобного Сергия Радонежского, располагавшегося на территории усадьбы Киреево, стали частью этой подвижнической деятельности мецената и благотворителя. Можно с уверенностью утверждать, что сложившийся в XIX веке природно-культурный ансамбль местности, именуемой сегодня районом Левобережный города Химки, и остатки которого расположены на территории и охраняются Московским государственным институтом культуры, являются частью историко-культурного наследия рода Мамонтовых.

Можно с уверенностью утверждать, что территория Московского государственного

института культуры на протяжении второй половины XIX века находилась в тесной связи с культурной, духовной и хозяйственной жизнью усадьбы Мамонтовых Киреево. Общность условных «границ», землеустроительные работы владельцев Киреево на данной территории, хозяйственная деятельность храма преподобного Сергия Радонежского, дорожное сообщение, единый природный рукотворный ландшафт – эти и целый ряд иных исторических ориентиров свидетельствуют об историко-культурной преемственности МГИК и Киреево. В этом контексте уместна постановка вопроса и о наследовании Институтом культуры духовной традиции развития национальной культуры и меценатства, тесно связанной с именем С. И. Мамонтова.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

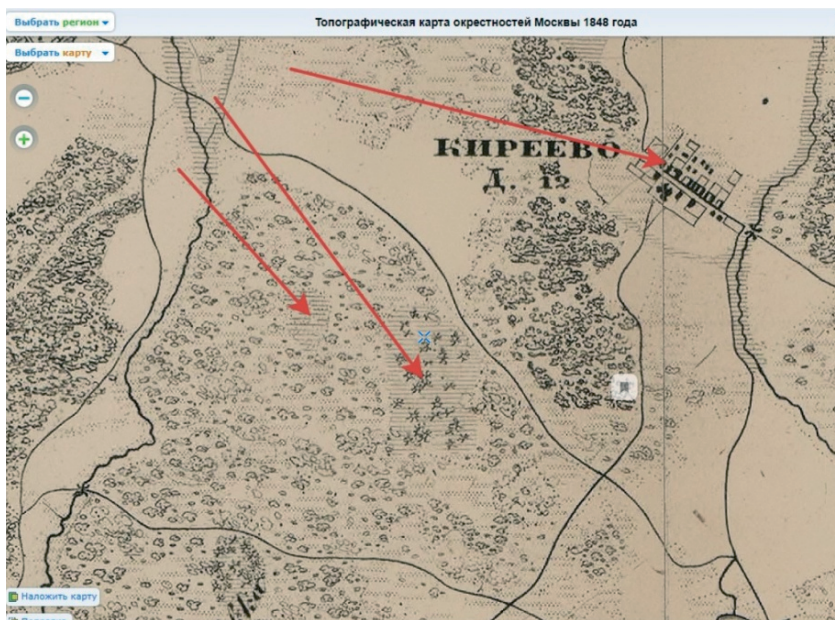
Регулярные посадки в окрестностях усадьбы Киреево и современной территории МГИК. Военно-топографическая карта Шуберта. 1860 г.

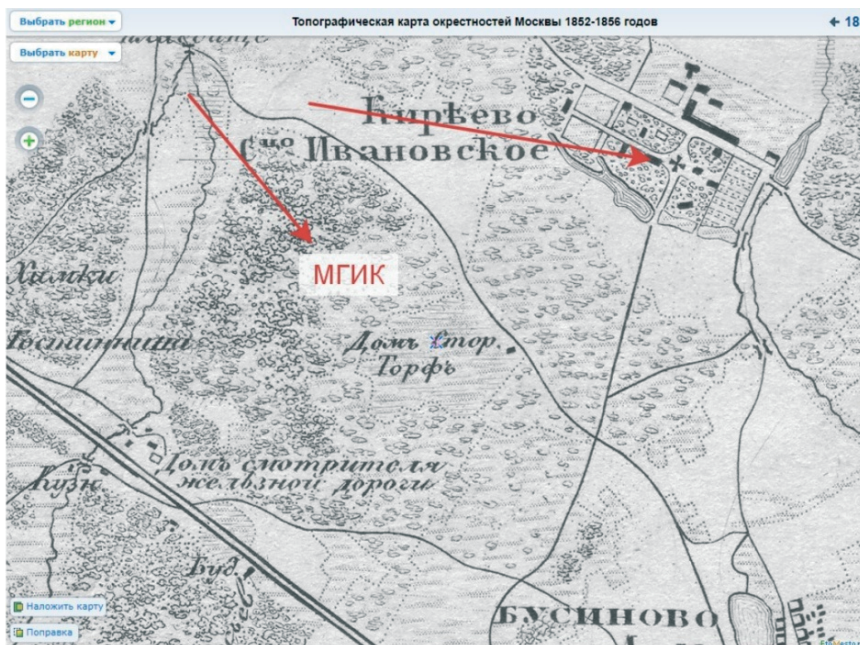
ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Заболоченные участки местности, занимаемой в настоящее время МГИК. 1848 г.

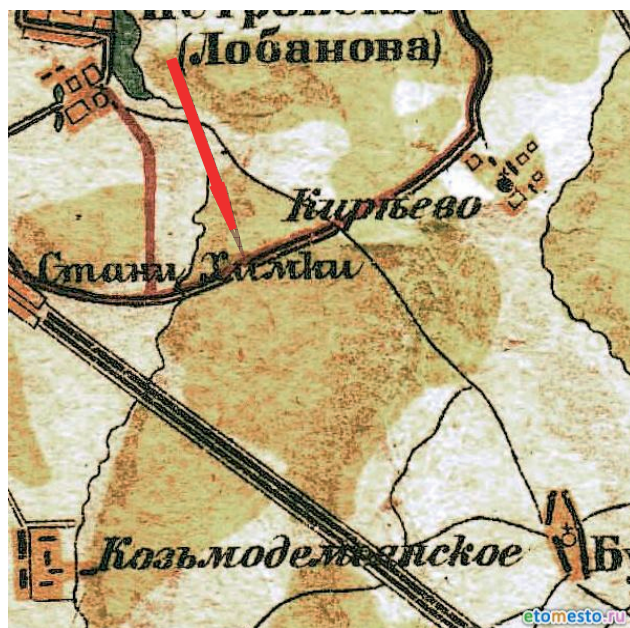
ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Территория МГИК после проведенных ирригационных работ.
Дом сторожа на современной территории МГИК. 1856 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

Дорога, соединяющая усадьбу Киреево с современной территорией МГИК. 1907 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ 5

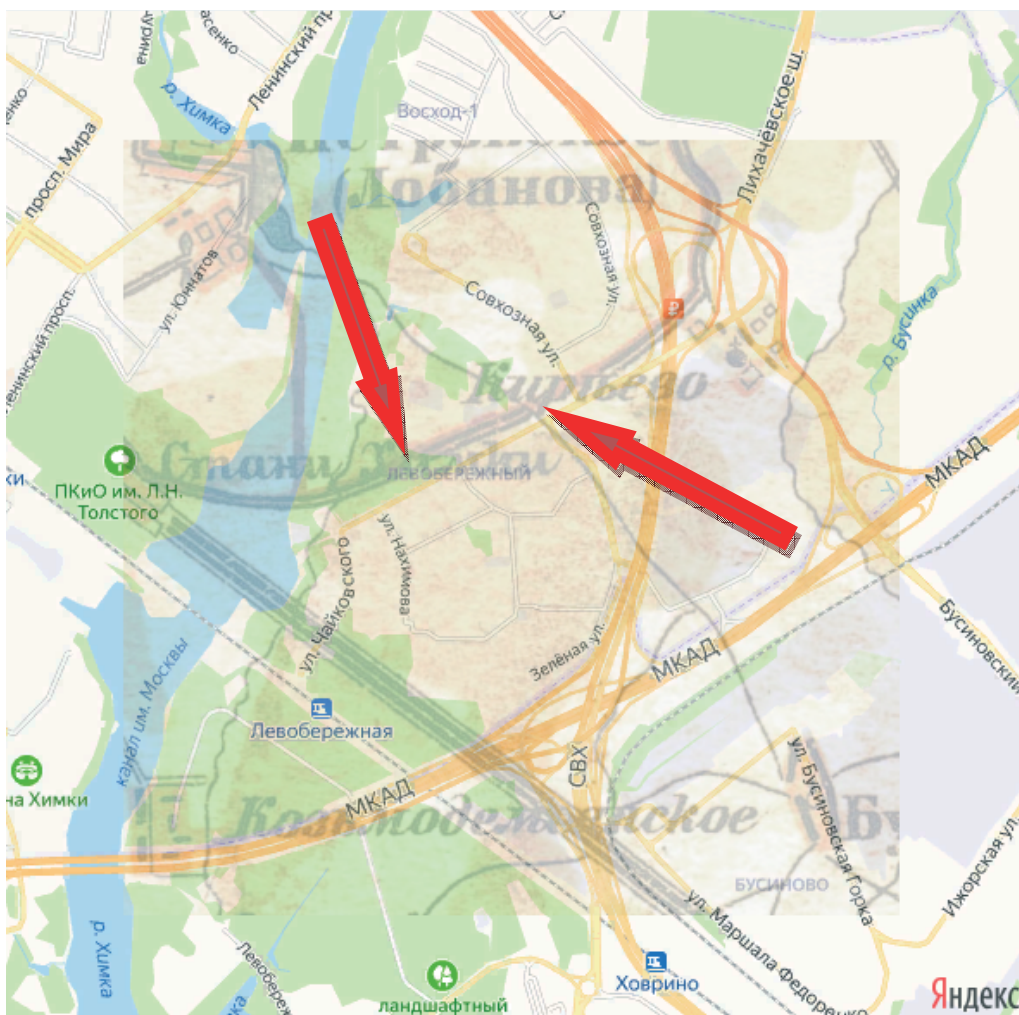
Дорога, соединяющая усадьбу Киреево с современной территорией МГИК. 1931 г.

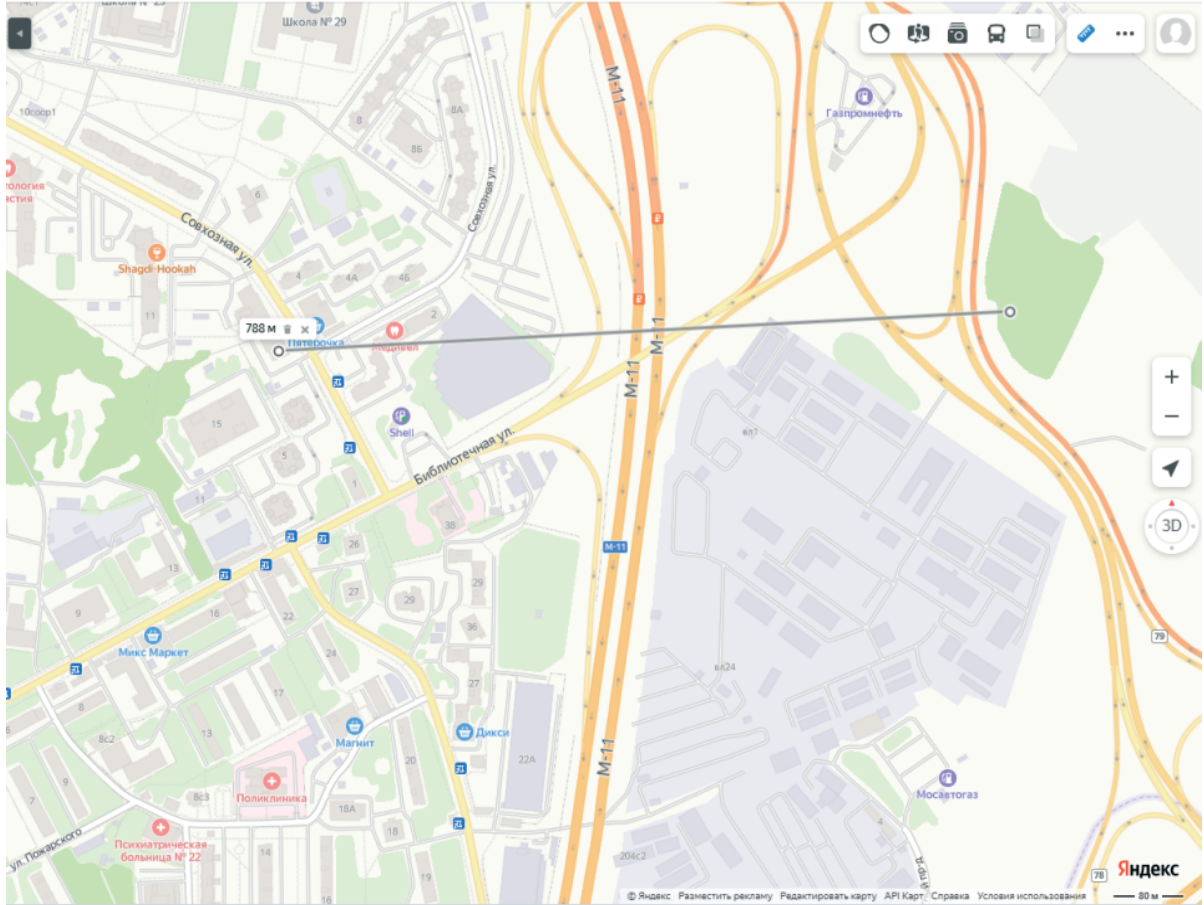

ПРИЛОЖЕНИЕ 6

Наложение Карты окрестностей Москвы издания 1907 г.
на современную спутниковую карту Библиотечной улицы
(Химки, р-н Левобережный) и окрестностей

Расстояние между фундаментом храма преподобного Сергия Радонежского и современной территорией МГИК. Яндекс.Карты

Список литературы

1. Аисов Р. Усадебные парки как самоценный элемент туристско-рекреационного кластера // Мир искусств: Вестник Международного института антиквариата. 2015. № 2 (10). С. 58.
2. Белоногова Ю. И. Материальное обеспечение церквей в XIX – начале XX вв. На примере храмов Волоколамского благочиния Московской епархии // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История РПЦ. 2017. № 79.
3. Верстовка окрестностей Москвы 1852–1853 годов Шуберта и Фитингофа 1852 г.
4. Головнёв И. И. Влияние экологических и исторических факторов на формирование усадебных парков Югобережья // Биология растений и садоводство: теория, инновации. 2018. № 147.
5. Иконников С. А. «Это доброе вовсе не к рукам»: церковная земля как источник материального обеспечения приходского духовенства Центрального Черноземья второй половины XIX – начала XX вв. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История РПЦ. 2018. № 81.
6. Институт истории материальной культуры РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17-1916 г.
7. Карта Шуберта Московской губернии 1860 г.
8. Карта окрестностей Москвы издания 1903 г.
9. Карта окрестностей Москвы издания 1907 г.
10. Москва и окрестности из атласа Маркса 1909 г.
11. Карта окрестностей Москвы 1917 года Маевского.
12. Карта окрестностей Москвы издания 1923 г.
13. Карта окрестностей города Москвы 1931 г.
14. Рунова Т. Г. Война и революция в судьбе Мамонтовых – владельцев Киреева. <https://kraeved-himki.ru/vojna-i-revoljuciya-v-sudbe-mamontovyh-vladelcev-kireeva/>
15. Схема окрестностей Москвы из книги Магнуссена 1902 г.
16. Свод Законов Российской империи. Т. 9. Ч. 3. Кн. 2. Гл. 2.
17. Усадьба Киреево в Левобережных Химках разрушена. <https://www.ecmo.ru/news/usadba-kireevo-v-levoberezhnyh-himkah-razrushena>
18. Храм Новомучеников и исповедников Российских, г. Химки. <http://nashram.ru/?p=46>
19. ЭтоМесто – старые карты России и мира онлайн. <http://www.etomesto.ru>
20. ЯндексКарты. <https://yandex.ru/maps>

*

Поступила в редакцию 07.12.2022

ПОЛИТИЗАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ТУРИЗМА В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА ОТНОШЕНИЙ С ЗАПАДОМ

УДК 338.481.31

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-1111-122-129>

С. А. Буторов

Российский государственный университет туризма и сервиса,
Москва, Российская Федерация
e-mail: sergeybutorov@gmail.com

А. С. Буторов

Российский университет дружбы народов,
Москва, Российская Федерация
e-mail: butorov_as@pfur.ru

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы, связанные с состоянием и перспективами развития международного туризма в условиях постпандемийного периода и беспрецедентного со времен окончания Второй мировой войны обострения международных отношений. На основе анализа отечественных и зарубежных источников авторы приходят к выводу, что мировая туристическая отрасль находится в глубоком затяжном кризисе. В работе предпринята попытка выявления причин, препятствующих выходу отрасли из кризисного состояния. Одной из них, по мнению авторов, является принятие коллективным Западом ряда санкционных и дискриминационных мер в отношении России, которые напрямую затрагивают интересы простых граждан. Рассматривая международный туризм как особую социально-гуманитарную деятельность, призванную сближать государства и народы, авторы обосновывают недопустимость его политизации и превращения в средство политического давления одних государств на другие. В заключении статьи содержатся выводы и предложения, которые, как считают авторы, могут способствовать выводу международной туристской отрасли из кризиса.

Ключевые слова: политизация, международный туризм, постпандемийный период, санкционная политика, мировое сообщество, недружественные государства, туристическая инфраструктура, низкий отечественный сервис, духовный и культурный потенциал.

Для цитирования: Буторов С. А., Буторов А. С. Политизация международного туризма в условиях кризиса отношений с Западом // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2023. №1 (111). С. 122–129. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-1111-122-129>

БУТОРОВ СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ – доктор философских наук, профессор Института сервисных технологий, Российский государственный университет туризма и сервиса

БУТОРОВ АЛЕКСЕЙ СЕРГЕЕВИЧ – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории международных отношений, Российский университет дружбы народов

BUTOROV SERGEY ALEKSEEVICH – DSc in Philosophy, Professor of the Institute of Service Technologies, Russian State University of Tourism and Service

BUTOROV ALEKSEY SERGEEVICH – CSc in History, Senior Lecturer at the Department of Theory and History of International Relations, Peoples' Friendship University of Russia

© Буторов С. А., Буторов А. С., 2023

POLITICIZATION OF INTERNATIONAL TOURISM IN THE CONTEXT OF THE CRISIS OF RELATIONS WITH THE WEST

Sergei A. Butorov

Russian State University of Tourism and Service,
Moscow Russian Federation
e-mail: andreevairina7@gmail.com

Alexey S. Butorov

Peoples' Friendship University of Russia,
Moscow Russian Federation
e-mail: butorov_as@pfur.ru

Abstract: The article discusses issues related to the state and prospects of development of international tourism in the post-pandemic period and unprecedented aggravation of international relations since the end of World War II. Based on the analysis of domestic and foreign sources, the authors conclude that the global tourism industry is in a deep protracted crisis. The paper attempts to identify the reasons that prevent the industry from emerging from the crisis state. One of them, according to the authors, is the adoption by the collective West of a number of sanctions and discriminatory measures against Russia, which directly affect the interests of ordinary citizens. Considering international tourism as a special social and humanitarian activity designed to bring states and peoples closer together, the authors justify the inadmissibility of its politicization and transformation into a means of political pressure of some states on others. The conclusion of the article contains conclusions and suggestions which, according to the authors, can contribute to bringing the international tourism industry to the pre-pandemic level.

Keywords: politicization, international tourism, post-pandemic period, sanctions policy, world community, unfriendly states, tourist infrastructure, low domestic service, spiritual and cultural potential.

For citation: Butorov S. A., Butorov A. S. Politicization of international tourism in the context of the crisis of relations with the west. *Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2023, no. 1 (111), Pp. 122–129. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-1111-122-129>

Международный туризм – как одно из важных средств установления культурного сотрудничества между странами и народами – переживает за последние годы один из самых сложных и напряженных периодов в своей истории. Причиной тому стала коронавирусная пандемия, нанеся непоправимый урон ведущим туристическим державам мира. Катастрофическими последствиями, несопоставимыми с убытками от COVID-19, оборачивается для туристической отрасли проводимая коллективным Западом во главе США недружественная политика в отношении России, которая 24 февраля 2022 года вынуждена была начать специальную военную операцию [СВО] на Украине.

Как предмет научного исследования международный туризм всегда находился в центре внимания российских ученых. За последние два-три года вышел ряд работ, в которых рассматриваются вопросы, связанные с историей и состоянием туризма и гостеприимства в государствах, через которые проходят сегодня главные туристические потоки [2]. Группа исследователей (А. А. Крючков, А. Г. Граве, Ю. Л. Кужель) выпустила фундаментальный труд, посвященный туристскому страноведению Центральной и Южной Европы [8]. М. В. Иванов, Л. В. Сазонкина, Л. А. Польшова под научным руководством Ю. Л. Кужеля в другой работе исследовали этот аспект в странах

Западной и Северной Европы, а также – в Японии [16]. Российскими учеными обстоятельно изучен туристский потенциал Турции, Ближнего Востока, Северной Африки [17], Центральной и Южной Америки [19], а также Центральной [18] и Южной Европы [20]. Признавая научно-практическую и методическую ценность этих исследований, в то же время нельзя не отметить, что в них не находят отражения состояние мировой туристической отрасли в постпандемный период, а также происшедшие за последнее время геополитические перемены на международной арене.

Несмотря на кризисные явления в отрасли, международный туризм по-прежнему остается одним из наиболее развивающихся сегментов мирового рынка и важным источником валютных поступлений в большинстве стран мира. Ряд государств располагает колоссальным потенциалом для развития в первую очередь культурного туризма, который пока остается нереализованным. По мнению американских исследователей Г. Харриса и К. Кац, к их числу относится Россия, имеющая неограниченные ресурсы для туристской деятельности [21]. Однако реализации этих возможностей препятствует в современных условиях внешний фактор.

Политизация как процесс преобразования неполитических практик в политические имеет свою историю. Туризм, как возможность ознакомления человека с культурой и духовными ценностями других стран, также оказался подвержен этому процессу. Следует признать, что бывший СССР являлся государством, которое одним из первых в мировом сообществе применило эту практику. После окончания Второй мировой войны политическое руководство страны опустило железный занавес, который на несколько десятилетий лишил советских людей возможности свободно выезжать за границу и посещать другие государства. Организованный туризм как массовый культурный отдых трудящихся в Советском Союзе практически не существовал. Разрешение на выезд за

рубеж гражданина СССР даже в служебных целях выдавалось органами государственной безопасности при согласии партийных властей. Решение о поездке советского представителя, режиссера С. А. Герасимова в мае 1949 года в Лондон для участия в собрании деятелей культуры Англии в защиту мира, утверждалось Политбюро ЦК ВКП (б) [14].

В 50-е годы увеличилось число поездок советских граждан за рубеж, в том числе в качестве туристов. Желающий приобрести туристическую путевку в зарубежную страну был обязан получить характеристику, заверенную главой предприятия или учреждения, а также – руководителями партийной и профсоюзной организаций. После собеседования в специальной комиссии при районном или городском комитетах КПСС, а также в органах КГБ, личное дело гражданина на поездку за рубеж направлялось в созданное в 1947 году Бюро по выездам за границу и въездам в СССР, которое входило в Комитет информации при Совете Министров СССР. Данная государственная структура принимала окончательное решение относительно возможности поездки гражданина [22]. Особо тщательно рассматривались заявления на выезд в капиталистические страны. Внутри туристической группы выделялись ответственные лица «из числа наиболее опытных и политически подготовленных туристов». Официальными представителями государственной власти проводилось инструктирование туристов о поведении за границей и задачах туристских поездок [10].

20 мая 1991 года был принят Закон СССР «О порядке выезда из Союза Советских Социалистических Республик и въезда в Союз Советских Социалистических Республик граждан СССР», в соответствии с которым каждому гражданину страны было предоставлено право выезжать из страны и въезжать в нее [4].

Процесс политизации коснулся и въездного туризма в СССР [7]. Советский Союз привлекал иностранных туристов скорее существовавшей в стране формой поли-

тического правления, нежели реальными туристскими возможностями, сервисом и маршрутами [1]. Государственное акционерное общество «Интурист», являвшееся головным учреждением по приему и сервисному обслуживанию иностранных туристов, руководствовалось в своей деятельности разработанными с участием органов государственной безопасности директивами и инструкциями [3]. Издавались специальные путеводители, карты, разговорники и справочники с содержанием идеологического контента. Подавляющее большинство гостей из стран социалистического содружества, совершавшие туристические поездки в СССР, в обязательном порядке посещали Центральный музей В. И. Ленина в Москве или его филиалы, которые действовали в столицах практически всех союзных республик и в крупнейших городах страны. Целенаправленность использовавшейся в тот период подобной практики сводилась к тому, чтобы сформировать у зарубежных гостей положительный образ Советского Союза.

Политику санкций, ограничений и запретов в отношении российских туристов проводит на современном этапе западные страны во главе с США. Иностранцы туристы, в том числе из России, могут пересекать американскую государственную границу. С 1 июня 2022 года в США не требуют наличия сертификата о вакцинации. Однако беспрепятственно попасть в страну могут лишь туристы, привитые от ковида вакцинами, одобренными Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ, англ. World Health Organization, WHO – С. Б., А. Б.) и Агентством Министерства здравоохранения и социальных служб США (англ. U.S. Food and Drug Administration, FDA – С. Б., А. Б.). Российский «Спутник V» и другие отечественные вакцины в этом списке отсутствуют.

Политическое руководство США на словах говорит о миролюбии американского государства, его стремлении выстраивать добрососедские отношения с Россией. Этот

тезис проходит красной нитью в обращении Дж. Байдена к гражданам России, с которым он выступил 15 февраля 2022 года за несколько дней до принятия российской стороной вынужденной меры по проведению СВО на Украине [24]. Между тем глава американского государства предпочел умолчать, что в 2014 году при финансовой поддержке США на Украине был совершен государственный переворот. Соединенные Штаты и их союзники по Североатлантическому альянсу на протяжении 8 лет вооружали Украину и готовили ее к полномасштабной войне против Донецкой и Луганской народных республик. Запад потратил более 150 миллиардов долл. США на пособничество и вооружение киевского режима [11]. Американские лидеры открыто заявляют, что их конечной целью в отношении России является нанесение ей «стратегического поражения» [15].

США и ряд недружественных стран Европы проводят в отношении России политику, которая мало чем отличается от курса советского политического руководства в отношении своих граждан. К методам ведения «холодной войны» сегодня прибегает Запад, который путем санкций и ограничений на поездки российских туристов за границу пытается вызвать недовольство и протестные выступления среди простых россиян. 5 января 2023 года Посольство Соединенных Штатов в Москве опубликовало обращение к народу России [12], в котором открыто призвало российских граждан к массовым беспорядкам, что попирает сам принцип деятельности дипломатического представительства в стране пребывания (недопустимость вмешательства во внутренние дела государства) и противоречит нормам международного права (Венская конвенция о дипломатических сношениях 1961 г. – С. Б., А. Б.).

Под влиянием антироссийской пропаганды оказалась и значительная часть научных кругов США. Профессор политологии, директор института международных исследований Ф. Сполли Стэнфордского

университета, бывший посол США в России М. Макфол предлагает ввести полный запрет для всех российских граждан на поездки во все демократические страны. Другим «наказанием» для россиян должна стать, по его мнению, дополнительный «сбор за восстановление Украины» сверх стоимости виз [23].

Усилия американской пропаганды сфокусированы на то, чтобы внушить страх и сформировать у граждан США негативный имидж России. 23 января 2022 года Посольство Соединенных Штатов в России распространило директиву «Предупреждение о поездках в Россию», принятую Государственным департаментом США [13]. Документ получил широкую огласку как внутри страны, так и за рубежом. В нем содержатся рекомендации «воздержаться от поездок в Россию» директивного характера. 12 февраля 2023 года посольство США в Москве выступило с очередным «предупреждением», в котором также содержатся рекомендации американским гражданам не путешествовать по России. Там же содержится обращение к тем американцам, кто находился на российской территории, с требованием в срочном порядке покинуть страну, в том числе из-за риска мобилизации [25].

В связи с обострением отношений между Украиной и Россией у российских туристов возник ряд проблем. Одна из них – отсутствие прямого авиасообщения между Россией и США в связи с закрытием для российских авиакомпаний американского воздушного пространства. Другим препятствием для российских граждан стала невозможность получения визы для въезда в Соединенные Штаты. С начала 2023 года посольство и консульства США в России не осуществляют визовое обслуживание недипломатов. Руководством ряда недружественных государств взят курс на закрытие ряда российских генеральных консульств и выдворение значительного числа сотрудников дипломатических представительств. Одновременно российской стороне не поз-

воляют восполнять понесенные заграничными кадровые потери [5].

Западноевропейские страны, члены Евросоюза, следуя в фарватере американской внешней политики, с марта 2022 года также закрыли воздушное пространство для российских самолетов. В августе 2022 года страны ЕС большинством голосов приняли решение расторгнуть соглашение между Европейским союзом и Россией об упрощенном визовом режиме 2007 года. Вместе с тем главам внешнеполитических ведомств стран Евросоюза не удалось добиться общего запрета на выдачу виз россиянам, так как многие государства ЕС выступили против этой меры. Российские граждане, выезжающие за рубеж, все еще могут оформлять шенгенские визы. Однако после введенных ограничений этот процесс стал более продолжительным и затратным. Бельгия, Дания, Латвия, Литва, Мальта, Нидерланды, Польша, Словакия, Чехия и Эстония уже прекратили выдачу виз для россиян. Ограничила процесс выдачи виз для российских граждан и Финляндия. Ряд государств (Германия, Франция) открыто выступили против принятия столь жестких рестрикций в отношении граждан России. Заметно ограничено и число государств, где российские граждане могут оформить обычную шенгенскую туристическую визу: Венгрия, Греция, Испания, Италия и Франция.

Туристический поток из России в Европу в 2022 году сократился на 80–90 процентов [9]. По оценкам Всемирной туристической организации (ЮНВТО, англ. United Nations World Organization, UNWTO – С. Б., А. Б.), из-за событий вокруг Украины мировой туризм потерял в 2022 году около 14 млрд долл. США. Закрытие украинского и российского воздушного пространства, а также запрет для российских авиаперевозчиков многих европейских стран повлиял на внутриевропейские путешествия. Это привело к изменениям маршрутов на дальних рейсах между Европой и Восточной Азией, к более длительным перелетам и более вы-

соким затратам на них. В 2020 году на Российскую Федерацию и Украину приходилось 3 процента мировых расходов на международный туризм [6]. Этот показатель сегодня практически сведен к нулю.

Некоторые европейские страны, нагнетая в Старом Свете антироссийские настроения, прибегают к так называемым «точечным санкциям» в отношении видных деятелей культуры и музыкального искусства России. В марте 2022 года власти Мюнхена отстранили от должности главного дирижера Мюнхенского филармонического оркестра, народного артиста России В. Гергиева за его отказ осудить Российскую Федерацию за проведение СВО на Украине. В феврале 2023 года мэры итальянских городов Брешин и Бергамо по требованию главы украинской дипломатической миссии в Италии отменили намеченные на май месяц концерты народного артиста России, пианиста Д. Мацуева в рамках предстоящего 60-го Международного фортепианного фестиваля, который, как правило, посещают многочисленные туристы из стран Европы и Америки. Даже в эпоху великого противостояния двух противоположных систем политики не прибегали к подобным мерам. В 1956 году в самый разгар холодной войны состоялись триумфальные гастроли балетной труппы Большого театра в лондонском театре «Ковент-Гарден».

Сегодня международный туризм стал для Запада средством борьбы и политического давления на Россию. В апреле 2022 года Россия вынуждена была выйти из ЮНВТО. Причиной для выхода послужила заявка пяти стран (Гватемала, Литва, Польша, Словения и Украина) о «приостановлении членства Российской Федерации в UNWTO». Ряд государств практически монополизировали Всемирную туристическую организацию и используют ее в своих групповых интересах. Прибегнув к массовой антироссийской пропаганде, проводя политику шантажа и оказания давления на другие страны, они взяли курс на дискредитацию России, под-

рыв ее международного имиджа. Российская сторона расценила эти действия как неправомерный и политически мотивированный шаг стран Запада в целях демонстративного наказания России – равноправного члена организации, осуществляющего независимую внешнюю политику и отстаивающего свои национальные интересы. Как нам видится, принятое руководством России решение о выходе страны из этой организации было своевременным и правильным. Постоянными членами ЮНВТО являются 160 стран и территориальных образований мира. Однако было бы ошибочно считать, что она объединяет в своих рядах все ведущие державы мировой туристической индустрии. В 1995 году из организации вышли Соединенные Штаты. В 2020 году они подтвердили, что не намерены возобновлять в ней свое членство. В 2009 году ЮНВТО покинула Великобритания, а в 2012 году – Канада. По мнению специалистов в области туризма этих стран, выход из организации был продиктован «отсутствием практической пользы быть ее членом».

Проблемы отечественного туристического бизнеса обусловлены наличием не только внешнего фактора. Подавляющее большинство россиян из числа туристов предпочитают отдыхать за границей вследствие ряда причин. Одна из них – низкий уровень отечественного сервиса. Качество обслуживания иностранного туриста в Турции или Испании несравнимо выше, чем на курортах Крыма или Сочи. Другим фактором являются достаточно высокие цены. Туристические путевки в Крым значительно дороже, чем горячие туры в Турцию. Проблемная экология является еще одной причиной, вследствие которой россияне отдают предпочтение зарубежным курортам. Наличие транспортных трудностей, отсутствие должной инфраструктуры, а также малое число развлечений и качественных экскурсий препятствуют развитию туристической отрасли в России и делают ее неконкурентоспособной.

За последние годы наметилась также тенденция снижения уровня зарубежного турпотока. Отечественные эксперты в области туризма склоняются к тому, что этому негативному процессу в немалой степени послужили сроки получения виз для обычных иностранцев, которые были увеличены несколько лет назад с 5–10 дней до 21 дня, а стоимость разрешения на въезд в Российскую Федерацию возросла до 400 долларов США, что слишком дорого для иностранцев, решивших провести в России 7 или 10 дней. Другая причина – дороговизна отдыха в России. Недельный тур в Санкт-Петербург или Москву обходится европейцу в 1500 евро, что на 500 евро превышает возможности пенсионеров и европейцев средних лет, заинтересованных в посещении России.

Таким образом, пандемия COVID-19 нанесла невосполнимые убытки мировой туристической индустрии. Однако по нашему глубокому убеждению, финансовые потери, которые понесла отрасль, несоизмеримы с

тем ущербом, который наносит сегодня человечеству политика, проводимая США и их ближайшими союзниками в отношении России. Декларируя на словах с высоких международных трибун приоритет демократии, свободы и моральных ценностей, недружественные государства на деле применяют практику изживших себя тоталитарных режимов. С полной уверенностью можно предположить, что ряд ведущих стран Запада, в первую очередь США, которые по-прежнему стремятся к однополярному доминированию в мире, продолжают курс дальнейшей политизации международного туризма. В современных условиях данная отрасль является не только одним из важнейших источников дохода мировой экономики, но и особой формой социально-гуманитарной деятельности, которая призвана сближать, а не разъединять народы. Использовать международный туризм как силовой рычаг, как средство давления – значит возвращать мир в прошлое, к истокам «холодной войны».

Список литературы

1. *Березовая Л. Г.* «Интурист»: у истоков иностранного туризма в СССР // Современные проблемы сервиса и туризма. 2016. №4. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/inturist-ustokov-inostrannogo-turizma-v-sssr/viewer>
2. *Буторов С. А., Каныгина О. М.* Пандемия COVID-19 и ее влияние на мировую туристическую индустрию // Сервис Plus. 2020. Т. 14. № 4. С. 31–38.
3. Генеральная инструкция по обслуживанию иностранных туристов в СССР. Москва: Интурист, 1936. 181 с.
4. Закон СССР от 20.05.1991 № 2777-1. «О порядке выезда из Союза Советских Социалистических Республик и въезда в Союз Советских Социалистических Республик граждан СССР» [Электронный ресурс]. // URL: <https://legalacts.ru/doc/zakon-sssr-ot-20051991-n-2177-1-o/>
5. Замглавы МИД: Россия готовит безвизовые соглашения с рядом стран / И. Ермаков: электронный [Электронный ресурс]. // URL: <https://tass.ru/interviews/16804671>
6. За рубежом подсчитывают потери от ухода российских туристов [Электронный ресурс]. // URL: atorus.ru/news/press-centre/new/59333.html
7. *Иванов А. А.* Политизация въездного туризма в СССР в период холодной войны: причины и последствия [Электронный ресурс]. // URL: cyberleninka.ru/article/n/politizatsiya-vezdnogo-turizma-v-sssr-v-period-holodnoy-voyny-prichiny-i-posledstviya/viewer
8. *Кужель Ю. Л.* Туристское страноведение. Центральная и Южная Европа [Албания, Венгрия, Хорватия, Словения]: учебник для вузов / А. А. Крючков, А. Г. Граве; под ред. Ю. Л. Кужеля. Москва: Юрайт. 2021. 400 с.

9. Невыгодный курс: турпоток из РФ в страны ЕС в 2022 году упал на 90 % [Электронный ресурс]. // URL: iz.ru/1447341/elnar-bainazarov/nevygodnyi-kurs-turpotok-iz-rf-v-strany-es-2022-m-upal-na-90
10. Орлов И. Б. Первые шаги выездного туризма в СССР (1955–1964) [Электронный ресурс]. // URL: cyberleninka.ru/article/n/pervye-shagi-vyezdno-go-turizma-v-sssr-1955-1964/viewer
11. Полная стенограмма послания Владимира Путина Федеральному Собранию 21 февраля 2023 года [Электронный ресурс]. // URL: kr.ru/dayly/27468/4724024/
12. Посольство США обратилось к россиянам и вспомнило былые времена [Электронный ресурс]. // URL: ura.news/news/1052615957
13. Предупреждение о поездках в Россию, уровень 4 – воздержаться от поездок [Электронный ресурс]. // URL: [ru/usembassy.gov/ru/alert-01232022-ru/](http://ru.usembassy.gov/ru/alert-01232022-ru/)
14. Российский государственный архив социально-политической истории РГАСПИ; КПСС. Ф.17, Оп.3. Д.1076. П.209. Л.50.
15. США заявили о стремлении нанести России «стратегическое поражение» [Электронный ресурс]. // URL: lenta.ru/news/2022/03/09/porazhenie/
16. Туристское страноведение. Западная и Северная Европа. Япония: учебник для вузов / М. В. Иванов, Л. В. Сазонкина, Л. А. Польшова, Ю. Л. Кужель; под науч. ред. Ю. Л. Кужеля. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Юрайт, 2021. 574 с.
17. Туристское страноведение. Турция, Ближний Восток, Северная Африка : учебник для вузов / Ю. Л. Кужель, М. В. Иванова, Л. А. Польшова, Л. В. Сазонкина; под науч. ред. Ю. Л. Кужеля. Москва : Юрайт, 2021. 363 с.
18. Туристское страноведение. Центральная Европа: учебник для вузов / под науч. ред. Ю. Л. Кужеля. Москва : Юрайт, 2021. 517 с.
19. Туристское страноведение. Центральная и Южная Америка: учебник для вузов / под науч. ред. Ю. Л. Кужеля. Москва : Юрайт, 2021. 449 с.
20. Туристское страноведение. Южная Европа: учебник для вузов / М. В. Иванова, Л. В. Сазонкина, Е. Д. Салас Лусуриога; под науч. ред. Ю. Л. Кужеля. Москва : Юрайт, 2021. 443 с.
21. Харрис Г., Кац К. Стимулирование международного туризма в XXI веке. Москва : Финансы и статистика, 2020. 240 с.
22. Чистиков А. Н. «Разрешен выезд...» Деятельность Комиссии по выездам за границу в 1949–1962 гг. С. 101–119. [Электронный ресурс]. // URL: cyberleninka.ru/article/n/razreshen-vyezd-deyatelnost-komissii-po-vyezdam-za-granitsu-v-1949-1962gg/viewer
23. McFaul M. How to Get a Breakthrough in Ukraine: The Case Against Incrementalism // Foreign Affairs. January 30, 2023. Vol. 102, Num. 1.
24. Remarks by President Biden Providing an Update on Russia and Ukraine // whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2022/02/15/remarks-by-president-biden-providing-an-update-on-russia-and-ukraine/
25. Travel Advisory: Russia – Do Not Travel // ru.usembassy.gov/travel-advisory-russia-do-not-travel-february-12-2023/

*

Поступила в редакцию 28.02.2023

«СОБИРАНИЕ НАУЧНОЕ...»: ВЫСТАВКА КАК ФОРМА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЧАСТНОЙ КОЛЛЕКЦИИ

УДК 069 : 7.074

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-1111-130-140>

И. В. Андреева

Челябинский государственный институт культуры,
Челябинск, Российская Федерация
e-mail: andreevairina7@gmail.com

Аннотация: В статье сквозь призму концепции авторского кураторства Х. Зеемана осмысливается опыт создания выставки частного собрания челябинского коллекционера В. Я. Рушанина. На протяжении последних 20 лет известным ученым, историком дореволюционного образования в России были собраны коллекционные материалы по истории русской школы с заметным уклоном в проблематику провинциального образования и персонализацию. В статье практика собирательства рассматривается как форма сохранения и трансляции культурной памяти; феномен комплексного частного собрания – как открытый для диалога текст культуры; выставка – как способ включения наследия в современное культурное пространство. Выставка «Русская школа: прошедшее время» (г. Челябинск, 2022 г.) представляет интерес с точки зрения опыта аналитической рефлексии взаимоотношений между наукой и частным коллекционированием, собранием и его автором, выставочными практиками и внемузейной институцией. Обращение к наследию Х. Зеемана продемонстрировало оригинально возрождающиеся в современной культуре идеи о специфике выставочной визуализации уникального жизненного мира человека и кураторстве как стратегии авторского проекта.

Ключевые слова: воображаемый музей, музей, выставка, библиотека, история русской школы, частное коллекционирование, В. Я. Рушанин, Х. Зееман.

Для цитирования: Андреева И. В. «Собирание научное...»: выставка как форма репрезентации частной коллекции // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2023. №1 (111). С. 130–140. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-1111-130-140>

«SCIENTIFIC COLLECTING...»: EXHIBITION AS A FORM OF REPRESENTATION PRIVATE COLLECTION

Irina V. Andreeva

Chelyabinsk State Institute of Culture,
Chelyabinsk, Russian Federation
e-mail: Sergeybutorov@gmail.com

АНДРЕЕВА ИРИНА ВАЛЕРЬЕВНА – кандидат педагогических наук, доцент, Челябинский государственный институт культуры

ANDREEVA IRINA VALERIEVNA – CSc in Pedagogy, Associate Professor, Chelyabinsk State Institute of Culture

© Андреева И. В., 2023

Abstract: The article is devoted to the analysis of the experience of creating an exhibition of the private collection of the Chelyabinsk collector V. Ya. Rushanin through the prism of the concept of H. Zeeman's curatorship. Over the past 20 years, a well-known scientist, a historian of pre-revolutionary education in Russia, has collected collection materials on the history of the Russian school with a noticeable bias in the problems of provincial education and personalization. In the article, the practice of gathering is considered as a form of preservation and transmission of cultural memory; the phenomenon of a complex private collection – as a text of culture open for dialogue; exhibition – as a way to include heritage in a modern cultural space. The exhibition “Russian School: Past Tense” (Chelyabinsk, 2022) is of interest from the point of view of the experience of analytical reflection on the relationship between science and private collecting, collection and its author, exhibition practices and non-museum institutions. Appeal to the legacy of H. Zeeman demonstrated original ideas resurrecting in modern culture about the specifics of the exhibition visualization of the unique human life world and curation as a strategy for the author's project.

Keywords: imaginary museum, museum, exhibition, library, history of the Russian school, private collecting, V. Ya. Rushanin, H. Zeeman.

For citation: Andreeva I. V. «Scientific collecting...»: exhibition as a form of representation private collection. *Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2023, no. 1 (111), Pp. 130–140. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-1111-130-140>

Точка опоры: «Музей одержимостей» Х. Зеемана

В истории мировой культуры и музееведческой мысли воображаемый музей появился значительно раньше его виртуальных цифровых воплощений. В музеолого-культурологических публикациях данный модус музея, как правило, связывается авторами с отторжением традиционных форм и производством концепций и конструктов сохранения (или со-творения) живой связи с предметом, как альтернатива многочисленным коннотациям превращения собраний в «мавзолей» или «умирания» и «кладбища» вещей. В большинстве своем гипотетические музеи связаны с актуальными художественными практиками второй половины XX в. и вызовами времени, поставившими под сомнение институциональную оценку классическим музеем как произведения искусства, так и «малой» вещи в уникальности ее существования. Таков концепт «Воображаемого музея» середины XX в. А. Мальро, основанный на императиве личного вкуса в подборе фоторепродукций произведений искусства с целью создания любым человеком своего «музея без стен» [3, с. 87–90].

Таков «Музей одержимостей» Х. Зеемана, создавшего концепт воображаемого музея мифологий, намерений, утопий, одержимостей, и «Сентиментальный музей» швейцарского художника Д. Спёрри [23], открывшего эмоциональную природу вещей и их «новый реализм» в «отражении невероятного количества действий и реакций, которые были преднамеренными, необдуманными или случайными» [22]. Созвучен концепту Спёрри «лирический музей» отечественного филолога М. Эпштейна – взгляд на вещь в более широком историко-культурном контексте как на диалог с индивидуальной памятью, результат ее духовного освоения владельцем [2].

В этом, далеко не полном, перечне воображаемых музеев «Музей одержимостей» швейцарского куратора Х. Зеемана был обращен не к предмету в его самодостаточности и не к произведению искусства, а к силе «одержимости», которая «осуществляет саму себя в исключительности своих знаков, языков и законов» [Цит. по: 19, с. 157]. В аналитике наследия Зеемана подробным образом изучены и представлены его неординарные выставочные опыты, открывшие в мировой художественной практике эру

авторского кураторства – «12 энвайронментов», «Когда отношения становятся формой: живи в своей голове», «Хэппенинг и Fluxus», «Целибатные машины», «Документа 5». В этом ряду долгое время практически не упоминалась выставка «Дедушка: такой же первооткрыватель, как и мы» (1974 г.), впервые ставшая предметом детального исследования недавно вышедшей монографии М. Р. Тейшейры [19]. «Дедушка ...» в творческой биографии Зеемана представляет интерес и как сублимация размышлений о выставке как средстве самовыражения куратора, и как камерный пилотный проект его будущих масштабных выставок и биеннале, и как опыт обращения не к художественному, а к документальному, фотографическому и историко-бытовому материалу, документирующему историю жизни близкого человека. «Я мог бы создать мемориал Бетховену, а не своему деду, но в истории деда меня прельщало именно это “дополнительное измерение – личная вовлеченность”» [Цит. по: 19, с. 120], – писал Зееман, фактически манифестируя принципы своего нового кураторского подхода.

Этот опыт полувековой давности обретаёт злободневное звучание в контексте современного «антропологического поворота» и сдвига институциональных рамок репрезентаций «частных вселенных». Зеemannовская оптика оказывается перспективной для развития и анализа современных выставочных практик и музейных нарративов в дискурсе антропологизации, в плане перформативного расширения текста личности, биографии, частного собрания.

«Логика каждого знака»

В одной из рецензий на выставку «Дедушка: такой же первооткрыватель, как и мы» было сказано: «Можно было бы превратить все это в демонстрацию древностей. <...> Однако он (Х. Зееман – И. А.) предпочел визуализировать историю, иллюстрируя мысль о том, что в определенный момент

жизни каждый человек *проступает и становится явным каждый знак*» [Цит. по: 19, с. 133]. Логике каждого знака может проявить испытание, значимое событие, оглядка на прошлое с высоты юбилейной даты. В 2022 г. к такому «моменту» приблизился Владимир Яковлевич Рушанин – ученый-историк, профессор, заслуженный работник высшей школы, действительный член (академик) Международной академии наук высшей школы, на протяжении 20 последних лет занимавший пост ректора Челябинского государственного института культуры и встретивший жарким июльским днем свое 70-летие. Выставка «Русская школа: прошедшее время в личной коллекции В. Я. Рушанина», состоявшаяся в Челябинской Центральной библиотеке им. А. С. Пушкина, стала его юбилейным подарком городу¹ [15].

Цель данной статьи – анализ феномена выставки частной коллекции в контексте концепции «музея одержимостей» Х. Зеемана. Задачи: анализ коллекционерской деятельности ученого-историка В. Я. Рушанина, рефлексия кураторской проекции «одержимости» коллекционированием как концептуальной основы выставочного проектирования в контексте институционального поворота.

Владимир Яковлевич Рушанин: жизнь как искусство одержимостей

1 сентября 1959 года за партой челябинской школы № 43 занял свое место первоклассник, который в дальнейшей своей жизни со школой не расставался никогда. Он не был круглым отличником и спустя 10 лет предъявил приемной комиссии авторитетного уральского вуза аттестат с тремя «тройками». Педагогам челябинских школ он запомнился учеником с первой парты, де-

¹ Выставка проходила с 24 июня по 30 сентября 2022 г. на базе Челябинской Центральной библиотеки им. А. С. Пушкина. Автор концепции, куратор – И. В. Андреева. Творческая группа студентов-дизайнеров: Е. Мартиросян, В. Хачина, А. Шарафутдинова.

монстративно читавшим на уроках физики и математики вузовские учебники истории Е. В. Тарле, Б. Д. Грекова, Б. А. Рыбакова и ратовавшим за усиление гуманитарной подготовки. Им, этим учителям, впоследствии будет адресовано благодарное посвящение его книги «Мария Васильевна Каменская. Школьная мама» [17]. Настойчивое желание заниматься наукой уже на школьной скамье не ускользнуло от их внимания. И ученые штудии его, как положено, начинались в тиши библиотек и архивов, которые вопреки правилам выдали читательские билеты старшекласснику, не достигшему совершеннолетия. Первая же работа, представленная научному обществу учащихся, заслужила одобрение и похвалу декана истфака Челябинского педагогического института Б. В. Григорьева, увидевшего в ней абрис дальнейшего научного поиска. Со временем сформировалась и окрепла уверенность в том, что не бывает науки школьной или студенческой. Есть романтика научного поиска, честолюбие, в равной степени присущие и академику, и активисту НОУ.

Уверенности в свершение возможностей добавляли герои-интеллектуалы романов Д. Лондона, С. Льюиса, Ю. Германа, Д. Гранина. Прочитанные в юности «Мартин Иден», «Дело, которому ты служишь», «Иду на грозу», «Искатели», «Эта странная жизнь» вдохновляли намерением «сделать что-то из себя», воодушевляли романтикой научного поиска, прокладывали траекторию будущего – напряженного и насыщенного трудом, ответственностью, интересом. Но... наука боролась с футболом. И только стремительно растущая близорукость «поставила крест» на спортивной карьере 15-летнего перворазрядника, энергию и одержимость свою перенаправившего на любимую историю.

Судьба послала мальчишке из рабочего района технократического Челябинска читающую семью; дедушку и бабушку из рода Бершей в недалеком купеческом городе Троицке, слывшем со времен великого шел-

кового пути своеобразными «воротами в Азию». Здесь, в этом городе, пришла в руки старинная коробочка – упаковка от мыла «Экономъ», может быть, исток рождавшейся одержимости знаками прошлого и начало будущей коллекции. В ранних детских опытах филумении сложились истоки коммуникативных коллекционерских практик. Источником пополнения собрания спичечных этикеток В. Рушанина в 1960-е гг. стала переписка на уровне школьника и директора Пензенской спичечной фабрики, правда, переадресованная им сыну-сверстнику адресанта с Урала.

Пройдет совсем немного лет и к картонке «Экономъ» присоединится трехгранная «букетница» из алюминиевого сплава с искусно гравированным орнаментом – памятный подарок лаосской делегации на международной артековской смене 1973 года, ставшей «трудовым семестром» для тогда уже студента Рушанина, а также «круглого» отличника и Ленинского стипендиата Челябинского государственного педагогического института. Сохранилась на «букетнице» англоязычная маркировка: лаосский кустарь «перековал мечи на орала», пустив в дело фрагменты обшивки самолета США, сбитого во время ковровых бомбардировок лаосских городов. Множество контекстов культурной биографии этой, по сути декоративной, безделушки многократно усилили ее знаковое звучание, стали опытом духовного освоения вещи, помогли сформироваться широкому взгляду на исторический источник.

Факты биографии ученого-историка В. Я. Рушанина не могут не впечатлять. В 26 лет он стал самым молодым кандидатом исторических наук на Урале и в СССР. В 1994-м, пройдя почти все ступени вузовской административной работы, защитил докторскую диссертацию. Сохраняя все эти годы верность магистральному исследовательскому направлению – истории становления и развития образования на Урале, – опубликовал свыше 780 работ, из которых 251 – персональные статьи, 15 книг и монографий,

подготовил к защите 19 диссертантов [8; 14]. Надо полагать, пришлось пройти и через искушения: в советское время – лестными предложениями комсомольско-партийной работы и привлекательностью карьеры служащего госдепа со всеми вытекающими привилегиями, начиная с «квартирного вопроса», в годы перестройки – многообещающими, но сомнительными бизнес-проектами.

Были в этой биографии успеха свои знаки и предначертания. Их можно усмотреть даже в, казалось бы, таком малозначительном эпизоде: в 1974 г. студент-практикант Рушанин получил из рук будущего губернатора Челябинской области В. П. Соловьева книгу академика М. В. Нечкиной «Василий Осипович Ключевский», признанную образцом научной биографии ученого. А спустя годы уже сам В. Я. Рушанин станет исследователем биографий троцких педагогов, директоров гимназий и автором книг о возвращенных именах И. А. Тихомирова и М. В. Каменской [16; 17].

Еще в детстве – отрочестве – юности В. Я. Рушанин сформировался как человек книги. Будучи старшеклассником, сделал свои первые приобретения, начал формировать библиотеку. Став ректором Челябинского государственного института культуры, инициировал создание Музея книги, комплекса личных библиотек видных ученых, педагогов, творцов, Музейного комплекса ЧГИК [13], регулярно обновляемых выставок челябинских художников [7], поддержал деятельность Челябинского клуба коллекционеров и библиофилов «Жемчужина». Результатом творческого сотрудничества ЧГИК с московским коллекционером В. Д. Новичковым стала Арт-лестница «Искусство Челябинска XX в.». Сегодня за именем В. Я. Рушанина прочно закрепился статус библиофила широкого тематического диапазона. Его книжное собрание насчитывает более 10 тыс. томов, а коллекция книжных памятников включает издания XVII–XIX вв. [12]. В 2020 г. тщательно обработан-

ное и каталогизированное коллекционером собрание книг с автографами пополнило фонды Научной библиотеки ЧГИК [9].

Конечно, нашла свое отражение в библиофильском собрании и главная тема жизни – история образования, дореволюционной школы, учебная и педагогическая литература, молодежные движения, учительские биографии. Эта одержимость питается не только кабинетной работой, но и маршрутами путешествий. Она же не позволяет пройти мимо документов, фотографий, альбомов, открыток конца XIX – начала XX в. За столетие, прошедшее со времени их владельцев, трижды сменились поколения потомков. Иные из них, не помня родства, несут обременительные архивы в лавки антикваров и букинистов. Здесь-то и находит их ученый-историк, не только приобретая, но и превращая в предметы коллекции, символическую ценность, визуальный исторический источник. Так за последнюю четверть века сложилось личное комплексное собрание, тематически объединенное историей русской школы, с заметным уклоном в регионалистику и локальную историю. Собрание, не имеющее аналогов в государственных музеях Уральского региона и дающее пищу для размышлений и о коллекционерском, и об учительском деле.

Значение коллекционирования в интеллектуальной биографии В. Я. Рушанина много шире рамок источниковой базы его научной и образовательной деятельности. Несколько книг коллекции с экслибрисами Э. Ф. Голлербаха стали толчком к началу исследования судьбы ученого и его собрания в историко-культурной ретроспективе, осмысления частных коллекций как феномена культуры [18]. В культурологическом аспекте практики собирательства являются формой сохранения и трансляции культурной памяти [10], а выставки частных коллекций – способом реализации этой формы в пространстве современной культуры. Неоднократно предметы личной коллекции В. Я. Рушанина экспонирова-

лись на тематических музейных выставках («Старый альбом: история в сафьяновом переплете», 2010 г.; «Просто жизнь на фоне войны», 2014; «Русская школа: прошедшее время», 2022). Неслучайно и сам ректор стал «объектом музеефикации», положив начало виртуальным персональным выставкам на сайте ЧГИК [4; 5].

Для понимания феномена коллекции важен и другой – биографический – контекст. Человек разносторонних интересов и увлечений, ученый, мыслитель, педагог, раздвигая рамки доступной реальности, создает свою субъективную вселенную, насыщенную знаками личной индивидуальности и самовыражения. В процессе поиска или случайной встречи, обретения вещи, рассматривания, изучения ее официального статуса и культурного контекста, каждый предмет собрания обретает особую ауру отношений с коллекционером, становится своеобразным эго-документом. «Коллекционеры – счастливые люди, – любит повторять Владимир Яковлевич. – В самые трудные минуты можно включить настольную лампу и уйти в свой внутренний мир. Коллекции лечат».

В статье об Э. Ф. Голлербахе Рушанин цитирует его новеллу 1938 г. о «настоящем» собирательстве «во имя преклонения перед творческим гением человечества. Это – одержимость» [Цит. по: 18, с. 38], – заключает коллекционер и мыслитель, прибегая к той же метафоре творческой энергии, которую, спустя несколько десятилетий, употребит для определения своего воображаемого музея Х. Зееман.

Выставка как репрезентация частной сферы

«Музей одержимостей» Х. Зеемана мог существовать только в воображении, как продолжающийся во времени и пространстве проект автономных выставок, в фокусе которых была не информация, а визуализация разных типов одержимостей и процесс творчества. Ради этого проекта им было

задумано «Агентство духовного гастарбайтерства» – единственно возможная форма преодоления институционального контекста, в которой куратор выступал независимым автором и художником, реализующим свой замысел «от концепции до гвоздя». Идея альтернативного музея снимала отрицательные коннотации «одержимости» и транслировалась Зееманом как «положительный род энергии» созидательного творчества [Цит. по: 19, с. 68]. «Музей одержимостей» был вызовом традиционалистской модели экспозиции, начиная с отказа от объективизма и историографической концепции, а следовательно, от беспристрастного анализа исторической фигуры и метода реконструкции, продолжаясь «чрезвычайно субъективной выборкой предметов» [19, с. 75] и воплощением «духовного пространства» пережитого опыта, в котором задача зрителя не наблюдать, а переживать собственные трансформации.

В «истории интенсивных намерений» (а именно так Х. Зееман воспринимал историю искусств и творческой мысли человечества) коллекционирование, идентичность коллекционера заняли одну из первых позиций [19, с. 76–77]. Этот тип одержимости был глубоко исследован им в работе над выставкой «Дедушка: такой же первооткрыватель, как и мы», где были представлены вещи, которые дед куратора собирал на протяжении своей жизни. Организующим принципом выставки было намерение, по словам Х. Зеемана, «найти такую форму, которая позволила бы моей интерпретации одной отдельно взятой человеческой жизни стать выставкой» [Цит. по: 19, с. 154]. Не только документировать жизнь отдельного человека, «но прежде всего сохранить живую память о нем», «воспроизвести в этом пространстве жизнь, пережитый опыт» [19, с. 175]. На пути к «живому портрету» и, шире – «живому музею» – Зееман положился на субъективизм личной вовлеченности и пристрастность в познании даровитости дедушки-парикмахера. Этот новый подход

к выставочной биографии сформировал представление о выставке как медиуме. Творческий метод швейцарского куратора проявил себя не столько в субъективном отборе вещей (большинство из которых были мемориальными), сколько в переводе фокуса внимания с предмета на процесс, отношение, усиливающие аурагические характеристики экспонатов, показывающие, что за видимым есть что-то еще – «другие измерения, способные помочь нам понять, что мы делаем на этой планете» [Цит. по: 19, с. 65]. Концептуально он был близок музейной интуиции отечественного философа Н. Ф. Федорова, который воспринимал «процессуальную» природу вещей как воплощение «некоторого действия, некоего изменения в жизни», «проекта новой жизни» [21, с. 87]. Опыт создания «Дедушки ...» вел Х. Зеемана к пониманию новых выставочных возможностей и миссии музея, «где сохраняется нечто хрупкое, где можно протестировать новые виды отношений» и «разгласить импульсы и движущие силы творчества» [Цит. по: 19, с. 74].

«Найти такую форму...»

«Частная вселенная» В. Я. Рушанина на выставке «Русская школа: прошедшее время» была представлена только одним аспектом коллекционирования, связанным с историей образования. Этот выбор неожиданно «вписался» в злободневную социокультурную повестку: открытие выставки состоялось за три дня до подписания указа Президента России об объявлении 2023 года Годом педагога и наставника, а на период ее действия пришлась знаменательная дата 220-летия создания в Российской империи Министерства народного просвещения, к сожалению, календарем культурных событий почти не замеченная. Тема русской школы могла быть решена посредством источниковедческой систематики письменных и визуальных материалов, ибо личное собрание щедро представлено дореволюционными

изданиями учебной и педагогической литературы, литографиями похвальных листов, документацией свидетельств, аттестатов и школьного делопроизводства, «наградными» книгами с вклейками поощрительных инсриптов в адрес успешных учеников, открытками с изображениями учебных заведений и типажей учащейся молодежи, фотопортретами гимназистов и групповыми снимками, девичьими и фотографическими альбомами конца XIX – начала XX в. Однако, формализация такого рода вряд ли была бы способна сказать что-то существенное об одержимости автора собрания наукой, коллекционированием, эстетикой века классического образования.

Мощная энергия научного творчества и собирательства ярко проявила себя в книгах В. Я. Рушанина о троичном учительстве – в уже упомянутых биографиях педагогов И. А. Тихомирова и М. В. Каменской [16; 17]. Повествование, охватывающее почти вековую историю русской провинциальной школы, поражает не только незаурядностью личностей и неординарностью реконструированных судеб ее ярких представителей, не только широтой контекстов, но и автобиографичностью исследовательского, академически взвешенного текста. Эти книги заражают романтикой поиска, радостью находок и открытий, исследовательским азартом, о которых школьником мечтал автор этих книг, впечатляют прикосновением к драме забвения и энтузиазмом восстановления исторической памяти. Личность автора-ученого, собирателя не просто разрозненных материалов о школе, а создателя коллекции, выступает синтезирующим и смыслообразующим началом целостного культурного текста о становлении классического образования в России. Предстояло увидеть эту коллекцию как систему кодов культуры определенного периода, вписать критическое мышление в сам процесс отбора и проектирования, а затем – в экспонирование и интерпретацию предметов коллекции. При этом удивительным

образом совпали установки классика авторского кураторства относительно деструкции классической модели музея и пожелания коллекционера: излишне пафосным для презентации частного мира представилось классическое музейное пространство. Еще не рожденная выставка искала гостеприимные стены там, где нет привычного музейного ограничения созерцанием, где «бумажные» материалы органичны среде, где находит поддержку идея книжности и пытливого или созерцательного погружения в текст. Выставочный зал Центральной библиотеки оказался наиболее приемлемым вариантом. И этот выбор естественным образом, с одной стороны, отразил новую институциональную перспективу музейных практик [6; 20], с другой – в очередной раз проявил «логику каждого знака», выступив напоминанием о первом трудовом опыте В. Рушанина в должности лаборанта-библиотекаря кабинета общественных наук, о первой публикации студента-историка далеких 1970-х гг., библиотеке посвященной, о глубинной сути самой научной работы.

Создание выставки в библиотеке стало опытом рефлексии взаимоотношений между наукой, коллекционированием и библиотекой, между собранием и его автором. Выставочный зал библиотеки в данном опыте не нейтральное пространство, а элемент экспозиции: для ее организации сознательно было использовано библиотечное оборудование – низкий напольный стеллаж и журнальные столики с незастекленными ячейками, где разместились книги библиотечного фонда для свободного выбора по теме выставки. Как форма аналитической рефлексии в пространство выставки был интегрирован библиотечный инвентарь – каталожный блок. Внутри его ящиков были помещены вкладыши с копиями задач, упражнений из дореволюционных учебных пособий, в том числе, например, многочленная дробь для устного счета педагога А. С. Рачинского, увековеченная сюжетом известной картины Н. П. Богданова-Бельского. В «Кабинете на-

чальницы гимназии» – небольшой средовой инсталляции (по терминологии Х. Зеемана – «энвайронменте») – проходили мастер-классы по каллиграфии на основе «Русского правописания» Н. А. Острогорского 1912 года.

Идею персональной выставки коллекционера можно было бы определить словами Н. Ф. Федорова: «Собирание научное, при коем наука не отделяет себя от нравственности» [21, с. 66], свидетельством чему – альтруистические социально-значимые проекты В. Я. Рушанина: им было инициировано открытие мемориальной доски в память об И. А. Тихомирове на здании бывшей Троицкой мужской гимназии, а также – проведение Тихомировских педагогических чтений (2012, 2022) в г. Троицке. Выставка была построена как система относительно самостоятельных кейсов, включающих предметы в проблемно-тематические контексты. Личность коллекционера на смысловом уровне объединяла экспозицию в единое целое. Образ ученого-историка раскрывался через постановку исследовательских задач и их решение с привлечением источников личной коллекции. Кейсы формулировались в форме заголовков-цитат, заимствованных из дореволюционных источников, на них опиралась и выставочная навигация: «Действительная польза выставок» или «Довольно полная картина современного состояния» – о Нижегородской Всероссийской промышленной и художественной выставке 1898 г., XIX раздел которой получил название «научно-учебного» и подвел итоги реформациям народного образования второй половины XIX в. (в фокусе раздела – издание аналитического отчета выставки [11]); ««Архивы роя...»: о чем рассказал аттестат?»; «Как сделаться учителем?»; ««Любезное дело» или «Учителя Божьей милостью»»; «От дворянской элиты до сынов крестьянских»; «Когда стихи в альбом писали...»; «Хорошая библиотека едва ли не так же важна». Означенные в них коды культуры касались статуса и достаточно привилегированного положения учителя

дореволюционной школы; системы социальных лифтов, которую формировали разные уровни образования; эстетики модерна и значения патриотической иконографии похвальных листов; воспитательного тренда на формирование лояльного к власти и законопослушного гражданина.

Выставка имела обширное пространство документации – начиная от переписки В. Я. Рушанина с архивными центрами и официальными институциями по поводу фактографии биографий педагогов, заканчивая многочисленной документикой дореволюционного школьного образования. Их композиционные раскладки и развески должны были проявить отношения между объектами, а сами они – выступить не только в роли свидетельств прошлого, но и стать отсылками к конкретным личностям. Так, несколько открыток из переписки с матерью троицкой гимназистки Анны Чулкиной вскрывали бытовые аспекты жизни девочки, вынужденной ради учебы в гимназии покинуть родной дом, позволяли прокомментировать систему помощи нуждающимся учащимся (Анна получала стипендию из общего войскового капитала оренбургского казачества), подтверждали факт познавательных прогулок и выездных «гуляний», инициированных начальницей М. В. Каменской. Коллекционеру удалось проследить дальнейшую судьбу А. Чулкиной, закончившей впоследствии медицинский факультет Пермского университета и ставшей известным врачом. Это ли не подтверждение уровня и качества образования, которое давала провинциальная гимназия?!

Многочисленные аттестаты и свидетельства демонстрировали возможности получения образования «детьми всех состояний», позволяли увидеть, что концепция всеобщего среднего образования как аспект государственной политики зародилась в пореформенной России и была отчасти реализована путем создания многоступенчатой, всесословной системы учебных заведений разных ведомств. Школьный аттестат – это и

ответ на вопрос об изучаемых дисциплинах и оценках, который резонирует с репертуаром школьных учебников и системой подготовки педагогических кадров – от восьмых педагогических классов гимназий до университетов и Высших Бестужевских курсов, а также с личным восприятием учеником процесса обучения, запечатленным в немногим числом сохранившихся личных дневниках.

Зеэмановская идея «живого музея» – «не столько сохранять, ... сколько открывать новое» [19, с. 33], и подход к выставке как медиуму реализовался не только через знаковые и символические измерения предметов, но и через их отношения с коллекционером. Все комментарии на выставке (за исключением этикетажа) были цитатами его книг и интервью, их синергия с экспонатами переносила в музейный контекст интенсивность переживания научного поиска, придавала вещам индивидуальность, выводила их значение за рамки исторической значимости. Даже разметка пространства зала живыми комнатными растениями подчеркивала приватный, «домашний» характер представленных документов личного происхождения: более столетия многие из них трепетно хранились в семьях, а затем оказались в *домашнем* собрании коллекционера.

Возвращаясь к приведенной ранее цитате, можно заметить, что не только определенный момент жизни, но и определенный способ визуализации способен сделать «явным каждый знак». Выставка «Русская школа: прошедшее время» была выполнена в классическом дизайне планшетных решений и витринных раскладок, без световых эффектов и дорогостоящих материалов, в условиях бюджетных ограничений. Образ «частной вселенной» опирался на эстетический потенциал самих экспонатов – документов, открыток, альбомов, каллиграфию рукописных текстов. Их важность и значимость, тематическая группировка, ассоциативные связи и интерпретации определялись куратором в значительной степени интуитивно и субъективно. Сама же кураторская позиция

наряду с исследованием искусства одержимости главного героя – Владимира Яковлевича Рушанина – вдохновлялась его образцовым опытом равновесной самореализации в социальном активизме, научно-образовательной и научно-творческой деятельности, в частном коллекционировании.

Представленный в статье опыт музейной презентации частной коллекции сквозь призму концепции авторского кураторства продемонстрировал оригинально возрождающиеся в современной культуре идеи Х. Зеемана о специфике выставочной визуализации уникального жизненного мира человека. Пространство коллекционирования и частного собрания в жизни В. Я. Рушанина измеряется координатами Дома и

Кабинета, географией путешествий к тем уголкам земли, чьим воздухом когда-то дышали его герои; местами магнитного притяжения старых книг, вещей и документов. Это пространство, как осмысленное *место* личности, смыкается с миром «большой» и локальной истории, биографией уральского учительства, микроисторией предмета. Ему свойственны качества неклассической модели экспериментального исследования – перформативный характер, событийность, тактильность, принципиальная фрагментарность и незавершенность, которые являются принципами постоянного развития этого пространства [1], делая его открытым диалогом с традицией и современной культурой.

Список литературы

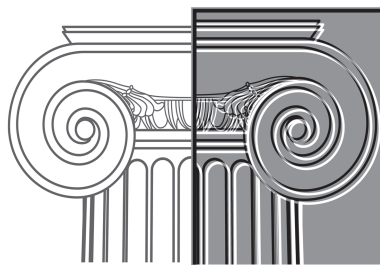
1. Балаш А. Н. Вальтер Беньямин о коллекционировании // Вестник СПбГИК. 2020. № 2 (43). С. 6–11.
2. Балаш А. Н. Концепция «лирического музея» М. Н. Эпштейна в контексте отечественной гуманитарной традиции и художественной практики последней четверти XX в. // Вестник СПбГУКИ. 2016. № 3 (28). С. 107–111.
3. Бирюкова М. В. Музей воображаемый vs музей реальный: концепции гипотетических музеев второй половины XX века // Международный журнал исследований культуры. 2016. № 3 (24). С. 87–95.
4. Выставка «Владимир Рушанин. Грани одной личности» [Электронный ресурс]. URL: <https://chgik.ru/rector/>
5. Выставка «Человек культуры: биография представителя династии» [Электронный ресурс]. URL: <https://chgik.ru/exhibition/sinetsky/>
6. Воронцова Е. А. Музеи – библиотеки – архивы в эпоху противоборства глобализации, глокализации, антиглобализма // Современные тенденции в развитии музеев и музееведения. Новосибирск, 2017. С. 44–49.
7. Галерея «Академия». 2004–2008: кат. худож. коллекции ЧГАКИ / сост. И. В. Андреева. Челябинск, 2009. 79 с.
8. Историческая научная школа В. Я. Рушанина в лицах: каталог / сост. Ю. В. Гушул. Челябинск : ЧГИК, 2022. 103 с.
9. Книги с автографами и дарственными надписями в библиотеке В. Я. Рушанина / сост. В. Я. Рушанин, авт. вступ. ст. А. В. Штолер. Челябинск : ЧГИК, 2020. 239 с.
10. Ключанова Л. Г. Частное коллекционирование как предмет культурологических исследований // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2015. Т. 210. С. 246–354.
11. Ковалевский Е. П. Народное образование на Всероссийской выставке в Н. Новгороде в 1896 г. Санкт-Петербург, 1897. 463 с.
12. Коллекция книжных памятников в библиотеке В. Я. Рушанина : комплект открыток (10 шт.) / сост., авт. вступ. ст. В. Я. Рушанин. Челябинск : ЧГИК, 2020.

13. Музейный комплекс: путеводитель / сост. В. Я. Рушанин, А. В. Лушникова, Н. В. Овчинникова. Челябинск, 2013. 104 с.
14. Научная школа Владимира Рушанина: диалоги об истории / сост.: Штолер А. В., Терехов А. Н., Тузовский И. Д. Челябинск : Челябинская государственная академия культуры и искусств, 2012. 270 с. : ил., портр.
15. Русская школа: прошедшее время // МКУК «Централизованная библиотечная система» г. Челябинска: официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://chelib.ru/posters/russkaja-shkola-proshedshee-vremja-iz-kollekcii-v-ja-rushanina/>
16. *Рушанин В. Я.* Иван Александрович Тихомиров. Возвращение забытого имени. Челябинск : Изд-во Игоря Розина, 2016. 431 с.
17. *Рушанин В. Я.* Мария Васильевна Каменская. Школьная мама. Челябинск : Челябинский государственный институт культуры. 2019. 283 с.: фото.
18. *Рушанин В. Я.* Судьба коллекции Эриха Голлербаха: историко-культурная ретроспектива / В. Я. Рушанин, Л. Б. Зубанова // Вестник культуры и искусств. 2022. № 1 (69). С. 37–47.
19. *Тейшейра М. Р.* Выставка как средство самовыражения: Харальд Зеeman. «Дедушка: такой же первооткрыватель, как и мы» (1974). Москва : V–A–S Press, 2022. 208 с., ил.
20. Трансформации музеев-библиотек-архивов и информационное обеспечение исторической науки в информационном обществе: сборник статей по материалам научно-практического семинара. ИНИОН РАН, 21 февраля 2017 г. / авт.-сост. Е. А. Воронцова; ИНИОН РАН. Москва : ИНИОН РАН, 2017. 320 с.
21. *Федоров Н. Ф.* Музей, его смысл и назначение // Авангардная музеология / под ред. А. Жилиева. Москва : V-A-S press, 2015. С. 45–102.
22. *Daniel Spoerri* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.moreeuw.com/histoire-art/daniel-spoerri.htm#daniel-spoerri>
23. *Cempellin L.* Daniel Spoerri's localisms: the Musée Sentimental Chapter // Cempellin L. The Ideas, Identity and Art of Daniel Spoerr. Wilmington : Vernon Press, 2017. 229 p.

*

Поступила в редакцию 14.12.2022

БИБЛИОТЕЧНО-
ИНФОРМАЦИОННАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Е.И. Кузьмин как основоположник научной школы исследований по государственной библиотечной политике

УДК 02

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-1111-142-149>

С. В. Соколов

Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук,
Москва, Российская Федерация
e-mail: beholder73@gmail.com

Аннотация: В статье представлен жизненный путь и эволюция взглядов Е. И. Кузьмина на государственную библиотечную политику. Показана значимость в концепции Е. И. Кузьмина таких факторов, как культурное и региональное разнообразие, а также – важность гражданских инициатив в развитии библиотечного дела. С использованием инструментария базы цитирований Elibrary определен круг его коллег и научных преемников. Особенно выделено творчество В. Р. Фирсова в развитии идей Е. И. Кузьмина. Отмечено переосмысление Е. И. Кузьминым значимости государственного фактора в 10-х годах XXI века, а также зафиксирован рост его внимания к информационной политике как системообразующему элементу в государственной библиотечной системе.

Ключевые слова: государственная библиотечная политика, библиотечная политика, информационная политика, Кузьмин Е. И., библиотековедение, управление библиотечным делом.

Для цитирования: Соколов С. В. Е. И. Кузьмин как основоположник научной школы исследований по государственной библиотечной политике // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2023. №1 (111). С. 142–149. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-1111-142-149>

E. I. KUZMIN AS THE FOUNDER OF THE SCIENTIFIC SCHOOL OF RESEARCH ON STATE LIBRARY POLICY

Sergei V. Sokolov

Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation
e-mail: beholder73@gmail.com

Abstract: The article presents the life path and evolution of E. I. Kuzmin's views on the state library policy. The importance of such factors as cultural and regional diversity in the concept of E. I. Kuzmin, as well as the importance of civic initiatives in the development of librarianship, is shown. Using the eLibrary citation database tools, the circle of his colleagues and scientific successors was determined. The creativity of

СОКОЛОВ СЕРГЕЙ ВАЛЕРЬЕВИЧ – заведующий научно-исследовательским отделом библиотековедения,
Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук

SOKOLOV SERGEI VALERIEVICH – Head of Research Department of Library Science, Institute of Scientific
Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences

© Соколов С. В., 2023

V. R. Firsov in the development of the ideas of E. I. Kuzmin is particularly highlighted. The reinterpretation of E.I. is noted. Kuzmin noted the importance of the state factor in the 10s of the XXI century, as well as the growth of his attention to information policy as a system-forming element in the state library system.

Keywords: state library policy, library policy, information policy, Kuzmin E.I., library science, library management.

For citation: Sokolov S. V. E. I. Kuzmin as the founder of the scientific school of research on state library policy. *Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2023, no. 1 (111), Pp. 142–149. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-1111-142-149>

Введение

Библиотечная политика – направление информационной политики, связанное с деятельностью органов государственной власти и общественных структур, отдельных организаций, определяемое общественно значимыми целями и имеющее объектом приложения библиотеки и (или) библиотечное дело. Данное определение, за исключением вводной части, связанной с информационной политикой, полностью повторяет определение библиотечной политики, данное Е. И. Кузьминым в «Библиотечной энциклопедии» [2]. Ю. Н. Столяров в рецензии [13] на книгу Е. И. Кузьмина «Библиотеки России на рубеже тысячелетий. Государственная политика и управление библиотечным делом: смена парадигмы» [3] утверждал, что никто до Е. И. Кузьмина не ставил напрямую вопрос, «в чем состоит государственная библиотечная политика?». Задача настоящего исследования – определить научных соратников и преемников Е. И. Кузьмина, показать его вклад, а также – эволюцию его взглядов в исследовании библиотечной политики.

Образование и работа в Министерстве культуры Российской Федерации. Преподавание в Московском государственном университете культуры и искусств

Евгений Иванович Кузьмин родился 4 апреля 1955 года в Нелидове. В 1973 году

поступил в Московский институт электроники и математики, который окончил в 1978 году. В том же году он поступил в Литературный институт имени А. М. Горького, который окончил в 1986 году, одновременно с этим работая научным сотрудником в Институте металлургии АН СССР с 1978 по 1984 год. Во время учебы в Литературном институте имени А. М. Горького Е. И. Кузьмин проходил практику в «Литературной газете» в качестве обозревателя, где оставался до 1992 года. В период 1992–2005 гг. он стоял во главе библиотечного управления Министерства культуры Российской Федерации. Под его руководством появились и были реализованы такие программы, как создание общероссийской сети публичных центров доступа населения к правовой информации и Программы информационно-библиотечной компьютерной сети ЛИБНЕТ, всероссийских программ информатизации библиотек и Национальной программы сохранения библиотечных фондов. Он являлся одним из главных разработчиков Национальной программы поддержки и развития чтения, а также Концепции программы поддержки и развития детского и юношеского чтения. В 1997–2007 гг. Е. И. Кузьмин работал в Московском государственном университете культуры и искусств, где возглавлял кафедру управления информационно-библиотечной деятельностью, вел научно-методологические семинары для профессорско-преподавательского состава библиотечного факультета МГУКИ. В 2003 году был награжден Благодарностью Министра

культуры Российской Федерации за активную работу по организации мероприятий, связанных с реконструкцией здания Центра восточной литературы Российской государственной библиотеки. Скончался 12 февраля 2023 года.

**Плюралистический подход
Е. И. Кузьмина в понимании
библиотечной политики
как составной части культурной
и региональной политики**

В своей диссертации «Государственная библиотечная политика в России в переходный период: формирование и реализация» Е. И. Кузьмин назвал своих научных предшественников [4, с. 6] и отметил заслуги в исследовании государственной библиотечной политики В. В. Серова [10] и О. С. Чубарьяна [15]. Последнего Ю. Н. Столяров назвал родоначальником исследования данного вопроса «со стороны» [13]. Е. И. Кузьмин констатировал, что в конце 90-х годов XX века в России сложилась «многосубъектная (полисубъектная) многоуровневая общенациональная библиотечная политика с заметной государственной (как федеральной, так и региональной), муниципальной, общественно-профессиональной и благотворительной составляющими» [3, с. 152]. Список различных видов политик, подразделяющихся по такому основанию, как субъекты библиотечной политики, представлен понятиями: «федеральная политика, политика Президента России, политика Администрации Президента, политика Правительства России, региональная политика, региональная политика Правительства и т. д.» [3, с. 55]. В этом списке нет государственной информационной политики. На этапе развития информационного общества России в конце 90-х годов XX века государственную информационную политику автор не рассматривал как приоритетную для библиотечной сферы. На страницах своей мо-

нографии «Библиотечная Россия на рубеже тысячелетий: Государственная политика и управление библиотечным делом: смена парадигмы» (1999 г.) Е. И. Кузьмин писал, что «к сожалению, однако, государственная информационная политика пока еще делает только первые шаги, у нее нет навыка всерьез воспринимать в расчет библиотеки и нет серьезно развитой инфраструктуры, на которые она смогла бы опираться» [3, с. 68]. Библиотечную политику автор рассматривал как «информационную и культурную политику» [3, с. 9], причем вторая составляющая этого определения имела для автора приоритетное значение. В монографии Е. И. Кузьмин упоминал немецкий опыт проведения европейской конференции в Бонне, которая называлась «Информационная политика как культурная политика». Само название конференции доказывало, считал автор, что «в информационный век в странах с развитой демократией и рыночной экономикой информационная политика вообще стала рассматриваться как часть культурной политики. И в этом заключено признание того, что, во-первых, информационные воздействия оказывают решающее влияние на культурные стереотипы и образцы, культурное поведение людей, а, во-вторых, что огромные массивы накопленной человечеством информации – это есть его культурное достояние» [3 с. 162]. В 1990-е годы Е. И. Кузьмин скептически относится к идее признания за «абстрактной» центральной властью, государством, право «называть себя единственным выразителем воли всего народа и претендовать на обладание истиной» [4, с. 76]. Для идеального государственного устройства, то есть по образу и подобию «западных демократий», система государственного управления должна строиться «снизу вверх, когда каждому вышестоящему органу власти полномочия делегируются снизу». Основная гипотеза его диссертационного исследования заключается в следующем утверждении: «Общее состояние дел в библиотеках, уро-

вень и качество библиотечного обслуживания населения сегодня все больше начинает определять не государственная политика, а институты гражданского общества, где институт власти лишь один из многих других» [3, с. 6]. Критическое отношение к государственной политике логичным образом переплетается в диссертации и монографиях Е. И. Кузьмина с повышенным интересом к нижестоящим субъектам культурной и образовательной сферы, к общественным инициативам и региональным акторам. Исследование региональных библиотек как субъектов культурно-библиотечной политики позволит, по мнению автора, «оценивать социокультурный контекст в региональном библиотечном разрезе; измерять нарастающие неоднородности библиотек, выявлять активно развивающиеся и депрессивные в библиотечном отношении регионы и на этой основе планировать в отношении них мероприятия государственной культурной политики» [3, с. 10].

Статья Е. И. Кузьмина «Библиотечная политика» [2, с. 176–178] в Библиотечной энциклопедии 2008 года была написана в соавторстве с Т. Л. Маниловой, ведущим специалистом по организации сети общедоступных библиотек в регионах Российской Федерации. Для данного определения библиотечной политики характерно упоминание «общественных структур» и «общественно значимых» целей в формировании библиотечной политики, что отражает либеральные взгляды автора в 90-х годах XX века на плюралистичную сущность библиотечной политики. «Социально-политические преобразования в начале 90-х гг. в России отмечены, прежде всего, появлением разных субъектов библиотечной политики, в том числе самостоятельной политики регионального звена государственного управления и органов местного самоуправления» [2, с. 177]. В статье, посвященной Библиотечной энциклопедии, С. В. Соколов отмечает, что для статей этого научного сборника характерен заниженный интерес к инс-

титутам и организациям государственной библиотечной политики, что показывает, например, отсутствие статей, упоминающих Министерство науки и высшего образования или Министерство культуры [11]. Понимая библиотечную политику как политику прежде всего культурную, Е. И. Кузьмин в своей диссертации и обобщающей монографии, статьях и методических материалах первый в истории отечественного библиотековедения поставил вопросы исследования государственной библиотечной политики, провел анализ различных форм политической субъектности в управлении библиотечной отраслью.

Анализ творческого наследия Е. И. Кузьмина при помощи наукометрической системы elibrary позволяет оценить, какие из его работ оказали особенное влияние на развитие идей библиотековедения в России. 90 % работ, цитирующих статьи и работы Е. И. Кузьмина, связаны, согласно elibrary, с библиотечной регионалистикой. Из работ, цитирующих статью Энциклопедии и написанной Е. И. Кузьминым и Т. Л. Маниловой, библиометрическая система elibrary выделяет монографию Е. В. Лынный «Региональная библиотечная политика: особенности формирования и реализация» [7], посвященную особенностям формирования и реализации региональной культурной политики на материале Краснодарского края. В своей монографии и диссертации автор делает вывод, что «формирование и реализация библиотечной политики на территории Краснодарского края определяется рядом следующих факторов: территориально-дифференцированным характером библиотечных проблем, уровнем социально-экономического развития районов края, социокультурной спецификой, степенью участия местных бюджетов в финансировании деятельности муниципальных общедоступных библиотек, проводимой региональной политикой, позицией властных структур, личностью руководителя, активностью профессионального

библиотечного сообщества» [7, с. 91]. Следует отметить, что социально-экономическая база исследований Е. В. Лынный и ее внимание к региональным экономическим проблемам коррелирует с пониманием Е. И. Кузьминым значимости регионально-го звена в его определении библиотечной политики.

Статья Е. И. Кузьмина «Сохранение информации: прошлое, настоящее, будущее» [6] стала одним из научных ориентиров в диссертации Е. Ю. Путинцевой «Аксиосфера библиотеки в контексте трансляций ценностей региональной культуры» [9]. В статье Е. И. Кузьмина говорится, в том числе о превращении региональных библиотек «в ведущих западных странах» в библиотеки-репозитории и значимости региональных библиотек в сохранении регионального обязательного экземпляра. «Ответственность за вечное хранение национального репертуара печати начала перераспределяться: хранение региональной и местной печати начали брать на себя региональные, специализированные и даже местные публичные библиотеки, которые постепенно становятся депозитариями местных публикаций» [6, с. 15]. Представляя разнообразие фондов Забайкальской краевой универсальной научной библиотеки им. А. С. Пушкина, Е. Ю. Путинцева, руководствуясь положениями и выводами научных работ Е. И. Кузьмина, описывает ее деятельность по выполнению функций региональной книжной палаты [9, с. 49].

Признание Е. М. Кузьминым значимости информационной политики как основы библиотечной политики в начале XXI века

В первом десятилетии XXI века произошли серьезные изменения в мировоззрении Е. И. Кузьмина, прежде всего связанные с переосмыслением значимости государственного и информационного фактора в библиотечной политике. Это-

му способствовала ответственная работа Е. И. Кузьмина с 2003 по 2005 г. в Правлении Международной федерации библиотечных ассоциаций и учреждений (ИФЛА), а с 2010 г. впервые в истории России и ЮНЕСКО – на посту председателя межправительственного совета Программы ЮНЕСКО «Информация для всех». В 2014 г. он стал заместителем председателя Совета, руководил рабочей группой ЮНЕСКО по сохранению языков и развитию многоязычия в киберпространстве. Статья Е. И. Кузьмина «Закулисье глобального информационного общества: библиотеки и большая политика» [5] была написана по материалам доклада на Ежегодном совещании руководителей федеральных и центральных региональных библиотек субъектов Российской Федерации (2012 г.). Рассмотрение основных проблем информационного общества, с которыми сталкивается российское интернет-пространство – создание общих принципов информационной этики, вытеснение русского языка из стран ближнего зарубежья, манипуляция информацией и информационная безопасность – приводит автора к выводу: «нужен тщательный отбор информации, нужны ее ответственные хранители, нужны навигаторы информации, то есть библиотеки и библиотекари» [5, с. 17]. На данную работу, согласно elibrary, ссылаются авторитетные работы Т. Ф. Берестовой [1], Л. В. Сокольской [12], посвященные общетеоретическим вопросам библиотекведения и библиографведения. Из фундаментальных работ, посвященных региональной политике, ссылающихся на эту статью, следует выделить также диссертационное исследование В. А. Мутьева «Управление государственными программами регионального уровня в библиотечно-информационной сфере: теоретико-методологический и организационный подходы». В. А. Мутьев, цитируя Е. И. Кузьмина [8, с. 73], ссылается на упоминаемый им «программный подход», основные целевые программы для развития библиотечного

дела, такие как Национальная электронная библиотека, общероссийская компьютерная сеть Либнет, Национальная программа сохранения библиотечных фондов и т.д. Опираясь на позицию Е. И. Кузьмина, В. А. Мутьев делает основной вывод своей диссертационной работы о «роли программно-целевого подхода в стратегическом управлении библиотечно-информационной отраслью» [8, с. 10].

Развитие идей Е. И. Кузьмина в творчестве В. Р. Фирсова

Теоретические положения Е. И. Кузьмина с переосмыслением значимости государственного фактора в библиотечной отрасли развил В. Р. Фирсов в своей докторской работе «Регулирование деятельности библиотек на основе законодательства в области библиотечного дела» (Санкт-Петербург, 2000) [14]. В. Р. Фирсов отказался от культурантропоцентризма Е. И. Кузьмина в понимании библиотечной миссии и писал о равной ценности различных функций библиотек: «Библиотека по своей сути является полифункциональным социальным институтом – информационным, культурным, образовательным» [14, с. 12]. В. Р. Фирсов отмечал изменение соотношения библиотечных функций за последние десятилетия: «Библиотека не только продолжает выполнять свою традиционную роль, но и имеет тенденцию все более превращаться в информационного посредника, обеспечивая пользователю доступность ресурсов, сосредоточенных в библиотечных и библиотечно-информационных сетях» [14, с. 4]. В. Р. Фирсов использует термин «государственная информационная политика», руководствуясь терминологией таких документов, как Концепция государственной информационной политики (1998) и Концепции формирования и развития законодательства в сфере информации, информатизации и информационной безопасности в Российской Федерации (1995). Основные

направления государственной библиотечной политики как части информационной политики были раскрыты автором через «обоснование необходимости и формулирование перспектив законодательного регулирования деятельности библиотек в рамках формирующегося информационного права» [14, с. 7, 20, 284]. В. Р. Фирсов в анализе правовых аспектов государственной информационной политики также уделял значительное место региональному фактору. Один из важнейших вопросов диссертации, в постановке автора, звучал так: «Какова роль различных уровней государственного устройства в обеспечении библиотечной деятельности в условиях федеративного государства?» [14, с. 6]. Необходимость переосмысления культурной политики в России была связана, по мнению автора, с переходом к «реальному, (правильнее даже будет сказать, экстремальному) федерализму», при котором особая роль в развитии культуры отводится федеральному центру [14, с. 30]. Подчеркивая значимость работ Е. И. Кузьмина в определении субъектности библиотечной политики [14, с. 30], В. Р. Фирсов также выделяет в качестве основания их типологизации деление по формам собственности и относит к «государственной собственности республик, краев, областей Российской Федерации прежде всего центральные региональные библиотеки (универсальные научные, детские, юношеские, для слепых и т.д.)». Примечательно упоминание автором вида исследуемых библиотек как «универсальных научных», что было характерно для нормативно-библиотечной лексики конца XX века. Например, «директорские конференции», «Универсальная научная библиотека как центр информационно-библиотечного обслуживания региона» (Кемерово, 1996), «Современная универсальная научная библиотека на рубеже тысячелетий» (Челябинск, 1998) [15, с. 264], что было заменено позже терминологическими штампами «универсальные региональные биб-

лиотеки» или «центральные библиотеки субъектов Российской Федерации».

Заключение

Значение взглядов Е. И. Кузьмина на библиотечную политику как составную часть культурной и региональной политики, его внимание с начала XXI века к государственной информационной политике, которая вошла в теоретический и практический инструментарий другого значительного исследователя библиотечной политики – В. Р. Фирсова, сложно переоценить. Работа Е. И. Кузьмина 2013 года на 10 лет опередила свое время и стала предвестником новых подходов к информационной

политике, политике с учетом государственных национальных интересов, защиты интересов российских граждан, поддержки интересов библиотек, роль которых только начинает переосмысляться в новой государственной информационной стратегии. Внимание к творчеству Е. И. Кузьмина позволяет библиотечным аналитикам и информационным стратегам также не уходить от основных принципов развития библиотечного дела – понимания значимости библиотечного, культурного и регионального разнообразия, важности первичных, низовых инициатив библиотечных сообществ, которые являются неотъемлемой и наиболее значимой частью пространства национальной библиотечной и книжной культуры.

Список литературы

1. Берестова Т. Ф. Парадигмы библиографоведения: книга, документ, ресурс: очерки о прошлом и будущем библиографической науки. Челябинская государственная академия культуры и искусств. Челябинск : Челябинский государственный институт культуры, 2014. 490 с.
2. Кузьмин Е. И. Библиотечная политика / Е. И. Кузьмин, Т. Л. Манилова // Библиотечная энциклопедия / Российская государственная библиотека. Москва : Пашков дом, 2007. С. 176–178.
3. Кузьмин Е. И. Библиотечная Россия на рубеже тысячелетий: Государственная политика и управление библиотечным делом: смена парадигмы. Москва : Либерия, 1999. 223 с.
4. Кузьмин Е. И. Государственная библиотечная политика в России в переходный период: формирование и реализация: диссертация ... кандидата педагогических наук. Москва, 2001. 239 с.
5. Кузьмин Е. И. Закулисье глобального информационного общества: библиотеки и большая политика // Библиотековедение. 2013. № 2. С. 13–18.
6. Кузьмин Е. И. Сохранение информации: прошлое, настоящее, будущее // Библиотековедение. 2012. № 3. С. 11–16.
7. Лынный Е. В. Региональная библиотечная политика: особенности формирования и реализация. Москва : Литера, 2009. 105 с.
8. Мутьев В. А. Управление государственными программами регионального уровня в библиотечно-информационной сфере: теоретико-методологический и организационный подходы: диссертация ... кандидата педагогических наук. Санкт-Петербург, 2017. 229 с.
9. Путинцева Е. Ю. Аксиосфера библиотеки в контексте трансляции ценностей региональной культуры. Чита : Забайкальский государственный университет, 2017. 161 с.
10. Серов В. В. Совершенствование системы библиотек в развитом социалистическом обществе: Вопросы теории и практики. Москва : Книга, 1981. 271 с.
11. Соколов С. В. На пути к библиотечной Википедии // Румянцевские чтения – 2021: материалы Международной научно-практической конференции (21–23 апреля 2021 г.): [в 2 ч.] / Министерство культуры Российской Федерации, Российская государственная библиотека, Библиотечная ассамблея Евразии. Часть 2. Москва : Пашков дом, 2021. С. 349–357.

12. *Сокольская Л. В.* Библиотека нового типа: компоненты конструкции. Челябинск : Челябинский государственный институт культуры, 2019. 179 с.
13. *Столяров Ю. Н.* Книга о библиотечной политике, ее плюсы и минусы [Электронный ресурс]. // Научные и технические библиотеки. 2001 № 1: URL: https://www.gpntb.ru/win/ntb/ntb2001/ntb1_2001/f01_19.html
14. *Фирсов В. Р.* Регулирование деятельности библиотек на основе законодательства в области библиотечного дела: диссертация ... доктора педагогических наук. Санкт-Петербург, 2000. 362 с.
15. *Чубарьян О. С.* Проблемы теории и практики библиотечного дела в СССР: Избранные труды / [Вступ. статья В. В. Серова, Е. А. Фенелонова]. Москва : Книга, 1979. 264 с.

*

Поступила в редакцию 20.01.2023

В ВОЗМОЖНОСТИ БИБЛИОТЕКИ В ФОРМИРОВАНИИ И РАЗВИТИИ SOFT SKILLS

УДК 021

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-1111-150-164>

М. В. Маслакова

Тюменский государственный институт культуры,
Тюмень, Российская Федерация
e-mail: mv.maslakova@gmail.com

И. В. Толстоухова

Тюменский индустриальный университет,
Тюмень, Российская Федерация
e-mail: i_tolstouhova@inbox.ru

Аннотация: Цифровая трансформация способствует изменению формата работы библиотечных специалистов, требует, помимо базовых навыков и опыта, «гибких навыков» и специальных компетенций. Специалисты библиотечно-информационной деятельности находятся в быстро меняющихся условиях, требующих разнообразных навыков, стратегического мышления, способствующего постоянному транслированию инновационных идей для сбора, обработки и обмена знаниями, а также демонстрации и реализации эффективных трендов. В работе представлен состав «гибких навыков», востребованных на рынке труда. Термин «гибкие навыки» трактуется как необходимые личностные и социальные качества, не зависящие от приобретенных знаний, включающие в себя критическое и стратегическое мышление, вербальные коммуникации, коллаборацию, креативность и дружелюбие. Цель статьи – раскрыть возможности библиотеки в формировании и развитии «гибких» навыков у пользователей библиотеки через организацию мероприятий. Специалистами предлагаются разнообразные методы развития soft skills. В качестве примера в статье приведена общая схема мастер-классов для формирования и развития «гибких» навыков. В настоящее время имеется устойчивый спрос на библиотечно-информационных специалистов, обладающих разносторонними способностями в области цифровых навыков, управленческой деятельности, клиентоориентированности наряду с soft skills. Как и в любой другой профессии, soft skills требуются в повседневной работе для более эффективного выполнения рутинной работы.

МАСЛАКОВА МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА – кандидат педагогических наук, доцент кафедры библиотечно-информационной деятельности, Тюменский государственный институт культуры

ТОЛСТОУХОВА ИРИНА ВАСИЛЬЕВНА – кандидат педагогических наук, доцент кафедры гуманитарных наук и технологий, Тюменский индустриальный университет

MASLAKOVA MARIA VLADIMIROVNA – CSc in Pedagogy, Associate Professor at the Department of Library and Information Activity, Tyumen State Institute of Culture

TOLSTOUKHOVA IRINA VASILYEVNA – CSc in Pedagogy, Associate Professor at the Department of Humanities and Technology, Tyumen Industrial University

© Маслакова М.В., Толстоухова И.В., 2023

Ключевые слова: «гибкие» навыки, soft skills, «мягкие» навыки, универсальные знания, профессиональные компетенции, цифровая трансформация, непрерывное образование, профессиональное развитие.

Для цитирования: Маслакова М. В., Толстоухова И. В. Возможности библиотеки в формировании и развитии soft skills // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2023. №1 (111). С. 150–164. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-1111-150-164>

LIBRARY OPPORTUNITIES IN HEREDITY AND THE DEVELOPMENT OF SOFT SKILLS

Maria V. Maslakova

Tyumen State Institute of Culture,
Tyumen, Russian Federation
e-mail: mv.maslakova@gmail.com

Irina V. Tolstoukhova

Tyumen Industrial University,
Tyumen, Russian Federation
e-mail: i_tolstouhova@inbox.ru

Abstract: Digital transformation contributes to changing the format of the work of library specialists, requires, in addition to basic skills and experience, “flexible skills” and special competencies. Specialists in library and information activities are in rapidly changing conditions that require a variety of skills, strategic thinking, contributing to the constant transmission of innovative ideas for the collection, processing and exchange of knowledge, as well as the demonstration and implementation of effective trends. The paper presents the composition of “flexible skills” in demand in the labor market. The term “flexible skills” is interpreted as necessary personal and social qualities, independent of acquired knowledge, including critical and strategic thinking, verbal communication, collaboration, creativity and friendliness. The purpose of the article is to reveal the possibilities of the library in the formation and development of “flexible” skills among library users through the organization of events. Specialists offer a variety of methods for the development of soft skills, as an example, the article provides a general scheme of master classes for the formation and development of “flexible” skills. Currently, there is a steady demand for library and information specialists with versatile abilities in the field of digital skills, management, customer orientation, along with soft skills. As in any other profession, soft skills are required in everyday work to perform routine work more efficiently.

Keywords: soft skills, universal knowledge, professional competencies, digital transformation, continuing education, professional development, continuing education.

For citation: Maslakova M. V., Tolstoukhova I. V. Library opportunities in heredity and the development of soft skills. *Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2023, no. 1 (111), Pp. 150–164. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-1111-150-164>

Современный период развития общества и таких сфер деятельности, как образование и культура, претерпевают парадигмальные, методологические и методические

изменения в познании их сущности. Эффективность пассивной трансляции умений, знаний и навыков снижается, а гибкие модели, ориентированные на подготовку уни-

версальных специалистов, становятся более востребованными.

Изменение ценностей в период трансформации общества модифицирует институты образования и культуры, которые объединяет главная ценностная установка – учить учиться. Концепция образования в течение жизни нацелена на самостоятельное проектирование мировоззренческих взглядов человека, помогающих ему принимать решения в неопределенных, нестандартных ситуациях. По мнению А. Асмолова, в общеобразовательных учреждениях школьника нужно обеспечить универсальными знаниями, научить выживать в условиях неопределенности, самостоятельно находить информацию и пользоваться ею, а не только выдавать конкретные знания или алгоритмы получения этих знаний, то есть, к примеру, не дать человеку рыбу, а научить его ловить рыбу в любой реке. Библиотеки, в свою очередь, наряду с дополнительными учреждениями также способны «выдавать» универсальные знания и не всегда в виде готовых рецептов, конкретных книг и ресурсов, а посредством мотивационных мероприятий «учить учиться», ведь человек, имеющий такую установку, приобретает адаптационные возможности, обладает более гибким мышлением и готов к изменениям.

Экономические, политические, социальные изменения воздействуют на культуру, а библиотеки, в свою очередь, способны по-новому транслировать свой потенциал. Согласно Указу Президента Российской Федерации «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» определены следующие задачи: «модернизация профессионального образования, в том числе, посредством внедрения адаптивных, практико-ориентированных и гибких образовательных программ; формирование системы непрерывного обновления работающими гражданами своих профессиональных знаний и приобретения ими

новых профессиональных навыков, включая овладение компетенциями в области цифровой экономики всеми желающими; подготовка кадров для организаций культуры» [10]. Важность обновления знаний, умений и навыков библиотечных кадров подчеркивается задачами Стратегии развития библиотечного дела в Российской Федерации на период до 2030 года, одна из которых включает «формирование профессиональных стандартов и компетенций, подготовку и переподготовку кадров библиотечной отрасли» [14].

Исследования в области непрерывного образования библиотекарей, проводимые пакистанскими учеными (Мухаммад Рафик, Мунацц Джабин и Мухаммад Ариф), подтверждают необходимость повышения их знаний, способностей и компетенций. Современный набор навыков и знаний позволяет быть эффективными профессионалами библиотечно-информационной деятельности в эту технологическую эпоху, быть «клиентоориентированными» при решении проблем и качественно исполнять свои профессиональные обязанности [20].

Кроме того, Президент РФ отметил актуальность и важность *soft skills*: «образование должно идти за меняющимся миром, и конкурентное преимущество получают люди, которые обладают *soft skills*» [12].

Проанализировав различные взгляды исследователей на соотношение понятий «универсальные компетенции» и «гибкие» навыки, М. Ю. Криницкая и Т. А. Борзова пришли к выводу, что данные понятия, безусловно, связаны между собой. *Soft skills* являются составляющими, слагаемыми универсальных компетенций. Именно «гибкие» навыки позволяют организовать и оценить те или иные компетенции в полном объеме [5, с. 93].

В работе Arun Joseph и Dr. B. Mini Devi приведен набор навыков, которым может обладать любой человек; схематично он выглядит следующим образом (рис 1):

Рис. 1. Типы навыков [17, с. 96]

Запущенный процесс цифровой трансформации автоматизирует все большее количество видов деятельности, что способствует исчезновению ряда профессий и развитию новых. Работодатели указывают, что более востребованными становятся кандидаты, обладающие высокой способностью к обучению и умением ладить с коллективом.

В связи с этим мы видим, что наряду с «жесткими» навыками (hard skills) важную роль приобрели «гибкие» навыки (soft skills). С помощью метафоры айсберга Фрейда наглядно видна суть hard skills и soft skills (на рис. 2).

Hard skills – это профессиональные навыки, к которым предъявляется ряд требо-

ваний: фундаментальные знания, владение профессионально-ориентированными программами и методиками, владение оборудованием, т. е. профессиональные знания.

Soft skills (SS) – это надпрофессиональные навыки, обеспечивающие успех в профессиональной деятельности благодаря развитым личным качествам (вербальные коммуникации; креативность; коллаборация (сотрудничество); критическое и стратегическое мышление и др.)

Открытым остается вопрос о степени значимости «гибких» навыков и профессиональных знаний для успешной карьеры на рынке труда. На рисунке 3 представлены существенные отличия hard skills от soft skills.

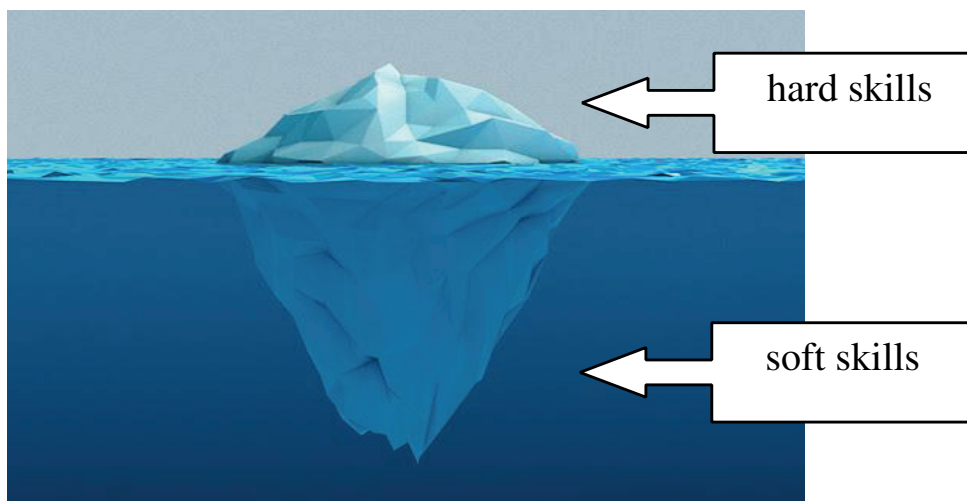

Рис. 2. Метафора айсберга Фрейда для понимания hard skills и soft skills

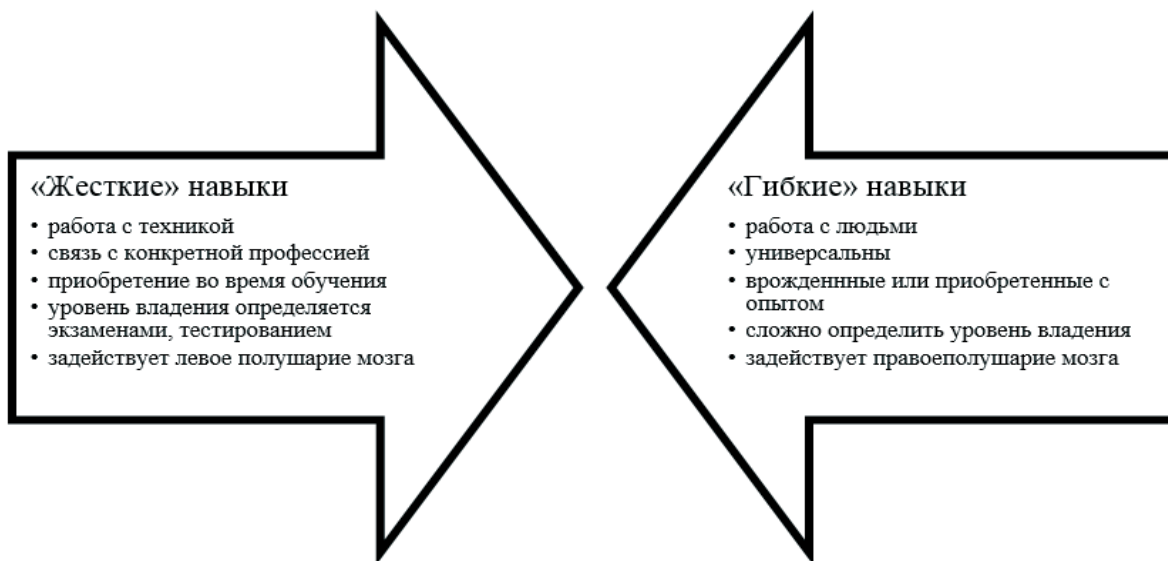

Рис. 3. Отличия hard skills от soft skills

С 1968 г. тема «мягких» навыков особенно популярна в психолого-педагогической сфере. Например, С. Н. Бацуновым, И. И. Дереча, И. М. Кунгуровой и Е. В. Слизковой произведен обзор отечественной и зарубежной литературы, обеспечивающий

целостность восприятия термина «мягкие» навыки и его содержания [2]. В разное время исследованием проблем «мягких» и «твердых» навыков занимались: О. Абашкина, О. В. Барина, М. М. Безруких, Е. Гайдученко, В. Давидова, Ю. М. Давлетшина,

Н. В. Жадько, А. И. Ивонина, И. Канардов, И. Ключовская, А. Марушев, А. В. Махароблидзе, И. Милевски, А. Н. Мирошниченко, А. М. Новиков, Ю. Портланд, О. Сосницкая, Д. Татаурщикова, И. И. Черкасова, М. А. Чошанов, М. А. Чуркина, О. Л. Чуланова, В. Шипилов, Т. А. Яркова и др. На целесообразность реализации «гибких» навыков в библиотечно-информационной деятельности указывает интерес ряда зарубежных и отечественных ученых, среди которых Э. Н. Декер, Р. Д. Уильямс, Л. Сондерс, Л. Федерер, Е. П. Жолнерчик, Н. С. Редькина и др.

Э. Н. Декер, сотрудник библиотеки университета Алабамы (США), в своей работе доказывает необходимость у библиотечных сотрудников «гибких» навыков, к которым относит такие личные качества, как эмоциональный интеллект, коммуникативные способности, умение убеждать, работать в команде, заботиться о других и владение таким маркетинговым приемом, как сторителлинг (умение рассказывать истории) [18].

Arun Joseph и Dr. B. Mini Devi для достижения успеха рекомендуют библиотечно-информационному специалисту обладать некоторыми наиболее важными из «гибких» навыков: уметь слушать, владеть навыками межличностного общения, уметь осуществлять связь с общественностью, быть клиентоориентированными, владеть навыками лидерства и уметь выполнять командную работу, вести переговоры, составлять документы, управлять проектами, готовить презентации и публичные выступления, обучаться [17, с. 97–98]. Кроме того, индийскими специалистами предлагается развивать «гибкие» навыки посредством учебных дисциплин в учебных заведениях, занимающихся подготовкой библиотечно-информационных специалистов.

Американский исследователь Л. Федерер предлагает включить в учебные программы для библиотекарей и специалистов в области информации дисциплины, формирующие и развивающие «гибкие» навыки и личностные качества для удовлетворения

широкого спектра предоставляемых библиотечной услугой, в том числе исследовательского характера [19].

По мнению Е. Л. Кудриной и Н. С. Матвеевой, при подготовке универсального специалиста необходимо обновление профессиональных компетенций в соответствии с реалиями цифровой среды. Парадоксальным является вывод, к которому они приходят: одновременное быстрое снижение актуальности профессиональных компетенций библиотекаря и недостаточная сформированность у молодых библиотечных специалистов надпрофессиональных и профессиональных компетенций [6, с. 324].

Следует отметить, что путь цифровизации необратим, человек уже не сможет быть социализирован без умений и навыков обращения с цифровыми технологиями. Исходя из этого, Н. С. Редькина также подтверждает важность «гибких» навыков в библиотечном деле. Наряду с профессиональными знаниями библиотечного специалиста «гибкие» навыки включают три важнейших знания: знание современных и перспективных информационных технологий, знание информационных ресурсов различных предметных областей, знание технологий сбора и обработки информации/данных; особенно выделяются компетенции библиотекаря по управлению исследовательскими данными [13]. В период цифровизации Н. И. Гендина, Н. И. Колкова и Л. Н. Рябцева констатируют важность для учреждений культуры разработки и формирования новой коммуникационной модели цифрового взаимодействия со своей целевой аудиторией, акцентируя внимание на цифровом формате и создании интерактивного визуального контента [3, с. 191].

Р. Д. Уильямс и Л. Сондерс исследуют основные знания и навыки библиотекарей, необходимые для их успешной работы и подвергшиеся цифровому изменению. Также ими сформировано ядро профессиональных компетенций библиотекаря (профессиональная этика, создание коллекций, поисковые навыки и удовлетворение запроса

пользователя и социальные навыки), личные качества, такие как навыки межличностного общения и обслуживания клиентов, высокий уровень культуры, также способность и готовность работать с асоциальными, деструктивными людьми [22, с. 294]. В статье М. А. Пекшевой представлены знания и навыки современного библиотечно-информационного специалиста в виде матрицы, посредством обзора зарубежных материалов, где в качестве «основополагающих выступают личностные компетенции («мягкие» навыки), которые являются сквозными для всех ролей и специализаций. Они во многом определяют эффективность сотрудника: его способность осваивать новые профессиональные компетенции, работать в условиях перемен и неопределённости, проявлять инициативу, гибкость, формировать прочные профессиональные отношения» [11, с. 109].

Таким образом, профессиональные компетенции включают «гибкие» навыки. Необходимость развития «гибких» навыков у библиотекарей Е. П. Жолнерчик обосновывает переходом к обществу знаний, уменьшением работы с фондом, ориентиром на навыки XXI века, к которым относит навык межличностного общения, инновационность мышления, критическое мышление, нацеленность на непрерывное самообучение [4, с. 257].

Из этого следует, что вклад отечественных исследователей *soft skills* в контекст библиотечно-информационной деятельности единичный и фрагментарный. Авторы статьи аккумулируют уникальный опыт российских и зарубежных библиотечно-информационных специалистов, обосновывают важность формирования и развития *soft skills* у библиотечных работников как необходимое условие для их успешной работы. Кроме того, подчеркивают, что современному библиотекарю важно знать современные образовательные тренды и при возможности их реализовывать в практике. К примеру, развитие таких качеств, как креативность,

критическое мышление, кооперация и коммуникация способствуют формированию и развитию информационной культуры читателя в учебной, личной, профессиональной жизнедеятельности.

В профессиональной прессе неоднократно отмечается недостаточность развитости критического мышления как у библиотекарей, так и у пользователей, следовательно, данный навык важно формировать, изучать способы защиты от негативных тенденций в сфере информации и коммуникации (троллинг, кибербуллинг, буллинг, моббинг; информационный шум, информационный детокс, информационный пузырь, манипуляции в рекламе; фейк, фактоид, кликбейт; цифровые преступления, вирусы, виртуальное знакомство, распространение заведомо ложной информации и пр.), соблюдать этические нормы публикации, правила цифровой гигиены и т. д. Информационно-медийная среда оказывает как положительное, так и отрицательное воздействие на социальное поведение людей – изменение мировоззрения и информационного здоровья людей, внушение (особенно относительно малообразованных и пожилых людей). Следовательно, «формирование медийной и информационной культуры личности – это задача, которая имеет общепедагогический статус и требует комплексного подхода к её решению, в частности, в семье, школе, библиотеке (как мультицентре неформального и непрерывного образования)» [9, с. 112] посредством развития критического, аналитического мышления.

Как можно наблюдать, интерес к универсальным, «надпрофессиональным», «гибким» навыкам библиотечно-информационных работников имеется, и попытки развить «гибкие» навыки библиотекарей очень актуальны. Поэтому возрастает потребность в обучении данным навыкам и появляется уникальная возможность для библиотек создать новые продукты и услуги для удовлетворения спроса у пользователей на развитие *soft skills*.

В настоящее время большая часть пользователей библиотек – это подрастающее поколение, и именно от потенциальных (как и реальных) выпускников требуются «гибкие» навыки (критическое и креативное мышление, коммуникация, командная работа и пр.), следовательно, их формирование зависит от того, насколько родители, педагоги, библиотекари хотят и способствуют развитию личности ребенка, его возможности быть конкурентоспособным.

Данные, представленные в отчете всемирного экономического форума, демонстрируют спрос работодателей на специалистов, обладающих навыками, среди которых большинство именно «гибких»:

- инновации и аналитическое мышление;
- активное и стратегическое обучение;
- комплексное решение проблем (решение задач несколькими способами);
- критическое мышление и анализ;
- креативность, инициативность;
- лидерство и социальное влияние (участие в благотворительном проекте, волонтерство);
- использование технологий;
- мониторинг и контроль;
- технический дизайн и программирование;
- гибкость (способность переключаться между занятиями в течение дня) и стрессоустойчивость;
- решение проблем и поставленных задач самостоятельно;
- клиентоориентированность;
- ориентация на сервис;
- системный анализ и оценка;
- переговоры (умение доказывать свою точку зрения, дебаты) [21].

Разработчиками «Атласа новых профессий» спрогнозированы тенденции навыков будущего, связанные с пандемией; во главе расположены цифровые навыки, ориентированные на разработку новых инструментов и обучение им. Далее, по сути, указаны soft skills [1].

Также анализ статистической информации относительно текущей ситуации на рынке труда демонстрирует рост требований к «гибким» навыкам, а не просто к высшему образованию, т.е. можно констатировать изменение спроса на качества работника. Справедливости ради стоит сказать, что спрос имеется и на hard skills, и на soft skills. Соотношение «гибких» и «жестких» навыков может быть разным в зависимости от сферы деятельности или профессии (врач, специалист по продажам, руководитель, педагог, библиотекарь, программист и т. д.). Однако нельзя забывать, что soft skills необходимы в любом виде деятельности, поэтому важно начинать их развитие в общеобразовательной школе, продолжать в профессиональной и привлекать библиотеку.

Цель статьи – раскрыть возможности библиотеки в формировании и развитии «гибких» навыков у пользователей библиотеки через организацию мероприятий.

Для удовлетворения потребностей работодателей, желаний родителей, интересов педагогов и возможностей библиотечно-информационных работников библиотеки могут – наряду с семьей, школой, центрами дополнительного образования – участвовать в развитии «гибких» навыков, организовывать досуг, способный увлечь пользователей, найти единомышленников по хобби, а также способствовать организации и реализации проектной деятельности пользователей (от идеи до продукта). По сути, библиотека способна и готова к коллаборационному взаимодействию и его развитию как мягкого навыка в качестве организатора за счет совместной партнерской деятельности по формированию soft skills для пользователей библиотеки. Интересен опыт партнёрского взаимодействия Корпоративного университета «ЛЕНИНКА» Российской государственной библиотеки и отдела непрерывного профессионального образования ГПНТБ СО РАН, описанный Е. Л. Кудриной и Н. С. Матвеевой, подтверждающий, что коллаборацию можно рассматривать как инструмент вза-

имодействия и совместной деятельности, в результате которой происходит обмен знаниями, опытом и умениями в конкретной образовательной экосистеме [7, с. 29]. Описанный опыт зарубежного профессионального развития подтверждает необходимость интегрированного обучения информационно-библиотечных специалистов [11].

Совместную деятельность по развитию soft skills может взять на себя библиотека, например, посредством организации библиотечных мероприятий, так как «такие навыки невозможно приобрести, читая учебники и слушая лекции. Для этого нужна практика: практико-ориентированные задания, деловые игры, кейсы, ситуационные задачи, выездные мероприятия, построение интеллект-карт, выступление на конференциях, прохождение практической подготовки и пр.» [8, с. 246]. Можно использовать инструменты для развития «гибких» навыков, например, оказание помощи в коммуникации и формулировании вопросов (умение знакомиться, умение задавать вопросы, умение слушать собеседника) и пр. Справедливости ради стоит сказать, что

библиотечно-информационным работникам при развитии «гибких» навыков читателей важно самим обладать ими. Формирование soft skills у сотрудников библиотек необходимо в рамках образовательного процесса (школа, ссуз, вуз), а развитие посредством непрерывного образования.

Специалистами предлагаются разнообразные методы развития soft skills. Наиболее подходящим для субъектов библиотечно-информационной деятельности можно отнести следующее: непрерывное самостоятельное обучение (чтение, вебинары); отзывы от коллег относительно развития конкретного навыка; наставничество; тренинги; решение кейсов; деловые игры; мастер-классы; развитие посредством приобретения профессионального опыта и пр.

Для развития soft skills библиотека может организовать, к примеру, мероприятие в форме мастер-класса, состоящего из двух блоков: теоретического (в виде лекции-презентации) и практического – тренинги, игры, самодиагностика. Примерное наполнение обучающей программы учебными занятиями представлено в таблице 1.

Таблица 1

Общая схема мастер-классов для формирования и развития «гибких навыков»

№	Тематика мероприятий	Цель	Навыки	Содержание soft skills [16]	Возможности их формирования и развитие библиотечными ресурсами
1.	Сила слова: Искусство публичных выступлений	раскрыть правила и особенности подготовки и проработать навыки создания успешного публичного выступления	коммуникативные	умение слушать, умение построить диалог с людьми и межгрупповые отношения с коллективом, ведение переговоров, дебаты, грамотно выстроить самопрезентацию	– ораторское мастерство (преодоление страха публичных выступлений)
2.	Эффективная коммуникация	раскрыть формы и способы коммуникации для улучшения качества отношений с людьми			– вербальная лингвистика (умение говорить, чтение и учение стихов, театральнопостановочная деятельность); – интеллектуальная дискуссия (решение ситуационных задач, интерпретация высказываний и выражений) и пр.

3.	Азбука эмоций: развитие эмоционального интеллекта	уметь осознавать и управлять своими эмоциями для преодоления стрессовых состояний	когнитивные	поиск, восприятие и анализ информации, планирования, формирование мышления, способность к поиску самостоятельных и креативных решений	– интеллектуальная дискуссия (решение ситуационных задач, интерпретация высказываний и выражений) и пр.; – пространственный интеллект (робототехника, моделирование, конструирование)
4.	Творческая мастерская мышления	раскрыть виды мышления (креативное, критическое, творческое) и проработать способы развития мышления			– творческое (креативное) мышление (визуализация идей, мозговой штурм, арт-терапия); – пространственный интеллект (робототехника, моделирование, конструирование)
5.	Саморазвитие в условиях меняющегося мира	научить стоять личностный путь к самосовершенствованию			– математические способности (математические игры, устный счет); – скорочтение (упражнения, тренировки скорости чтения)
6.	Информационный взрыв (бум)	научить работать с большим потоком информации и выбирать нужную			– работа с большими объемами информации (интеллектуальные карты, структурирование информации, цифровая грамотность); – критическое мышление (умение подвергать суждения критике, упражнение по медиаграмотности); – скорочтение (упражнения, тренировки скорости чтения)
7.	Формирование персонального имиджа делового человека	раскрыть основные составляющие имиджа человека	социальные	навык убеждения, способность найти индивидуальный подход к каждому человеку, проявлять личные качества, осознавать свою мотивацию и способствовать мотивации окружающих, а также учитывать их потребности и грамотно соотносить с личными потребностями, стремление к личностному росту.	– развитие памяти (упражнения запоминания слов, цифр, лиц, имен, паролей, списков, техники запоминания, тренировки)
8.	Командообразование	раскрыть концепции, принципы и методы построения эффективной работы в команде			– тренировка лидерских и командных навыков (тренинги, упражнения, проектная работа)
9.	Цени время	научить управлять и контролировать себя и время			– тайм-менеджмент (тренировка методов: «дедлайны», «автофокус», «хронометраж», использование приложений)
10.	Лидерство для достижения успеха в жизни	раскрыть основные качества лидера и его характеристики			– тренировка лидерских и командных навыков (тренинги, упражнения, проектная работа)

По сути, данная таблица представляет собой годовой план библиотечных мероприятий, где четко и системно прописаны психолого-педагогические приемы формирования и развития soft skills пользователей библиотеки, которые могут проводиться сотрудниками библиотеки (при условии их компетентности) или соответствующими специалистами.

Теоретические положения, описанные выше, способствовали проведению пилотного исследования с целью определения целесообразности внедрения педагогических методов для развития soft skills обучающихся в практике деятельности информационно-библиотечного центра (ИБЦ) МАОУ гимназия № 16 города Тюмени.

Этапы эксперимента:

1. опрос с элементами тестирования;
2. проведение уроков (в виде мастер-классов);
3. тестирование с элементами опроса.

Методика и результаты исследования

Опрос пользователей (обучающихся начальной школы) ИБЦ МАОУ гимназии № 16 города Тюмени в формате интерактивной игры-викторины онлайн (октябрь 2021 г. – февраль 2022 г.). Цель анкетирования – изучить мнение школьников начальной школы о восприятии библиотеки как центра, способствующего формированию информационной культуры и развитию «гибких навыков».

Количество детей, обучавшихся на момент проведения анкетирования, составило 1164 человека. Всего опрос прошли 176 человек, из них 64,1 % женского пола, 35,9 % – мужского. Мнение о том, что библиотека нужна для подготовки к учебным занятиям, разделяют 65,1 % школьников, следовательно, респонденты считают библиотеку информационным местом. В свою очередь, 40,5 % считают, что библиотека необходима для отдыха, общения, а также – для реализации амбиций (20,6 %). Были учтены индивидуальные варианты ответов, например, «для расширения кругозора»,

«для развития» и т. д. На вопрос «Как тебе больше нравится выполнять домашние задания» большинство 32,1 % выбрали ответ «оформлять задание творчески (цветными ручками, рисовать)» и 28,6 % – «с одноклассниками, в команде». Вариант «находить различные варианты решений, думать логически» выбрали 21,4 %, и наименьший процент (17,9 %) пожелали «обсуждать задания с кем-нибудь (учитель, близкий человек)». Для выявления формата работы в коллективе был задан вопрос: насколько комфортно Вам работать с одноклассниками в команде (онлайн/офлайн)? Большинству опрошенных (62,1 %) – комфортно как онлайн, так и офлайн, но 12,9 % предпочитают самостоятельность и индивидуальность в работе. Следует отметить, что сторонниками работы онлайн являются 13,6 %, а офлайн 11,4 %. Данные ответы наталкивают на мысль, что у обучающихся развита командная работа с элементами выполнения творческих заданий, однако посторонним советам ребята не особо доверяют. Возможно, для детей интересней подходить к заданиям творчески, нежели аналитически раздумывать, в силу своего детского восприятия мира.

Большинство учеников воспринимают информацию визуально (67,9 %), аудиально (28,6 %) и всего лишь 3,6 % тактильно. В начальных классах большинство детей являются визуалами, так как им интересно познать все новое и неизведанное.

Задачами ИБЦ МАОУ гимназии № 16 города Тюмени является формирование и развитие функциональной, читательской, информационной, медийной грамотностей, поэтому в рамках разработанного календарно-тематического плана по формированию и развитию информационной культуры проведено нескольких уроков. Предполагается, что системное проведение учебных занятий в виде мастер-классов с применением игровых практик способствует развитию «гибких навыков», а также – формированию информационной культуры и, помимо это-

го, устранению стереотипа о библиотеке и привлечению пользователей.

Формирование информационной культуры личности происходило с включением

такого педагогического метода, как игра с элементами развития «гибких навыков». Наиболее подробно данный аспект рассмотрен в следующей таблице 2:

Таблица 2

Фрагмент взаимодействия soft skills с информационной культурой

Тема урока	Soft skills («мягкие навыки»)	Игра
«Информация вокруг нас»	- коммуникативный навык (умение слушать, умение построить диалог с людьми и межгрупповые отношения с коллективом, грамотно выстроить самопрезентацию); - креативность (творческое/креативное мышление, визуализация идей); - командный навык (навык убеждения); - критический анализ (объективная оценка, выбранного предмета).	Игра с мешочком
«Читательская грамотность»	- критическое мышление (скорочтение, анализ); - коммуникативный навык (умение слушать, умение построить диалог с людьми и межгрупповые отношения с коллективом, грамотно выстроить самопрезентацию).	Игра «Беглые буквы» и работа с раздаточным материалом

По итогам уроков было проведено тестирование с элементами опроса по пройденному материалу. Целью анкетирования являлось выяснение предпочитаемых библиотечно-педагогических форм работы при взаимодействии с педагогом-библиотекарем по вопросам формирования и развития информационной культуры и «гибких навыков». Цель тестирования заключалась в выяснении уровня информационной, в том числе читательской, грамотности, а также – в проверке пройденного материала.

Результаты предпочитаемых форм работы респондентов показали, что востребованной формой работы с учениками является

игра, которая обладает «креативным потенциалом обучающихся и позволяет связывать различные факторы, влияющие на процесс принятия решений и результат» [15, с. 126–127]. На втором месте беседа, обсуждение, а на третьем месте урок с презентацией и упражнения, эксперименты, мастерская. Разработанная учебно-методическая документация мастер-классов, в которой упорядочены их элементы (цели, навыки, формы и методы) для формирования и развития «гибких навыков», свидетельствует об эффективности выбранного педагогического инструмента и возможности библиотекаря развивать soft skills у читателей (таблица 3):

Таблица 3

Сравнение результатов опроса респондентов

Результаты первичного опроса	Проведение уроков, развивающих soft skills у читателей	Результаты вторичного опроса
32,1%	креативность	34,1 %
28,6%	работа в команде	29,3 %
17,9%,	коммуникативность	18,7 %
21,4%,	критическое мышление	25 %

В результате для успешного формирования и развития информационной культуры личности, а также качеств soft skills (креативность, критическое мышление, кооперация и коммуникация) наилучшим педагогическим методом является игра, позволяющая учитывать разные типы модальностей школьников (аудиалы, визуалы, кинестетики) и способствующая развитию информационных качеств личности, формированию «гибких навыков». Таким образом формируются такие виды грамотностей, как информационная, читательская, медийная и пр. Данный опыт полезен и уникален для педагогов-библиотекарей.

Таким образом, сегодня необходимо чтобы у подрастающего поколения были хорошо развиты межличностные, коммуникативные и аналитические способности. Библиотека благодаря своей multifunctionality способна содействовать формированию и развитию «гибких» навыков, начиная с младших школьников и заканчивая взрослым населением. Несмотря на всю сложность освоения «гибких» навыков не стоит забывать, что внешние воздействия (конкретные библиотечные услуги) соотносятся с внутренними условиями (психологическими свойствами пользователей) в их взаимодействии и совместном влиянии на этот процесс. Поэтому, отталкиваясь от психологических свойств личности и профессиональных способностей, пользователь и сотрудник библиотеки должны подбирать мероприятия для развития «гибких навыков», способствующих формированию и развитию информационной культуры личности в учебной и личной жизнедеятельности. Информационная культура является неотъемлемой частью жизни человека, так как сегодня информация окружает нас повсюду. Важно быть информационно грамотным человеком, развивать информационные качества для своей личной информационной безопасности и будущей успешности. Кроме того, сегодня важное место в образовательном процессе отводится формированию soft

skills у обучающихся, где библиотекарь способен внести вклад в развитие универсальных компетенций посредством педагогических форм и методов.

Контенту мероприятий, указанному выше, присущи познавательные, мотивирующие функции, в рамках которых знание и обучение может происходить массово «здесь и сейчас», избирательно (узнавание нового) и гибридно (смешанно). Предоставление гибридного образовательного визуального контента выступает актуальным направлением работы библиотек разных типов. Формат работы также имеет значения для современных пользователей: в идеале должен соблюдаться баланс онлайн и офлайн, как и баланс hard skills и soft skills в работе библиотечно-информационного работника, учитывая то, что soft skills применяются в любой сфере деятельности, любой профессии.

Рассмотрение аспектов формирования и развития soft skills является перспективным в эпоху «неопределенности» и «перемен» и предлагаются проблемные направления для дальнейшего изучения: формирование и развитие soft skills обучающихся при образовательной подготовке библиотечно-информационных специалистов; приобретение психолого-педагогических компетенций сотрудниками библиотек для формирования и развития soft skills; мотивация сотрудников библиотек к коллаборационному взаимодействию при организации мероприятий по формированию и развитию soft skills; цифровой формат формирования и развития soft skills и пр.

Рассмотрение аспектов формирования и развития soft skills является перспективным в эпоху «неопределенности» и «перемен», чему способствует их дальнейшее изучение, которое реализуется как формирование и развитие soft skills обучающихся направления подготовки «Библиотечно-информационная деятельность» (будущих библиотечно-информационных специалистов) при изучении профессиональных дисциплин;

приобретение психолого-педагогических компетенций сотрудниками библиотек для формирования и развития soft skills; мотивация сотрудников библиотек к коллабораци-

онному взаимодействию при организации мероприятий по формированию и развитию soft skills; цифровой формат формирования и развития soft skills и пр.

Список литературы

1. Атлас новых профессий 3.0. / под ред. Д. Варламовой, Д. Судакова. Москва : Альпина ПРО, 2021. 472 с.
2. Бацунов С. Н., Дереча И. И., Кунгурова И. М., Слизкова. Е. В. Современные детерминанты развития soft skills // Концепт. 2018. № 4 (апрель). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennyye-determinanty-razvitiya-soft-skills/viewer>
3. Гендина Н. И., Колкова Н. И., Рябцева Л. Н. Цифровизация в сфере культуры: сущность, нормативно-правовое регулирование, приоритетные направления совершенствования кадрового обеспечения // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2020. № 50. С. 183–197.
4. Жолнерчик Е. П. Развитие «гибких навыков» у библиотекарей // Румянцевские чтения : материалы Международной научно-практической конференции. 2019. С. 256–260. [Электронный ресурс]. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_38492465_87313210.pdf
5. Криницкая М. Ю., Борзова Т. А. Изучение специфики отношения к гибким навыкам студентов вуза при обучении деловой коммуникации // Образование и саморазвитие. 2021. Том 16. № 4. С. 93–104.
6. Кудрина Е. Л., Матвеева Н. С. Непрерывное библиотечно-информационное образование в эпоху цифровой трансформации // Библиотековедение. 2021. Том 70. № 3. С. 321–330.
7. Кудрина Е. Л., Матвеева Н. С. Образовательная коллаборация библиотек России: возможности и перспективы // Научные и технические библиотеки. 2021. № 6. С. 29–46.
8. Маслакова М. В., Волкова Г. В. Soft skills в контексте библиотечно-информационной деятельности // Электронное информационное пространство для науки, образования, культуры : материалы IX Международной научно-практической конференции (г. Орел, 16-17 декабря 2021 г.). Орел, 2022. С. 245–249.
9. Маслакова М. В., Орлова А. А. «МИКС»: медийно-информационная культура специалиста // Электронное информационное пространство для науки, образования, культуры: материалы VI Всероссийской научно-практической конференции (г. Орел, 20 декабря 2018 г.). Орел, 2019. С. 110–115.
10. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: Указ Президента Российской Федерации № 204 от 07.05.2018. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027/page/>
11. Пекишева М. А. Актуальные компетенции информационно-библиотечных специалистов: по материалам зарубежных исследований // Культура и образование. Научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2020. № 3 (38). С. 95–114.
12. Путин отметил преимущества soft skills // Вести.ru. 2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vesti.ru/article/1702242>
13. Редькина Н. С. «Надпрофессиональные» навыки и профессиональные знания библиотечного специалиста: требования времени // Библиотековедение. 2019. Т. 68. № 6. С. 647–658.
14. Стратегия развития библиотечного дела в Российской Федерации на период до 2030 года: утверждено распоряжением Правительства Российской Федерации № 608-р от 13.03.2021. [Электронный ресурс]. URL: <http://static.government.ru/media/files/NFWPpXpAAAEbPW60HiZiDvdZZ8AcSNuu.pdf>

15. Туранина Н. А., Колганов И. В. современные методы повышения квалификации библиотечных работников в сфере public relations // Культура и образование. 2020. № 1 (36). С. 125–129.
16. Хижная А. В., Быстрова Н. В., Шарыгина Е. Н. Развитие soft skills («гибких навыков») для успешной карьеры выпускников вуза [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitiye-soft-skills-gibkih-navykov-dlya-uspeshnoy-kariery-vypusknikov-vuza/viewer>
17. Arun Joseph, Dr. B. Mini Devi Soft Skills for Library Professionals // ILIS Journal of Librarianship and Informatics. 2020. June. Vol. 3. № 1. Pp. 95–98.
18. Decker E. N. The X-Factor in Academic Libraries: The Demand for Soft Skills in Library Employees. [Electronic resource]. URL: https://ir.ua.edu/bitstream/handle/123456789/7715/The%20X%20Factor%20in%20Academic%20Libraries_Decker.pdf?sequence=5&isAllowed=y
19. Federer L. Defining Data Librarianship: A Survey of Competencies, Skills, and Training // Journal of the Medical Library Association. 2018. Vol. 106. № 3. Pp. 294–303. DOI: 10.5195/jmla.2018.306. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC6013124/>
20. Rafiq M., Jabeen M., Arif M. Continuing Education (CE) of LIS Professionals: Need Analysis & Role of LIS Schools // The Journal of Academic Librarianship. 2017. № 43. Pp. 25–33. [Electronic resource]. URL: https://www.academia.edu/36818971/Continuing_Education_CE_of_LIS_Professionals_Need_Analysis_and_Role_of_LIS_Schools?email_work_card=view-paper
21. These are the top 10 job skills of tomorrow – and how long it takes to learn them. [Electronic resource]. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2020/10/top-10-work-skills-of-tomorrow-how-long-it-takes-to-learn-them/>
22. Williams R. D., Saunders L. What the Field Needs: Core Knowledge, Skills, and Abilities for Public Librarianship // Library Quarterly: Information, Community, Policy. 2020. Vol. 90. № 3. Pp. 283–297.

*

Поступила в редакцию 09.02.2023

ПЕРЕДВИЖНАЯ ЭКСПОЗИЦИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ В РОССИИ

УДК 37.014

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-1111-165-171>

П. А. Капырин

Московский экономический институт,

Москва, Российская Федерация

e-mail: Petr.Kapyrib@mail.ru

Аннотация: Статья призвана проанализировать преимущества и недостатки современных способов представления музейных экспозиций, выявить их слабые и сильные стороны. Основной целью статьи является, на примере передвижной экспозиции «Военная история», продемонстрировать, что существует возможность сочетания основных преимуществ дистанционной и очной форм посещения музейных экспозиций. Сегодня это особенно актуально в свете современных требований, выдвигаемых как пандемической обстановкой, так и постоянным увеличением динамизма жизни людей и все более глубоким проникновении в их жизнь информационных технологий. Автор попытается (на примере работы собственной передвижной экспозиции) подтвердить, что данный способ работы с целевой аудиторией музея может вызвать гораздо больший интерес, чем традиционные и дистанционные способы построения музейного пространства и работы с аудиторией, и будет способствовать развитию углубленного понимания тех вопросов, которые поднимает выставка.

Ключевые слова: передвижной музей, передвижная экспозиция, инновационный подход к созданию экспозиции, новые способы работы с аудиторией, контактный музей, военная история, живая история, воспитание, образование.

Для цитирования: Капырин П. А. Передвижная экспозиция как инструмент культурно-исторического воспитания в России // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2023. №1 (111). С. 165–171. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-1111-165-171>

MOBILE EXPOSITION AS A TOOL OF CULTURAL AND HISTORICAL EDUCATION IN RUSSIA

Petr A. Kapyrin

Moscow Economic Institute,

Moscow, Russian Federation

e-mail: Petr.Kapyrib@mail.ru

КАПЫРИН ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и управления, Московский экономический институт

KAPYRIN PETR ALEKSEEVICH – CSc in Economics, Associate Professor at the Department of Economics and Management, Moscow Economic Institute

© Капырин П.А., 2023

Abstract: The article aims to analyze the advantages and disadvantages of modern ways of presenting museum expositions, to identify their weaknesses and strengths. The main purpose of the work is, using the example of the mobile exhibition “Military History”, to demonstrate that there is a possibility of combining the main advantages of remote and face-to-face forms of visiting museum expositions, with the maximum possible compliance with modern requirements put forward by both the pandemic situation and the constant increase in the dynamism of people’s lives and the ever deeper penetration of information technologies into their lives. The author will try, using the example of his own mobile exhibition, to confirm that this way of working with the target audience of the museum can arouse much more interest and contribute to the development of an in-depth understanding of the issues that the exhibition raises than traditional and remote ways of building museum space and working with the audience.

Keywords: mobile museum, mobile exposition, innovative approach to the creation of the exposition, new ways of working with the audience, contact museum, military history, living history, upbringing, education.

For citation: Капырин П. А. Mobile exposition as a tool of cultural and historical education in Russia. *Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2023, no. 1 (111), Pp. 165–171. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-1111-165-171>

Сегодня все чаще музейные экспозиции становятся не просто частью общемировой или национальной истории, но и источником самоидентификации народов и их восприятия собственной истории [8]. При этом, в отличие от ранее практиковавшихся подходов, заключавшихся в самоидентификации и отделении народности, современные выставки все чаще являются источником размытия границ национальностей и народностей, выступая инструментом объединения культур [10]. Таким образом, перед музейными экспозициями встает двойная задача: быть хранителями истории и культуры отдельных народностей, но – в то же время – служить источником не разделения, но объединения на основе общих исторических и культурных корней. Для России данная задача, с учетом ее многонационального состава населения, является актуальной.

Современные тенденции развития музейного дела привязаны к нарастающей глобализации: экспозиции все чаще обслуживают не «внутреннего потребителя», а туристический поток, в массе своей не знакомый с историей, освещаемой инсталляцией и имеющий другой культурный код, что значительно снижает для данного зрителя ценность представленных экспонатов. Кроме того, нельзя не обратиться к актуальной

проблеме пандемии, сильно ударившей по стационарным музейным экспозициям, значительно ограничив поток посетителей. Обозначенные выше проблемы решаются музеями и выставками по-разному, однако мы можем наблюдать два основных тренда. Первый способ решения проблемы состоит во внедрении подробных аудиогидов, которые работают на языке «потребителя» в требуемом для него темпе и последовательности, а также могут быть настроены разработчиком на культурные, национальные и прочие особенности его восприятия. Еще одним способом решения проблемы является полный перевод экспозиции в виртуальное пространство [9], так называемый виртуальный туризм, позволяющий экономить время, денежные средства и снизить количество контактов с другими людьми. Также нельзя не отметить схожий со вторым способ создания локальных экспозиций, посвященных конкретным событиям или людям при школах, университетах и культурных центрах.

Перечисленные выше способы имеют ряд преимуществ, обладая в то же время существенными недостатками. Музеи и экспозиции, привязанные к конкретной локации, уже не удовлетворяют современным условиям, характеризующимися увеличением тем-

пов жизни, а также – новыми требованиями по социальному дистанцированию. Виртуальные музеи, обладая значительными преимуществами перед традиционной экспозицией, в то же время становятся просто картинкой, которая не дает представления о реальном масштабе выставки, не позволяет «прикоснуться к истории вживую». Многие музеи идут по пути сочетания локальной экспозиции и виртуального пространства, видя в этом выход из создавшегося положения [9]. Тем не менее, несмотря на преимущества сочетания локальной и виртуальной экспозиции, автор хотел бы рассмотреть иной путь, не получивший еще достаточно (с точки зрения автора) развития – создание передвижных исторических экспозиций, и сформулировать принципы их работы на примере существующего передвижного музея «Военная история». Преимуществом подобной экспозиции стали возможность развернуть выставку непосредственно перед заинтересованной аудиторией, а также – прямой контакт с посетителями, который не только позволяет построить подачу материала под конкретную аудиторию, но и дает возможность посетителям вживую прикоснуться к каждому экспонату и почувствовать на себе «дыхание времени».

Попытаемся ответить на вопрос: каковы основные преимущества каждого из проанализированных способов представления музейной экспозиции для аудитории и есть ли возможность комбинирования лучших идей, а также – их улучшения для более глубоко восприятия людьми сути и цели экспозиции?

В статье выдвигается и проверяется гипотеза о том, что возможности, предоставляемые передвижной экспозицией, позволяют упростить доступ людей к истории (подобно дистанционным экспозициям), сохраняя при этом «живой дух музея». Кроме того, передвижной музей, являющийся контактной экспозицией, дает возможность посетителям глубже погрузиться в историю, раскрываемую экспозицией, которая способна

дать новый уровень ощущения и понимания представляемого исторического периода.

Статистика показывает: несмотря на смягчение или полное снятие ковидных ограничений, которые в период пандемии привели к значительному снижению посещаемости музеев практически по всему миру, им еще далеко до показателей «допандемийного» периода [7]. Кроме того, с учетом текущей политической обстановки турпоток в Россию существенно уменьшается (что частично, но далеко не полностью, компенсируется внутренним туризмом), и это приведет к падению доходов музеев из-за уменьшающегося количества посетителей. Особенно это коснется небольших и малоизвестных музейных и культурных комплексов, нацеленных прежде всего на «внутреннего потребителя». Снижение турпотока способно уменьшить количество людей, ежедневно посещающих наиболее известные экспозиции, что сделает их более привлекательными для местных жителей и, следовательно, может привести к снижению посещаемости данных экспозиций. В то же время, ввиду ожидаемого дефицита бюджета в 2022/23 гг., возможность получения государственной поддержки также будет весьма затруднена в достаточно продолжительный период. Ввиду вышеперечисленного мы можем заключить, что изменение предпочтений и требований к музейной экспозиции со стороны потенциальных посетителей, с одной стороны, и все более усиливающиеся экономические проблемы, с другой, ставят перед музеями непростую задачу: предложить посетителям что-то принципиально новое, оставаясь при этом носителями традиционного культурного кода. И если для наиболее известных и крупных музеев России данная проблема не стоит настолько остро (они достаточно известны, привлекают и внутреннего туриста, а также имеют больше шансов на получение государственной финансовой поддержки), то перед малоизвестными экспозициями она может встать в полный рост. К тому же она может дополнительно усугу-

биться в случае возникновения очередной волны ковида или новой пандемии (об опасности чего нам не устают напоминать СМИ различного уровня).

Многие музеи, осознав надвигающиеся перемены, уже предпринимают шаги по обеспечению выживания и дальнейшего развития на рынке оказания услуг в данной отрасли. Существуют различные варианты повышения вовлеченности потенциальной аудитории в тематику музея или выставки и привлечения дополнительного потока клиентов. Одни создают передвижные выставки, полностью рассчитанные на постоянное перемещение [2]. Другим решением является создание передвижной экспозиции, составленной из экспонатов стационарного музея с применением некоторых элементов интерактивной работы с посетителями, что служит дополнительным способом привлечения новых посетителей к «базовой» экспозиции [6, с. 138]. Также создаются комплексные решения, предлагающие (помимо музейной составляющей) огромную культурную и интерактивную программу, включающую в себя совместную работу большого числа объектов культуры и природоохранного комплекса. Примером такого способа построения работы может служить проект коллег из Казахстана «Великие люди – великой степи» [1, с. 46]. Помимо этого, существуют проекты массовых коллабораций музейно-экспозиционных комплексов путем разработки и создания общей цифровой интерактивной среды их выставочных пространств [5, с. 160].

Каждый из приведенных выше подходов имеет свои достоинства и недостатки с точки зрения поиска выхода из складывающейся ситуации. В то же время необходимо осторожно подходить к выбору способа функционирования музея с учетом новых требований рынка туристических услуг. Мы должны, прежде всего, разобраться в том, какой из предложенных способов будет наиболее интересен той группе лиц, на предпочтения которой нацелена наша экспозиция.

Проще говоря, мы должны определить свою целевую аудиторию, составить ее портрет и построить свою работу в соответствии с ее интересами. При этом решение может быть не только в выборе одной из перечисленных стратегий поведения музейно-экспозиционного центра на рынке туристических услуг, но и в разработке способов их сочетания и наиболее эффективного внедрения в собственную практику. Помимо этого, увлекшись поиском способов удовлетворения потребностей нашей потенциальной аудитории, мы не должны забывать главную цель существования музея – его воспитательную функцию, миссию по развитию культуры и воспитанию патриотизма.

Таким образом, обобщая вышеизложенное, мы можем выделить следующие задачи, стоящие перед современным музейно-экспозиционным комплексом:

1. Необходимость приспособливаться к изменившимся предпочтениям аудитории, сложившимся в период пандемии.
2. Сохранять высокую готовность, следовательно, и иметь готовые решения для поддержания своей эффективной работы в случае повторения пандемийной ситуации.
3. Быть готовыми к изменениям размеров и структуры туристического потока.
4. Несмотря на изменения, диктуемые рынком, оставаться центром культурного развития посетителей и патриотического воспитания молодежи.

Рассмотрим решение данных задач на примере передвижной экспозиции музея «Военная история». Данная экспозиция была сформирована и развивается с 2018 года, успешно приняла участие более чем в 30 мероприятиях различного уровня Москвы и Московской области. Передвижная экспозиция «Военная история» сочетает в себе положительные стороны передвижной выставки и коллаборации музейной экспозиции с культурно-массовыми и досуговыми организациями, специализирующимися на мероприятиях, направленных на спортивное и патриотическое воспитание. Кроме того,

экспозиция путем проведенного исследования установила свою целевую аудиторию – молодежь, увлекающуюся (часто чрезмерно) компьютерными играми – и выполняет среди данной аудитории культурную и воспитательную работу [4, с. 426]. Помимо этого экспозиция в сотрудничестве с Федерацией современного мечевого боя привлекает молодежь к спортивным занятиям, чему значительно способствует представленные в экспозиции экспонаты – реплики средневекового клинкового оружия – с описательной и лекционной составляющей.

Анализ результатов деятельности передвижного музея «Военная история» показал, что знакомство с экспозицией значительно повышает интерес молодежи к военной истории России, а также вызывает желание попробовать себя в такой спортивной дисциплине, как современный мечевой бой. Степень заинтересованности аудитории в экспозиции и предлагаемых ею дополнительных материалах была рассмотрена в одной из ранее опубликованных работ и представлена в таблице 1 [3, с. 107].

Таблица 1

Результаты анкетирования посетителей передвижного музея «Военная история»

Пол	Возраст	Была ли вам интересна экспозиция музея?	Как часто вы играете в компьютерные игры?	Было бы вам интересно заняться ролевым и историческим фехтованием?	Готовы ли вы, ради тренировки или посещения музейного мероприятия пропустить компьютерную игру в этот день? (из 322 заинтересованных)
М 423	До 18 221	Да – 493 Нет – 43	Не играю – 98	Да – 322	Да – 231
Ж 113	18–25 138		Раз в неделю или реже – 122	Нет – 214	Нет – 91
	25–35 84		2–4 раза в неделю – 84		
	35–45 78		Каждый день – 232		
	От 45+ 15				

Из представленной выше таблицы мы можем заключить, что целевой аудиторией передвижной экспозиции является молодежь и люди до 35 лет мужского пола. Наиболее предпочтительное место размещения экспозиции – массовые мероприятия и учебные заведения. Зона охвата – Москва и Московская область (с возможностью дальнейшего расширения). Анализ экономической эффективности данной модели экспозиции в задачи статьи не входит, однако он был проведен по систематизации данных работы передвижного музея «Военная история» в одной из более ранних статей, где был сделан вывод о ее конкурентоспособности [3, с. 108].

Главным конкурентным преимуществом передвижного музея «Военная история» является компактность экспозиции и возможность ее быстрой доставки и размещения. Передвижной музей работает по принципу размещения там, где удобно заказчику, и именно в то время, когда ему это нужно. По данному принципу работают многие историко-реконструкторские клубы, но передвижной музей «Военная история» отличается от них четкой систематизацией экспозиции, наличием «легенды» и однозначного исторического прототипа у каждого экспоната. Кроме того, экспозиция является полностью интерактивной и посетители могут взять в руки, осмотреть лю-

бой экспонат и сфотографироваться с ним, что вызывает дополнительный интерес у посетителей. Предметами экспозиции музея являются точные исторические копии холодного оружия периода XI–XIX веков. Ввиду того, что экспозиция является полностью контактной, единственным отличием экспонатов от исторических прототипов является отсутствие заточки граней оружия и скругление острых углов, что исключает случайные травмы посетителей и выводит экспонаты из категории холодного оружия.

Сегодня существует большое количество передвижных экспозиций, однако их подвижность является довольно условной. Как правило, их владельцами арендуется выставочный комплекс, в котором она и размещается стационарно, а после прохождения определенного периода времени переезжает в другой культурный центр. Принципиальным отличием передвижного музея «Военная история», как уже говорилось выше, является действительно полная мобильность, иначе говоря – размещение именно там, где клиенту удобнее всего ее посетить. С другой стороны, выставочные пространства, обладающие таким же уровнем мобильности, как и рассматриваемый проект, по большей части являются экспериментально-научными комплексами, скорее передвижными лабораториями, нацеленными на популяризацию различных отраслей науки, что, естественно, также крайне важно, но имеет лишь косвенное отношение к истории. Наша же передвижная экспозиция — это именно исторический комплекс с уклоном на патриотическое воспитание.

В данный момент для передвижного музея «Военная история» создается интерактивная среда, благодаря которой потенциальный посетитель сможет ознакомиться с его экспозицией. Это позволит увеличить охват и количество потенциальных заказов на размещение экспозиции. Однако для нашего проекта создание интерактивной среды — это не самоцель и не дополнительный

элемент музея, это всего лишь инструмент, призванный увеличить осведомленность потенциальных посетителей о наличии подобной экспозиции, который никогда не сможет заменить главную особенность музея – контакт с живой историей.

Социальной задачей, которую решает передвижной музей «Военная история», является патриотическое воспитание молодежи и – в коллаборации с Федерацией современного мечевого боя – уменьшение игровой зависимости страдающих от нее лиц. Важность, а главное – эффективность нашей передвижной экспозиции в решении этих двух задач уже отмечена несколькими благодарностями и грамотами от муниципальных властей различных округов Москвы. Кроме того, в 2021 году передвижной музей «Военная история» вошел в число победителей конкурса «Моя страна – моя Россия 2021» в номинации «Моя педагогическая инициатива», в рамках которой делался акцент на воспитательный эффект среди молодежной аудитории.

Таким образом, подводя итог, мы проанализировали основные тенденции и проблемы как внешнего, так и внутреннего характера, с которыми столкнулись музейно-экспозиционные комплексы России в последние два года, и обозначили дальнейший предполагаемый вектор поведения целевой аудитории. И если данные изменения не носят критического характера для музейных комплексов, являющихся центрами культурного притяжения, то для малых экспозиций они могут стать фатальными.

На примере передвижного музея «Военная история» мы рассмотрели возможности малого выставочного комплекса приспособиться к данным изменениям и получить дополнительные конкурентные преимущества, не уклоняясь при этом от главной задачи любого исторического музея – быть культурным центром, а также – поддерживать и развивать элементы патриотического воспитания среди молодежи.

Список литературы

1. Ахаев А. В., Стеблецова И. С., Ахаева Н. В. Особенности реализации социально-образовательного и экологического проекта интерактивный передвижной музей-лаборатория «Великие люди – великой степи» // Вестник Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности. Том 25. № 2. 2020. С. 43–48.
2. Гвоздарева Е. В. Передвижная выставка-музей «Быт русского народа» как эффективный элемент развития образовательной среды в ДОО // Конференциум Академии Социального Управления: сборник научных трудов и материалов научно-практических конференций. 2017. № 2. С. 1072–1074.
3. Капырин П. А. Организация предпринимательской деятельности в сфере культуры и досуга на примере передвижного музея военной истории // Развитие малого предпринимательства в Байкальском регионе / Материалы международной научно-практической конференции. Отв. редактор А. В. Самаруха. Иркутск, 23 ноября 2021 года. С. 105–109.
4. Капырин П. А. Передвижной музей «военная история», как часть проекта уменьшения игровой зависимости молодежи и повышения интереса к истории // Гуманитарное и медико-биологическое образование: проблемы, перспективы, интеграция: материалы юбилейной научно-практической конференции с международным участием, посвященной 10-летию факультета гуманитарного и медико-биологического образования СтГМУ, 22 октября 2021 года / под общ. ред. В. Н. Мажарова. Ставрополь : Изд-во СтГМУ, 2021. С. 424–428.
5. Лазуткина А. О., Лазебная Е. А. Цифровизация музеев и передвижных выставок произведений искусства // Содействие профессиональному становлению личности и трудоустройству молодых специалистов в современных условиях / Сборник материалов XIII Международной научно-практической конференции. В 3-х частях. Под редакцией С. А. Михайличенко, Ю. Ю. Буряка. Белгород, 2021. С. 383–403.
6. Семенов М. Н., Семенова Н. Л. Возможности передвижного музея в музейно-образовательной деятельности // Чувашский Национальный музей: люди, события, факты. № 14. 2019. С. 137–139.
7. Художественная газета [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theartnewspaper.com/2022/03/28/visitor-figures-2021-top-100-most-popular-art-museums-in-the-world>
8. Хингли Р. Оценка того, как репрезентация римского прошлого влияет на общественное восприятие Провинции Британия // Общественная археология. 2021.
9. Мудицка С., Келли Дж. Дополненная реальность в динамичном мире виртуального туризма // Серия конференций ИОР: Наука о земле и окружающей среде / 21, Междисциплинарные темы в горном деле и геологии. Сер. «XXI конференция аспирантов и молодых ученых, CPSYS 2021». 2021.
10. Реддинг А. Трогательные сердца: как мнемонический труд (транс)формирует мнемонический капитал // Исследования памяти. Том 14(1). 2021.

*

Поступила в редакцию 26.12.2022

УВАЖАЕМЫЕ АВТОРЫ!

Предлагаем Вам опубликовать статьи в научном журнале «Вестник Московского государственного университета культуры и искусств».

Журнал «Вестник МГУКИ» входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

с 01.02.2022 года

5.7.3. Эстетика (философские науки)

5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки)

5.8.7. Методология и технология профессионального образования (педагогические науки)

с 21.02.2023 года

5.7.2. История философии (философские науки),

5.7.8. Философская антропология, философия культуры (философские науки),

5.8.2. Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования) (педагогические науки),

5.10.1. Теория и история культуры, искусства (философские науки),

5.10.1. Теория и история культуры, искусства (культурология),

5.10.2. Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов (культурология),

5.10.2. Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов (исторические науки),

5.10.4. Библиотековедение, библиографоведение и книговедение (педагогические науки),

5.10.4. Библиотековедение, библиографоведение и книговедение (исторические науки),

5.10.4. Библиотековедение, библиографоведение и книговедение (культурология)

Журнал принимает к публикации статьи, которые ранее не были опубликованы. Не ранее чем через год после выхода в свет статьи в нашем журнале автор может опубликовать данный текст или его фрагменты в других изданиях.

Статья должна обладать научной новизной, отражать основные результаты исследований автора, соответствовать общему направлению журнала и быть интересной широкому кругу российской научной общественности.

Статья может содержать (при необходимости) минимум таблиц, формул и графических зависимостей. Статью необходимо завершить выводом (выводами). Все аббревиатуры и научные термины следует раскрывать. Не стоит злоупотреблять интернет-источниками. При их использовании необходимо давать ссылки в соответствии с правилами оформления библиографического аппарата научных статей.

Требования к публикации

1. Текст набирают в редакторе Microsoft Office Word, шрифт – Times New Roman, кегль 14, интервал – 1,5.

2. Объем статьи составляет не менее 15000 и не более 40000 знаков, включая пробелы.

3. Список литературы располагается в конце статьи в алфавитном порядке, библиографические описания в списке оформляются по ГОСТ 7.05–2008, отсылки по тексту статьи даются в квадратных скобках. Количество источников в библиографическом списке не менее 8 и не более 30. References не требуются.

4. К статье прилагаются:

а) аннотация (100–250 слов) на русском и английском языках, а также ключевые слова к статье на русском и английском языках (8–12 слов);

б) сведения об авторе в следующем порядке – ФИО автора (авторов) полностью, на русском и английском языках, как в загранпаспорте или водительских правах; ученая степень, ученое звание, должность, место учёбы или работы (в именительном падеже), город, страна. Все данные дублируются на английском языке. Отдельно указывается контактный телефон, обязательно – электронный адрес.

в) Обязательным является указание на УДК, грант или госзадание.

5. Статьи принимаются в электронной версии на e-mail редакции: vestnik-mguki@mail.ru

а) Все статьи проходят двойное слепое рецензирование и публикуются бесплатно. Редакционная коллегия оставляет за собой право отбора материалов, а также возможность вносить изменения в название и текст статьи по согласованию с автором. Позиция редакции может не совпадать с точкой зрения авторов.

б) До рецензирования оригинальность статьи проверяется в системе «Антиплагиат». В журнал принимаются статьи со степенью оригинальности текста не менее 75 %. Цитаты занимают не более 20 процентов текста. Самоцитирование ограничено необходимым минимумом (не более 10 процентов текста в форме пересказа со ссылкой на источник).

в) Ответственность за содержание публикаций несут авторы. Автор несет ответственность за точность воспроизведения имен, цитат, формул. Статья, после её одобрения редколлегией журнала, может готовиться к публикации до полугода. Форма договора высылается автору после принятия редколлегией решения о публикации рукописи.

г) Автор должен сообщить редколлегии журнала обо всех своих работах и работах своих соавторов, пересекающихся по тематике с представленной в редакцию статьей и находящихся на рассмотрении в других изданиях.

При представлении основных результатов своего исследования автор обязан находиться в правовом поле, т.е. его публикация не должна каким-либо образом нарушать Закон РФ от 27.12.1991 N 2124-1 (ред. от 18.04.2018) «О средствах массовой информации».

Редакция научного журнала «Вестник МГУКИ» в своей редакционной политике руководствуется принципами публикационной этики, разработанными на основе российских и международных стандартов.

От авторов, предлагающих свои материалы к публикации в журнале, редакция ожидает соблюдения следующих принципов:

- оригинальность исследования;
- предоставление достоверных результатов проделанной работы, отсутствие ложных утверждений и ошибочных данных;
- объективное обсуждение значимости исследования;
- недопустимость личных и пренебрежительных замечаний и обвинений в адрес других исследователей;
- получение разрешения на использование (воспроизведение) чужих материалов, таблиц, изображений и обязательное указание автора этих материалов и/или владельца авторских прав на эти материалы;
- представление информации из конфиденциальных источников только с их разрешения;
- представление в качестве соавторов всех участников, внесших существенный вклад в исследование и написание статьи; одобрение окончательной версии работы всеми соавторами и их полное согласие с представлением её к публикации;
- выражение благодарности другим коллегам, не являющимися авторами данной статьи, но повлиявшими на её создание;
- раскрытие потенциальных конфликтов интересов (предоставление информации о работе по найму, консультировании, наличии акционерной собственности, получении гонораров, предоставлении экспертных заключений, патентной заявки или документа о регистрации патента);
- чёткое указание в тексте рукописи сведений о полученных грантах, других источниках финансирования исследования, обо всех других формах поддержки, т. е. фактах, которые могут быть восприняты как оказавшие влияние на результаты или выводы, представленные в работе;
- незамедлительное сообщение об обнаружении существенных ошибок или неточностей в публикации и взаимодействие с редактором с целью скорейшего исправления ошибок или изъятия публикации, своевременное исправление ошибок и неточностей, выявленных рецензентом или редактором.

**Научный журнал «Вестник Московского государственного
университета культуры и искусств»
приглашает к продуктивному сотрудничеству!**